

Майкл Джексон в последние дни: воспоминания телохранителей

Введение

Вы не читали бы сейчас эту книгу, если бы Майкл Джексон все еще был жив.

Два с половиной года, с декабря 2006 до его смерти в июне 2009, мы работали в личной охране Майкла Джексона, самого известного и успешного артиста всех времен. Значительную часть этого срока мы служили единственной преградой между его семьей и внешним миром, и нам есть что рассказать.

Большинство людей попросту не знают, что такое личная охрана. Люди видят нас по телевизору и, вероятно, думают, что мы – этикие громилы в черных костюмах, торчащие у дверей. Но мы иные. Мы не вышибалы. Многие из нас – бывшие сотрудники правоохранительных органов, иногда военные, люди, которые специально постигали специфику работы личного телохранителя. Сегодня жизнь кинозвезд и профессиональных спортсменов является ценностью. Их личное пространство постоянно подвергается нападениям, поэтому их защита становится серьезным делом. Нам доверяют благополучие их жен, детей, доверяют секретные документы. Мы дежурируем в больницах, ресторанах и в больничных палатах. Мы создаем фиктивных персонажей, чтобы помочь таким людям перемещаться инкогнито. И когда мы уходим, после нас не остается следов, словно нас и не было (в случае, если мы хорошо выполнили свою работу). Но мы всегда там – стоим на заднем плане, слушаем и наблюдаем. Мы знаем то, о чем таблоиды лишь предполагают. Мы знаем то, что любой хотел бы знать.

В частном охранном бизнесе прием на работу основывается не только на твоих навыках и опыте. Кто-то должен за тебя поручиться. Ты не можешь просто привести кого-то в эту сферу, пока не убедишься, что можешь доверять этому человеку. Люди, только что прошедшие обучение, не могут сразу получить работу. Так это работает. Ты все видишь. Все слышишь. Но ничего не знаешь. Если тебя спрашивают – ты ничего не помнишь. Если тебя вызывают в суд по повестке, говори кратко. Таковы требования в этой профессии, и именно так мы работаем с клиентами сегодня.

Майкл Джексон не был обычным клиентом. Мы присягнули хранить его тайны в жизни, но его смерть поставила нас в такое положение, в котором нам было слишком неудобно. Вопросы о его смерти (кто имел к нему доступ, когда и для чего) вывели нас на передовую, где мы должны были стать его первой линией защиты. Мы старались не показываться на глаза, насколько это было возможно. Мы отказались от многочисленных предложений от таблоидов, которые готовы были платить нам, чтобы мы поведали всем о скандальных аспектах жизни мистера Джексона. Нас обязали свидетельствовать на суде по делу Конрада Мюррея, а также в гражданском разбирательстве между Фондом наследия Джексона и фирмой AEG Live, выступавшей промоутером концертов Джексона This Is It, и мы отвечали на заданные вопросы правдиво, отвечали то, что нам было известно, но помимо этого больше не давали никакой информации. Нам совершенно не хотелось быть втянутыми в этот цирк.

Ранее мы делали публичные заявления всего дважды, в небольших интервью на шоу Nightline и Good Morning America в марте 2010 года. Цель наша была проста: рассказать правду о Майкле Джексоне, которого мы знали. Мы хотели, чтобы мир увидел чудесного человека и замечательного отца, на которого мы имели честь работать. Поклонники мистера Джексона, которых он всегда очень ценил и любил, заслуживают того, чтобы увидеть его в таком ракурсе. Наша цель не изменилась. Мы решили, что написанная нами книга, рассказ непосредственных участников событий без комментариев репортеров, станет наилучшим и наиболее эффективным способом раз и навсегда установить истину.

Мы очень старались сохранить баланс между потребностью быть честными и нашими обязательствами хранить молчание. Люди, имена которых вы увидите в этой книге (братья и сестры мистера Джексона, Раймона Бэйн, его менеджер, Грейс Руарамба, няня его детей), являются публичными фигурами, хорошо известными тем, кто знаком с историей Майкла Джексона. В этом случае мы не считаем упоминание их имен нарушением договора о конфиденциальности. Мы рассказали о них, поскольку без этого история была бы отрывочной. Мы сделали все возможное, чтобы не называть частных лиц. Кроме того, об армии адвокатов, менеджеров и прихлебателей, населявших мир Майкла Джексона, уже было написано предостаточно. Мы сосредоточимся на единственном человеке, который интересен читателям.

Во многом эту историю больше некому рассказать, кроме нас. И хотя множество людей приходили и уходили из жизни Джексона в разные периоды времени, за последние годы его жизни, до проекта This Is It, рядом с ним практически никого не было. Бывали дни и недели, когда рядом с ним и тремя его детьми, Принсом, Пэрис и Бланкетом, были только мы. Мистера Джексона лишили шанса самому рассказать эту часть истории. Его дети были слишком маленькими, чтобы запомнить детали или понять то, что происходило, и они заслуживают того, чтобы эти события были зафиксированы так, как все было на самом деле. Поэтому остались только мы.

Есть те, кто пытается облить мистера Джексона грязью, и есть те, кто настаивает, что он был святым, ангелом, которого надо поднять на пьедестал. Он не был ни тем, ни другим. Как и все мы, он был сложным человеком. Чрезвычайно верующим человеком, который отдавал миллионы долларов на благотворительность и привносил свет в наши жизни благодаря своему таланту. Он сражался с личными проблемами и болью так, как мало кто умеет или может понять. Эта книга отмечает и хорошие времена, и великие достижения его жизни, но не скрывает неприятные моменты, с которыми ему пришлось столкнуться. Наша цель – представить эту историю в правдивом свете, чтобы всесторонне показать то, что мы видели своими глазами.

Наконец, учитывая некрасивое поведение некоторых личностей, желавших получить доступ к невероятному состоянию Майкла Джексона, мы хотели бы кое-что прояснить: мы пишем это не за деньги. Как мы уже говорили, мы отказались от множества денежных предложений. Когда мистер Джексон умер, по контракту у нас еще оставалось два года работы. И хотя мы имели все законные основания требовать то, что нам причитается, мы не собирались присоединяться к веренице кредиторов, выстроившихся в очередь за куском пожирнее. Со смертью мистера Джексона мы списали и все его долги перед нами. В отличие от многих, мы не подавали никаких исков и не выдвигали требования его Фонду наследия.

Мы не получили никакого вознаграждения за эту книгу. В то время как некоторые люди, близко знавшие мистера Джексона, стряхивали шестизначные суммы за свои «разоблачительные» мемуары, мы избрали другой путь. Когда мы подписали договор о

выпуске этой книги, мы не требовали денег для себя. Небольшой аванс, выданный издателем, был использован исключительно на покрытие расходов по написанию книги: поездки на встречи с редакторами, работа профессионального писателя, который помогал нам оформлять текст, и т.д. Помимо этого, все прочие расходы были оплачены нами самостоятельно. Это был нелегкий путь. В ходе подготовки этой книги к публикации нам пришлось столкнуться с множеством препятствий. Как и во всем, что касалось мистера Джексона, нам довелось увидеть всю мерзость этого мира, когда мы попытались достойно передать информацию о нем.

Мы хотим, чтобы решение о нашем вознаграждении принимали вы, поклонники, и только если вы решите, что мы действительно заслужили его. У Майкла Джексона все еще есть армия верных поклонников по всему миру. Вы заслуживаете узнать честную историю его жизни. Вы заслуживаете услышать, каким он был. Мы считаем, что эта книга даст вам все это. Если вы согласны с этим, если уж вы выложили на прилавок свои деньги, чтобы купить эту книгу, это даст нам понять, что наши усилия не были напрасными. В любом случае, мы сможем спокойно спать, зная, что мы оставались верными мистеру Джексону и нашим личным принципам. Работа в охране Майкла Джексона – уникальный опыт. Мы сумели глубже понять его самого и его музыку, и это навсегда изменило наше мировоззрение. Поэтому мы делимся нашей историей с вами в надежде, что это изменит и ваш мир.

(с) Билл Витфилд, Джавон Бирд, 2014

ПРОЛОГ

22 декабря 2006 г.

Международный аэропорт Маккарран, Лас Вегас, штат Невада

Билл:

До Рождества оставалось три дня, было десять вечера, и я сидел в одном из четырех черных кадиллаков «Эскалейд», припаркованных прямо на летном поле. Меня наняли для охраны. Клиент летел в Лас Вегас частным самолетом откуда-то из-за океана; я должен был проводить его из аэропорта в особняк в районе Саммерлин (северо-западная часть города). Я сидел на пассажирском сиденье в переднем автомобиле. Автомобиль, названный «главным» (это означало, что именно в нем повезут клиента), стоял как раз за мной. Я осматривал небо над нами, ища взглядом самолет.

Люди думают, что Лас Вегас – это неоновые огни, раскаленный асфальт и пустыня. Но зимой? Ночью? Как только садится солнце, температура быстро падает. На улице был едва ли не мороз. Я включил в машине обогреватель, чтобы не замерзнуть, пока будем ждать. Одно только то, что нам разрешили выехать машинами на летное поле, уже было странным. Я к такому не привык, даже когда возил серьезных клиентов. Однако в этом городе все странное давно стало нормой. Это Вегас. Такой кортеж мог быть нанят для кинозвезды, директора крупной компании, спортсмена или политика. Черт, да меня могли нанять даже для охраны какого-нибудь диктатора, удиравшего от революции в стране третьего мира. Я понятия не имел, кого буду охранять сегодня.

За пару дней до этого я вернулся домой после трехмесячной работы, в ходе которой я побывал в двух странах и пяти штатах. Я хотел отдохнуть и провести время со своей дочкой. Затем мне позвонил один мой коллега, Джефф Адамс. Мы дружили, были почти семьей. Часто работали вместе. Он спросил, не могу ли я возглавить охрану для VIP-лица, прибывающего в Вегас через две недели. Мне нужно было всего лишь забрать его в аэропорту и проводить из пункта А в пункт Б. Джефф сказал:

– Я говорил с ассистентом клиента, человеком по имени Джон Фельдман. Я передал ему данные о тебе. Он хочет, чтобы ты отправил ему свое резюме и копию водительского удостоверения, чтобы они могли провести проверку.

Он дал мне номер заграничного факса, я записал.

– А кто клиент? – спросил я.

Джефф замялся:

– Сейчас я не могу сказать. Но, поверь мне, ты будешь рад, что согласился на эту работу. И ты должен быть вооружен.

Мне не очень хотелось соглашаться, не зная, кто заказчик. Но я был в этом бизнесе достаточно долго, чтобы знать, что порой именно так все и работало. Пока не установится доверие, знать нужно как можно меньше. Тебя нанимают на два часа, ты приезжаешь, выполняешь работу – и все. У меня было много подобных заказов. Я сказал ему, что согласен.

В течение следующих двух недель меня проверяли, вводили в курс дела, и я начал готовиться к работе. За два дня до прибытия клиента Джефф и я провели то, что мы называем «предварительной разведкой», составили наилучший маршрут из аэропорта до дома клиента, вместе проехали по этому маршруту, отмечая каждый дорожный знак,

светофор, густонаселенный квартал, который нужно было пересечь. Мы решили, что я займусь перевозкой из аэропорта до дома, а Джефф будет ждать нас на месте.

В день прибытия клиента я приехал в аэропорт в семь тридцать вечера. Машины должны были подать к восьми. Когда они прибыли, я внимательно осмотрел каждую. Пока я это делал, то заметил, что на зеркале заднего вида стояли видеокамеры, нацеленные на пассажирское сиденье. Я позвонил Джеффу.

– Никаких камер, – сказал он. – Точка.

Я снова прошелся по всем автомобилям и отключил все камеры.

В десять вечера мы выехали на летное поле. В 10:35 приземлился частный самолет Gulfstream V и подрулил к нам. Я велел водителям подъехать к самолету. Вышел из машины и отошел к главному автомобилю, остановившемуся как раз у подножия трапа. Я стоял и ждал, готовый открыть перед клиентами дверцу. Бортпроводники и другие водители стали загружать в машины багаж.

Первым с самолета сошел мужчина лет пятидесяти, чернокожий, ухоженный, но не слишком приметный. Затем вышла женщина. На руках у нее спал ребенок, она осторожно снесла его вниз по ступенькам. Вслед за ней шли двое детей постарше, примерно начального школьного возраста. Все они забрались в машину. Ладно, решил я, видимо, это все. Но едва я стал закрывать дверь, один из детей спросил:

– А где папочка?

Папочка?

Я снова обернулся к самолету. По трапу спускался мужчина, одетый во все черное. Его лицо было закрыто черным шарфом. Когда он подошел ближе, я обратил внимание на его ноги: черные мокасины, тонкие лодыжки и белые носки, выглядывавшие из-под укороченных брючин. Он сошел вниз, прошел мимо меня и сел в автомобиль к детям. Я закрыл дверцу, вернулся к первой машине, и мы покинули аэропорт.

В городе были предпраздничные пробки, и у нас ушло 45 минут на дорогу до дома. Джефф ждал нас. Мы подъехали к крыльцу, ворота за нами закрылись. Моя машина остановилась перед крыльцом, а главный автомобиль проехал к боковому входу, чтобы семья могла зайти в дом без постороннего надзора. Я помог выгрузить вещи (там было как минимум тридцать чемоданов и сумок), и мы занесли их в дом. Затем я снова вышел на подъездную дорожку.

Из дома вышел Джефф. Он спросил меня по рации:

– Порядок?

– Код 4, – ответил я.

В этот момент я решил, что с работой покончено. Я довез клиента из пункта А в пункт Б. Все. Но я изнывал от любопытства, поэтому подошел к Джеффу:

– Ну так что, скажешь мне, кто этот парень?

Джефф широко улыбнулся:

– А ты что, не разглядел его?

Я пожал плечами:

– Разглядел. Какой-то тощий чувак, девица и трое детей.

Джефф наклонился ко мне и шепнул:
– Это Майкл Джексон.

Я уставился на него:
– Да ладно?!

Он поднял правую руку в воздухе:
– Чтоб мне сдохнуть. Честное слово.

Я не поверил. Он немного посмеялся надо мной. Затем тот ассистент, Фельдман, который первым вышел из самолета, позвал нас в дом. Мы вошли, а я все думал: «Неужто правда? Я что, сейчас увижу Майкла Джексона?»

Мы вошли, и этот самый парень уже шел мне навстречу, без шарфа на лице. В моей голове мелькнуло: «Вот дерьмо!» Вот он я, стою перед Майклом Джексонем и пожимаю ему руку. Нереально. Джефф представил нас. Мистер Джексон негромко произнес:
– Привет, рад познакомиться.
– Знакомство с вами честь для меня, сэр, – ответил я. – Я ваш большой поклонник.

Большой поклонник? Да я никогда такого не говорю клиентам. По долгу службы я часто оказывался среди знаменитостей. Но сердце бешено колотилось у меня в груди, а волосы на загривке встали дыбом. Я старался держаться профессионально, но внутри больше напоминал маленького ребенка. Я действительно был большим его поклонником. У меня дома еще хранились старые записи Jackson 5, старые пластинки. Я помнил, как видел его с братьями в программе Soul Train, помнил, как он исполнял танец робота в Dancing Machine.

Мы немного поговорили о Motown, поскольку я работал на них, и он видел это в моем резюме. Его дети стояли у него за спиной. Принс и Пэрис поздоровались со мной. Бланкет молчал, прячась за отца, затем несмело помахал мне рукой. Мистер Джексон сказал им:
– Дети, это Билл. Он наш новый охранник.

Я не понял. Новый охранник? О чем это он? Мне же сказали, что будет только сопровождение из пункта А в пункт Б. Получить чек и поехать домой. В голове у меня тревожно заревела сирена. А затем мистер Джексон спросил (правда, прозвучало больше как утверждение, чем вопрос):
– Вы ведь останетесь на ночь, да?
– Э-э... Да. Да, сэр.
– Отлично, – ответил он. – Тогда увидимся утром.

Они пожелали нам спокойной ночи и отправились на второй этаж. Я посмотрел на Джеффа, затем на Фельдмана:
– Нам нужно поговорить.

Мы вышли во двор, и я сказал:
– Что происходит? Где охрана этого парня?
– Какое-то время его охраной занималась Нация ислама, – пояснил Джефф. – Он остался недоволен, так что теперь он вносит кое-какие изменения.

Фельдман извинился за путаницу и спросил, могу ли я остаться на ночь и, возможно, дольше. Я сказал Джеффу:

- Нет, это что, настоящий Майкл Джексон? Чувак, не играй со мной. Тут холодно, и я не в настроении бегать по Вегасу за каким-то двойником.
- Поверь мне, – ответил он, – это настоящий. Он просмотрел твое резюме, увидел, что ты работал с Motown, и сразу сказал, что хочет тебя нанять.
- Ладно. А когда приедет остальная команда?

Фельдман посмотрел на Джеффа, затем снова на меня и ответил:

- Я думал, вы знаете. Больше никого нет. Только вы.

Чего?! Ну уж нет. Нет-нет-нет. Вот теперь я был зол. Меня поставили в ситуацию, к которой я не был готов. Да тут вокруг полно народу, которые просто обожают этого парня, и еще столько же, кто ненавидит его, они сделают что угодно, чтобы добраться до него. Когда я видел Майкла Джексона по телевизору, вокруг него всегда была масса охранников. А здесь был только я один. Я не был знаком с местностью, не знал расположение комнат в доме. У меня даже не было необходимого оборудования для такой работы.

Меня охватили плохие предчувствия. Что-то здесь не так. Я слишком долго занимался этим, чтобы поверить, что Майкл Джексон, Король поп-музыки, путешествовал *без охраны*. Только ассистент и нянька? А где персонал? Менеджер? Свита, наконец?

Тогда я еще не знал (но быстро понял), что Майкл Джексон, прилетевший в ту ночь в Вегас, был совершенно другим человеком, отличавшимся от Джексона, уехавшего из страны год назад. В ту ночь не было свиты, потому что не было *вообще никого*. Он был один. Самый известный человек на планете, и только мы знали, что он вернулся в Штаты.

Я согласился остаться, а что еще мне оставалось? Он же сказал своим детям, что я буду их защищать. Через какое-то время ассистент и няня ушли. Они остановились в отеле неподалеку. Джефф тоже ушел. У него уже был другой заказ. Я остался один. Я быстро осмотрел территорию, проверил все двери и окна, а затем устроился на складном стуле в гараже. Было очень холодно. В гараже не было даже изоляции, а на мне – лишь костюм с галстуком и больше ничего.

Я отказывался верить. Просто не мог. Я хотел позвонить всем, кого знаю, но, естественно, не мог. Да и кто бы мне поверил?

Эй, знаете, а я тут в доме с Майклом Джексонном и его семьей.

А кто еще с тобой?

Никого. Я тут один в гараже.

Мужик, да над тобой кто-то жестко пошутил.

Я не спал всю ночь, страшно замерз. Я реагировал на каждый звук, каждую проезжавшую мимо машину, вскакивал, осматривался, проверял. Но большую часть времени я просто сидел, мерз и думал: «Где все его люди? А не полезет ли сейчас через забор какой-нибудь псих? Что я вообще здесь забыл?»

Примерно в четверть восьмого взошло солнце. Я услышал, как открывается дверь, ведущая в дом, а затем тихий детский голосок произнес:

- Простите, пожалуйста...

Я поднял голову. Это была девочка, Пэрис. Она вошла в гараж, держа в руках чашку. В ней был горячий шоколад с кусочками зефира. Она тихонько стояла рядом, глядя на меня и протягивая мне чашку:

– Папочка попросил, чтоб я отнесла вам это.

Часть первая

«Можно мы вернемся в «Неверленд»?»

-1-

19 июня 2005 года Майкл Джексон поднялся на борт частного самолета со своими тремя детьми и исчез. Через десять дней, после краткой остановки в Европе, он приземлился в королевстве Бахрейн на берегу Персидского залива, где и прожил весь следующий год. Всеми признанный Король поп-музыки отправился в изгнание.

Майкл Джо Джексон родился 29 августа 1958 года в промышленном городке Гэри, штат Индиана. Он был седьмым из девяти детей Джо и Кэтрин Джексон. С ранних лет продемонстрировав яркий музыкальный талант, Джексон вскоре присоединился к своим старшим братьям Джеки, Тито, Джермейну и Марлону как член музыкальной группы, менеджером которой выступал их отец. Они назвали себя The Jackson 5. С шести лет Майкл почти каждую неделю путешествовал с братьями, выступая на региональных шоу талантов, в ночных клубах и на фестивалях. К двенадцати годам он был одним из самых популярных артистов страны. К двадцати пяти – благодаря успеху ныне легендарного альбома Thriller, он стал самым знаменитым человеком на планете.

Захватывающая карьера Джексона начала рушиться в августе 1993, когда его публично обвинили в растлении детей. Отстаивая свою невиновность, но желая избежать длительного судебного разбирательства и дальнейшего вторжения в свою личную жизнь, он согласился урегулировать дело вне суда. Это решение и его последствия преследовали его всю оставшуюся жизнь, бросая тень подозрения на любые его действия. В последующие годы жизнь Джексона все ухудшалась, пока не взорвалась вторым скандалом и похожими обвинениями в растлении в 2003 году. В этот раз окружной прокурор Санта-Барбары Том Снеддон, с первых обвинений десять лет назад обуреваемый желанием во что бы то ни стало осудить певца, провел полное уголовное расследование.

В апреле 2004 года Снеддон созвал Большое жюри присяжных, которое проголосовало за то, чтобы выдвинуть певцу обвинения в неподобающих действиях в отношении несовершеннолетнего. Джексон, в этот раз принявший твердое решение доказать свою невиновность, согласился на судебное разбирательство. В январе 2005 года дело «Народ Калифорнии против Майкла Джо Джексона» привлекло внимание всего мира. Однако даже после двухлетнего расследования и шестимесячного суда чрезмерное усердие прокурора так ни к чему и не привело – не нашлось ни единого доказательства преступления со стороны Джексона. Присяжные единогласно оправдали его по всем статьям, и 13 июня 2005 года Майкл Джексон вышел из зала заседаний полностью реабилитированным человеком.

Реабилитированным, но раздавленным. Очутившись на пороге юридических и финансовых проблем, накопившихся за последние годы, измотанный судебным процессом Джексон покинул Америку и поселился в Бахрейне. Там он стал гостем шейха Абдуллы бин Хамад бин Иса Аль-Халифы, дружившего с Джермейном Джексонем, который и познакомил их. Шейх Абдулла, второй сын короля Бахрейна и правитель южной провинции королевства, мечтал стать музыкальным магнатом и усмотрел в Джексоне идеальный инструмент для создания новой корпорации. Они сформировали компанию звукозаписи и объявили о грандиозных планах, но их отношения быстро разладились, и летом 2006 года певец уехал из Бахрейна и провел следующие полгода в Ирландии. Джексон буквально влюбился в тихие отдаленные уголки Изумрудного Острова, но его финансовые проблемы не могли разрешиться сами собой, пока он прятался за океаном. Ему нужно было возвращаться к работе, поэтому он принял решение приехать в Лас Вегас с целью организовать серию выступлений в одном из крупных отелей.

Джексон, однажды гастролировавший по миру с двумя грузовыми самолетами, забитыми оборудованием и персоналом, вернулся из своего 18-месячного путешествия лишь в сопровождении нескольких человек: своих детей, их няни Грейс Руарамбы и личного ассистента Джона Фельдмана. С того момента, как он стал ребенком-звездой, основной частью свиты Майкла Джексона всегда были личные телохранители, повсюду следовавшие за ним во время выходов в свет. Во время и после суда 2005 года защитой певца занималась организация «Нация ислама». Присутствие этой организации в жизни Джексона подняло очередной скандал в прессе, поэтому, когда Джексон вернулся в США, его менеджеры решили больше не прибегать к услугам «Нации ислама». Консультант по безопасности Джефф Адамс, имевший связи с командой Джексона, кинул клич, что для охраны певца требуются новые люди. Среди множества полученных резюме один кандидат сразу заинтересовал Джексона.

Билл Витфилд, родившийся в 1965 году, вырос в нью-йоркском пригороде Нью-Рошель и сделал карьеру в правоохранительных органах. К началу девяностых у него родилась дочь, а сам он занялся работой в сфере частной охраны. В то время в Нью-Йорке вовсю развивался хип-хоп, постепенно просочившийся с улиц Бронкса в мультимиллиардную индустрию развлечений. Двоюродный брат Билла, Максвелл Дикстон (также известный как Grand Pupa, ди-джей, выступавший в команде Brand Nubian), представил Билла различным игрокам в этом бизнесе, и тот стал работать в охране рэперов, музыкантов и профессиональных спортсменов. В 1995 году он полностью оставил работу в правоохранительных органах и возглавил личную охрану Андре Харрелла, основателя Uptown Records, назначенного исполнительным директором Motown Records. Проработав на Харрелла следующие четыре года, Билл приобрел необходимые связи и знакомства, которые вскоре приведут к нему целую вереницу известных клиентов, включая протеже Харрелла, Шона Комбса (P.Diddy).

В 2001 году Билла позвали работать в Лас Вегас, и ему понравился город. Здесь хватало работы для телохранителя, поскольку город был центром игрового и развлекательного бизнеса, где постоянно пребывала масса богатых и знаменитых людей. Он полностью перебрал на себя опеку над своей единственной дочерью, переехал на запад и стал известным независимым консультантом по личной безопасности, обслуживая лучших спортсменов NBA, музыкантов, директоров корпораций и даже кандидатов в президенты.

К тому моменту, как ему позвонил Джефф Адамс и предложил сопровождать загадочного клиента из VIP-терминала международного аэропорта Маккарран в закрытый особняк в городе, Билл Витфилд уже более десяти лет значился среди лучших специалистов своей

профессии. Однако ни один из ранее полученных заказов не мог подготовить его к тому, что происходило после того, как над пустым гаражом в Лас Вегасе взошло солнце, и юная Пэрис Джексон принесла ему чашку горячего шоколада с зефиром.

Билл:

Все утро я в основном сидел в гараже, пытаюсь предугадать дальнейшее развитие событий. Я пробыл там до шести вечера. Затем приехал Джефф и отпустил меня домой на несколько часов, чтобы я мог повидаться с дочкой. Я должен был рассказать ей, что случилось. Она знала, что я работал с множеством знаменитостей, но Майкл Джексон? Когда я сказал ей, она взглянула на меня и ответила:

– Папа, ты врешь.

Я ничем не мог доказать свои слова. Я же не буду фотографироваться с Майклом Джексоном и его детьми. Но мне надо было как-то убедить ее. Впереди были праздники, а заодно и ее день рождения. Я должен был объяснить ей, что я буду на работе и в Рождество, и на новый год, и на ее день рождения. Я растил ее в одиночестве. Естественно, для нее это было чересчур: она расплакалась, как только я сказал ей об этом.

Вот тогда я и задумался над тем, стоит ли мне браться за эту работу. С одной стороны, у меня семья. С другой... Это сложно объяснить. Я чувствовал, что это моя обязанность – помочь этим людям. Этот человек и его семья оказались в странной ситуации, и никто не спешил им на помощь. Я должен был убедиться, что у них все в порядке. Я обсудил все это с дочкой, быстро принял душ, перекусил и отправился назад.

Мистер Джексон дружил с семьей Касио, итальянцами из Нью-Джерси. Он познакомился с ними еще во времена Thriller. Один из их сыновей, Энджел, приехал в Вегас на праздники и пришел к Джексону с визитом за день до рождества. Как только он прибыл, мистер Джексон решил поехать в магазин игрушек FAO Schwarz. Ему нужно было прикупить кое-какие подарки перед праздником.

Это было первой нашей попыткой вывезти его из дома. Мы приняли все меры предосторожности, и все равно это был полный хаос. Джефф и я провели все утро, разъезжая по маршруту от дома до торгового центра, наблюдали за стоянками, искали наиболее безопасные пути к магазину и обратно. Мы связались с охраной торгового центра и обсудили с ними все вопросы. Естественно, мы не сказали им, что это Майкл Джексон. Мы никогда не называем имена, мы лишь говорим, что это «высокопоставленная особа», поэтому они знают, к чему готовиться, но не смогут уведомить прессу.

Мы арендовали три внедорожника у той же компании, которую использовали в аэропорту. Мистер Джексон, Фельдман, Энджел и дети сели в машины, и мы отвезли их в торговый центр через закрытую парковку, а затем провели их через заднюю дверь Galerie Lassen, бутика, торгующего дорогими картинами. Там мы встретились с охраной торгового центра и решили разделить детей и их отца. Джефф и Энджел забрали с собой Пэрис, Принса и Бланкета, чтобы те совершили покупки самостоятельно. Фельдман и я остались с мистером Джексоном. Мы дали им пять минут форы, затем вышли в торговую зону.

Не прошло и минуты, как кто-то узнал его и завизжал «Майкл Джексон! Это Майкл Джексон!» Люди стали останавливаться и глазеть. Мистер Джексон здоровался с ними, пожимал им руки. Они начали вопить: «Майкл, мы любим тебя!», и мистер Джексон все время отвечал «Я люблю вас больше. Спасибо. Да благословит вас Бог». Он был едва ли не в слезах, искренне тронутый любовью, которую ему выказывали.

Поначалу было трудно, но терпимо. А затем пошло по нарастающей. Ведь пока никто не знал, что он вернулся в страну, поэтому шок от его присутствия был гораздо сильнее. Люди начали сбиваться в толпу вокруг него, пытаясь прикоснуться к нему. Они *орали*, их лица были искажены эмоциями. Через несколько секунд все это превратилось в полное сумасшествие.

Я и раньше бывал в подобных ситуациях с другими звездами, но такого со мной не случалось никогда. Находиться в самом центре этой мясорубки, когда люди бегут на тебя со всех сторон, просто ужасающе. Ты ничего не можешь сделать, чтобы взять ситуацию под контроль; единственный рациональный выход – бежать оттуда как можно скорее. Едва все это началось, мистер Джексон повернулся ко мне и сказал:

– Мы должны уйти, иначе кто-нибудь может пострадать.

Мы связались с другой группой по рации, чтобы они вывели детей другим путем и встретили нас на парковке. Охрана торгового центра и полиция Вегаса помогли нам пробиться обратно к машинам. И мы отвезли всех домой.

Едва мы добрались до дома, как сразу позвонили в FAO Schwarz и договорились с ними о визите мистера Джексона после закрытия, когда нет ни клиентов, ни туристов. В ту ночь мы отправились за покупками. Он спустил на игрушки около десяти тысяч долларов. Выбирал множество всего: игрушечную железную дорогу, фигурки супергероев, гору всяких девичьих вещичек для Пэрис. А потом велел, чтобы все это завернули в подарочную бумагу. Мы записывали на карточках имена, какой подарок кому предназначен, и следили, чтобы персонал магазина ничего не напутал. Затем мы отвезли мистера Джексона домой, а я вернулся в магазин, забрал подарки, привез их в дом и разложил под елкой.

Елка уже стояла в доме, когда они приехали в Лас Вегас. Весь дом был украшен изнутри. Риелторы, занимавшиеся домом, уже знали, что он едет, и я больше чем уверен, что именно мистер Джексон дал им такие инструкции – украсить дом к Рождеству. Он вырос среди Свидетелей Иеговы, а они не отмечают Рождество, но он отмечал его из-за детей. Он не хотел, чтобы они лишились этого праздника. Он хотел, чтобы утром для них был сюрприз, когда они проснутся. Включая щенка. Он запланировал для Принса особый подарок: двухмесячного лабрадора шоколадного окраса. Однако люди, у которых Фельдман приобрел щенка, привезли его слишком рано, в день перед Рождеством. Мистер Джексон не хотел, чтобы Принс увидел собаку раньше времени, и поскольку вокруг больше никого не было, я предложил взять щенка на ночь к себе.

Я отвез его домой. Милый пес. Но он не затыкался. Скулил и пищал всю ночь напролет. Мне едва удалось поспать пару часов, когда телефон начал разрываться. Было шесть утра, но Принс уже как-то проведаль о сюрпризе и хотел увидеть щенка. Я вытащил свою задницу из кровати, сунул собаку в машину и поехал к ним. Он пищал всю дорогу. Однако едва я внес его в дом, он мгновенно замолчал. Сразу стал такой милый и любвеобильный, словно понял, что здесь его дом. Принс сошел с ума от восторга. Он обожал этого пса. Назвал его Кения.

В первые несколько дней семья ничем не занималась и никуда не ездила. В основном ездил я, с различными поручениями. Забери то, привези это. Фельдман заказывал им готовую еду на вынос из Whole Foods (*сеть супермаркетов, специализирующихся на органической пище – прим. пер.*) – всегда только Whole Foods. И потом либо он сам, либо я ехал за заказом и доставлял домой. Иногда, когда я патрулировал территорию, то видел

всю семью за кухонным столом. Однако я почти с ними не общался. Они оставались в доме. Все, что нужно было сообщить по работе, передавалось через Фельдмана.

Перед новым годом приехала в гости мать Джексона. Больше никого, только она и ее личный водитель. Она прошла в дом с подарками для детей. Когда она подъехала к крыльцу, мистер Джексон и малыши встречали ее у парадной двери. Все были очень взволнованы. Дети кричали «Привет, бабуля! Привет, бабуля!» Было очевидно, что они давно не виделись.

Я наблюдал за всем этим из гаража, где обустроил себе «командный пункт». Каждые два часа я патрулировал периметр. В округе стояла тишина. Зима. Улицы пустые. Пока еще никто не знал, что мистер Джексон жил именно здесь, так что под воротами не было ни фанатов, ни папарацци. Обстановка напоминала затишье перед бурей. Вскоре люди непременно узнают, что это дом Майкла Джексона. А когда узнают, то кто знает, что может вломиться сквозь эти ворота. И мы не были к этому готовы.

«Что мы будем делать с охраной?» – так звучал основной вопрос, который я каждый день задавал Фельдману, Джеффу и самому себе. Нам нужны были люди, которым можно было доверять. Приближался новый год, и мистер Джексон сообщил нам, что хотел бы отвезти детей на шоу Дэвида Копперфильда в отеле MGM Grand. Мы не могли просто взять и отвезти их туда в канун нового года, не имея вокруг нужных людей. Джефф сказал, что свяжется со своим двоюродным братом Джавоном, который живет здесь же, в Вегасе. Я раньше не встречался с ним, но если Джефф рекомендовал его, то я был готов с ним работать.

Если честно, в тот момент мне только и оставалось, что положиться на Джеффа. Ситуация была донельзя странной. Что-то было не так, и организация была невнятной. Я ничего не мог понять, у меня было множество вопросов, но я не задавал их. В этой работе ты не задаешь вопросов. Если я кого-то нанимаю для личной охраны, и он задает слишком много вопросов, для меня это значит, что он не сосредоточен на работе. Он слишком волнуется о том, кто, что и почему – а это совершенно не его дело. Это знак того, что человеку доверять нельзя.

Кроме того, если ты действительно хочешь что-то разузнать, ты все равно это узнаешь в процессе. Ты начнешь слышать разговоры. Будешь получать электронные письма и принимать звонки. Ты увидишь, кто приезжает с визитом, и т.д. Но все эти мысли надо держать при себе. Просто наблюдать и слушать, и тогда получишь ответы на все свои вопросы, даже не задавая их.

Подрастая, Майкл Джексон восхищался Джеймсом Брауном, Крестным отцом соул-музыки, самым трудолюбивым человеком в шоу-бизнесе. Наблюдая за Брауном по телевизору и из-за кулис театра «Аполло» в Гарлеме, юный исполнитель изучал и запоминал каждое движение мастера. И хотя в ходе своего становления он обучался у таких великих звезд Motown, как Марвин Гэй, Дайана Росс и Смоки Робинсон, Майкл Джексон всегда утверждал, что именно Джеймс Браун оказал на него наибольшее влияние.

В канун Рождества, когда Джексон и его семья готовились к празднику, кумир его детства попал в больницу в Атланте, штат Джорджия, с жалобами на переутомление и сильный кашель. Через несколько часов, ранним утром Рождества, 73-летний артист умер от обширного инфаркта, усугубленного осложнениями после пневмонии. 30 декабря, оставив детей на попечение няни, Джексон полетел в Августу, штат Джорджия, на похороны Брауна. Это было его первое официальное появление на публике в США после отъезда в Бахрейн.

Ожидая возвращения Джексона, Билл Витфилд и Джефф Адамс занялись организацией группы телохранителей. Адамс, которого уже нанял другой клиент, не мог помочь им, поэтому прислал своего двоюродного брата Джавона Бирда. 26-летний отец троих детей, Джавон Бирд вырос в самом сердце Лос Анджелеса. Его отец работал в почтовой службе, мать – офисный работник в FedEx. У Бирда есть старшая сестра, брат-близнец, две младшие сестры-близняшки и младший брат.

Семья Бирдов жила с бабушкой на углу 46-й улицы и Вестерн – района, известного активностью наркодельцов и уличных банд. Джавону удалось избежать улиц благодаря игре в баскетбол за команду школы Inglewood High School, одну из лучших баскетбольных команд в стране. Он надеялся, что его талант откроет ему дорогу в колледж. Однажды ночью, пока он был на заправочной станции в нескольких кварталах от дома, ему прострелили руку во время попытки угона машины. Мечтам о спортивной карьере пришел конец, он закончил школу и стал работать охранником на водоочистой станции Nuregion Treatment Plant, где его вскоре сделали начальником охраны.

Через несколько лет Джавон решил переехать в более безопасное место. Побывав в гостях у родственников в Лас Вегасе в 2004 году, он прошел собеседование в курортном отеле Summer Bay, получил работу и переехал уже через неделю. Его повысили с должности простого охранника до менеджера охраны, и в подчинении у него оказалось 200 человек.

В отличие от Билла Витфилда, Джавон Бирд никогда не занимался защитой знаменитостей, но у него была важная черта, имеющая значение: он был членом семьи, а потому ему можно было верить. Поэтому в канун нового года, за несколько часов до выезда семьи Джексона в город, Джефф позвонил своему двоюродному брату и предложил ему уникальную возможность.

Джавон:

В моем телефоне стоял рингтон Smooth Criminal, и именно его я услышал, когда мне позвонил Джефф. Был примерно час дня. Поначалу я решил, что он хочет обсудить празднование, поскольку вся наша семья собиралась на новогоднюю вечеринку, я арендовал номер в Bellagio, планировал это несколько месяцев. Но едва я ответил на звонок, то сразу услышал, что у него какой-то странный голос. Он говорил очень кратко. – Что делаешь?

– Готовлюсь на сегодня.

У меня было крайне мало времени. Власти перекроют Лас-Вегас-Стрип (часть главной улицы) в новый год, чтобы люди могли выйти на проезжую часть и посмотреть фейерверк. И я сказал Джеффу:

– Мне нужно на Стрип, потому что в пять его перекроют, а сейчас уже почти два часа.

– Ты дома?

– Да, я дома.

– Я еду к тебе.

– Зачем?

– Надо поговорить, но не по телефону. Буду через 15 минут, никуда не уходи.

А затем он повесил трубку. Даже не попрощался.

Когда он приехал, я ждал его у крыльца, загружая машину. Со мной был друг, помогавший мне собрать вещи. Джефф посмотрел на этого парня и сказал, что хочет поговорить с глазу на глаз. Мы зашли в дом, он велел мне сесть и сказал:

– Я знаю, что ты не захочешь этим заниматься. Я знаю, что у тебя планы, но я должен попросить о серьезном одолжении, и мне нужен кто-то, кому я могу доверять. Ты можешь поработать сегодня?

– Ни за что, – ответил я.

Во-первых, сегодня новый год. Во-вторых, я уже снял номер в Bellagio. Семьсот долларов за ночь плюс минимальный суточный залог, и деньги с меня уже взяли. 1400 долларов, и это уже со скидкой. Мне пришлось заказывать номер за несколько месяцев, чтобы получить его.

Да и работа мне была не так уж нужна. Я зарабатывал 65 тысяч долларов в год, и меня повысили. У меня был полный порядок, и теперь я хотел расслабиться и отпраздновать.

– Чувак, у меня уже есть все, что мне нужно. Я не собираюсь ломать свои планы на праздник ради одной ночи работы.

Он настаивал. Наконец, я не выдержал:

– Да кто этот клиент?

– Я не могу тебе сказать. Я только могу сказать, что это высокопоставленная особа.

Я рассмеялся:

– Джефф, знаешь, ты мой двоюродный брат, но я не собираюсь это выслушивать. Я не буду отменять свои планы, если ты ничего мне не скажешь.

Он подумал с минуту и ответил:

– Ладно, я сейчас нарушаю договор о конфиденциальности, но поскольку ты член семьи, я тебе скажу, – он наклонился ближе и добавил. – Это Майкл Джексон.

– Да ладно?!

– Я серьезно. Это Майкл Джексон.

По его лицу было видно, что он не шутит. Он обрисовал мне ситуацию.

– Скорей всего, это станет постоянной работой, если ты захочешь. Просто поработай сегодня ночью, и можешь получить куда больше.

– Ну уж нет, Джефф. Я знаю, что такое личная охрана, глядя на тебя. Это временный заработок, а у меня стабильная работа.

Он сказал, что практически уверен в том, что это будет надолго, но единственное, за что он не мог поручиться, это то, что я понравлюсь мистеру Джексону.

– Этот парень переборчив. Он очень тщательно выбирает, кто будет на него работать. Ладно, слушай, я знаю, что ты ему понравишься, я хочу, чтобы все получилось. Я объясню семье, что ты не сможешь быть на вечеринке, и возьму тебе расходы за номер. – Ты что, дашь мне 1400 долларов?

Он полез в карман и вытащил тысячу наличкой:

– Это все, что у меня есть с собой, но если пойдешь со мной к банкомату, я отдам тебе и остальное.

Как только он это сделал, я понял, что все в порядке. Я сказал ему, что готов работать. Он спросил:

– У тебя есть черный костюм?

Костюм у меня был, но он был в чистке, и они уже закрылись. Костюмы, оставшиеся дома, были слишком яркими – те, кто меня знает, знают и то, что я люблю яркую одежду. Но в охране разрешается только черный или темно-синий. Ничего другого носить нельзя. Поэтому Джефф добавил:

– Ладно, поедем и купим тебе новый костюм.

Канун нового года, два часа дня, а поскольку у меня рост под два метра, надо было поторопиться и найти костюм, который не пришлось бы подгонять, потому что портные в новый год тоже не работают. Мы отправились в торговый центр Boulevard Mall, потом в Meadows Mall, и, наконец, нашли костюм в Burlington Coat Factory. Мы купили его, я ринулся домой, отгладил его и поехал к дому мистера Джексона.

Мы прибыли примерно к пяти часам. Я нервничал. Вышел Билл и открыл нам ворота. Это была моя первая встреча с Биллом. Он посмотрел на меня и спросил:

– Готов поучаствовать в этом?

– Надеюсь, – ответил я. Но я все еще сильно нервничал. Я понятия не имел, смогу ли справиться с такой работой.

– Ну, ты высокий, – отметил Билл. – Может, и выгорит что.

Мы подъехали к входной двери. Джефф пошел в дом, оставив меня в машине, где я просидел с полчаса. Я все время смотрел на часы, осматривал костюм, проверил, хорошо ли завязан галстук. Наконец, Джефф вышел и сказал:

– Пошли внутрь. Я хорошо о тебе отзывался, а он уважает мое мнение, так что, думаю, тебя возьмут.

Он отвел меня в дом. Мистер Джексон спустился по лестнице. На лице у него была хирургическая маска, одет он был в белую футболку с V-образным вырезом и пижамные штаны. Ну, и белые носки. Первое, что я отметил – он был очень худой. Когда я пожимал ему руку, то старался сделать это очень осторожно, чтобы едва коснуться его. Боялся, что сейчас сломаю ему что-нибудь, настолько хрупким он выглядел.

Он начал что-то говорить, но я не мог понять ни слова, поскольку его голос заглушала маска. Я изо всех сил пытался вести себя уважительно, но он продолжал говорить, а я вынужден был переспрашивать, потому что ничего не мог разобрать. Наконец, он поднял маску и сказал:

– Привет, Джавон. Я много о тебе слышал. Готов стать частью моей охраны?

– Конечно, сэр. Я очень взволнован этим предложением. Надеюсь, это надолго.

- Почему бы и нет, – ответил он. – Я могу тебе доверять?
- Да, сэр. Можете, безусловно.
- Отлично, тогда добро пожаловать.

Он позвал детей. Принс и Пэрис пожали мне руку. Мистеру Джексону пришлось подтолкнуть ко мне Бланкета, чтобы он поздоровался. Затем они убежали обратно к своим занятиям. Мистер Джексон отметил:

– Не обращай на них внимания. Для них это обычное дело. Они привыкли знакомиться с очень большим количеством людей. Это не в обиду тебе.

Мы поговорили еще немного, а затем он ушел на второй этаж. Я, Билл и Джефф провели следующие несколько часов, планируя нашу работу. Они провели меня по территории, показали, что где находится. Примерно в десять вечера мистер Джексон и дети спустились вниз, разодетые для выхода, и мы поехали в MGM Grand. Менеджер отеля проводил нас через заднюю дверь, ведущую к сцене.

Шоу уже началось. Мы тихонько проскользнули в зал. Мистер Джексон и дети заняли места в первом ряду. Я сидел сразу за ними. Билл дежурил у выхода, слева от сцены. Мы посмотрели шоу, затем так же тихо выскользнули из зала до того, как зажегся свет. Мистер Джексон повел детей повидаться с Копперфильдом в гримерной. Они пробыли там несколько минут, а затем вернулись в машину, и я отвез их домой.

На следующее утро я позвонил в офис, уведомил их о своих планах. И отправился работать на Майкла Джексона.

В 1990 году Майкл Джексон впервые открыл ворота своего ранчо «Неверленд» для публики. Это роскошное поместье, названное в честь фантастического острова из книги Джеймса Барри «Питер Пэн», расположено в гористой местности Санта-Инес, примерно в ста милях к северу от Лос Анджелеса.

Новый дом был для 31-летнего певца значительным шагом вперед, ведь свое детство он провел в крошечном домике в Гэри, штат Индиана. Даже на пике своего успеха в восьмидесятых Джексон все еще жил со своими родителями в Хейвенхерсте, семейном особняке семьи Джексон в Энсино, Калифорния. Уже подготовившись к самостоятельной жизни, в марте 1988 года Джексон купил ранчо, которое в то время называлось «Платановым ранчо», за 17 миллионов долларов. Он потратил еще два года и 55 миллионов, чтобы превратить его в парк аттракционов, в место, которое он видел в своих фантазиях.

Посетители ранчо прибывали к железнодорожной станции и садились на маленький поезд, который отвозил их к дому. Сам дом, массивный особняк в тюдорском стиле, располагался возле большого озера с искусственным водопадом. По всей округе были размещены скрытые колонки, из которых весь день звучала музыка. На территории можно было увидеть бронзовые статуи играющих детей и фигурки Питера Пэна, Тинкербелл и других сказочных персонажей. В «Неверленде» был свой парк аттракционов, среди которых было и колесо обозрения, и гоночные кары, и карусели. Был там и кинотеатр с рядами бархатных кресел и прилавком со сладостями. И даже зоопарк с жирафами, львами и зебрами. На ранчо работали более 60 человек, а содержание поместья обходилось в 4 млн. долларов в год.

Джексон часто говорил, что «Неверленд» был его убежищем, местом, где он мог заново пережить детство, украденное у него в тот момент, когда он стал ребенком-звездой. Он также хотел разделить все эти радости с другими детьми, особенно с теми, у кого детство сопровождалось трудностями, а не весельем. Помимо поддержки множества благотворительных акций, он открыл свой парк для детей из больниц и городских благотворительных групп и фондов. Парк был открыт круглый год, абсолютно бесплатно, и в нем за все эти годы побывали тысячи больных и малообеспеченных детишек.

Однако 18 ноября 2003 года убежище Джексона было уничтожено. В то утро целая армия полицейских Санта-Барбары, вооруженная ордером на обыск, совершила набег на поместье, ища доказательства обвинений в растлении детей. Следующие четырнадцать часов полицейские ходили из комнаты в комнату, уничтожая дом и роясь в личных вещах певца. Джексон, находившийся в Лас Вегасе для рекламной кампании благотворительного сингла *What More Can I Give*, был не в силах остановить их. Обыск был заснят на видеокамеру и позднее показан на суде. Личный мир Джексона был выставлен на всеобщее обозрение. После обыска Джексон объявил, что «Неверленд» больше не является его домом. Ему приходилось жить там в период суда, но он отказался заходить в дом и вместо этого устроился в одном из гостевых блоков. Когда суд закончился, он поклялся, что никогда не вернется туда.

Пока Джексон жил за границей, «Неверленд» начал приходить в упадок. Певец уже не мог оплачивать содержание такого поместья. Аттракционы не работали. За садом никто не следил. За животными в зоопарке не было надлежащего ухода. К концу 2005 года страховка работников ранчо истекла, и сумма долга Джексона перед персоналом достигла 300 000 долларов. 9 марта 2006 года власти штата Калифорния приказали закрыть

поместье, пока все задолженности не будут выплачены. Персонал был распущен по домам, остался лишь один охранник на воротах. Животных раздали в зоопарки и заповедники в Калифорнии, Аризоне и других местах. Парк аттракционов и железнодорожную станцию закрыли чехлами и оставили собирать пыль.

Когда Джексон перебрался в Лас Вегас в конце 2006 года, менеджеры сняли для него дом по адресу Саут Монте Кристо Уэй, 2785. Как и большая часть архитектуры Вегаса, этот дом с семью спальнями и десятью ванными комнатами площадью в 457 квадратных метров был слишком уж помпезным. Сразу за воротами был круглый двор с подъездной дорожкой, окружавшей небольшой фонтан и тянувшейся к крытому крыльцу парадного входа. Внутри – двухэтажное фойе, ведущее в абсурдно гигантскую гостиную со сводчатым потолком и массивными позолоченными люстрами. Слева от фойе – кинотеатр, справа – мраморная лестница, ведущая на второй этаж к спальням детей и огромной спальне Джексона, занимавшей всю северную часть дома. На первом этаже также располагались кухня и столовая, окнами выходившие на бассейн и теннисный корт на заднем дворе.

Снаружи, невидимый с улицы, находился еще и гараж, в который можно было попасть с подъездной дорожки. Именно там Билл и Джавон основали наблюдательный пункт. И хотя этот богатый с виду дом казался идеальным местом для звезды таких масштабов, как Майкл Джексон, его новые охранники быстро поняли, что это очень далеко от истины.

Билл:

Мистер Джексон не выбирал этот дом сам; кто-то сделал это от его имени, пока он был за границей. С точки зрения безопасности дом был сущим кошмаром – он стоял на открытом со всех сторон перекрестке. Соседи могли запросто наблюдать за детьми, играющими на заднем дворе. Едва стало известно, что здесь живет Майкл Джексон, со всех деревьев начали свешиваться папарацци, пытаясь сфотографировать его и детей. Парадный вход был виден с улицы, да еще и дверь была стеклянной, а это значило, что можно было заглянуть внутрь, стоя у ворот. Нам пришлось предупредить мистера Джексона, чтобы он никогда не пользовался парадной дверью, кроме случаев, когда приходили гости. При ежедневных поездках он всегда выходил из дома через гараж.

В доме была кое-какая охранная система. По всей территории были установлены камеры, картинки с них передавались на мониторы в специальной комнате на втором этаже. Я провел в той комнате целый день, пытаюсь навести порядок в оборудовании, и к концу дня убедился, что очень многое не работало. Из пятнадцати камер рабочими были лишь 4-5. Это было ужасно.

Кошмарный дом во всех отношениях. В гараже было предусмотрено место для лимузина, но подъездная дорожка располагалась под таким углом, что завести лимузин в гараж было невозможно. Если вам нужно было поставить лимузин в гараж, вам, вероятно, пришлось бы забрасывать его туда через крышу.

Джавон:

Место было очень красивое, прямо конфетка. Мраморные полы. Мраморная лестница. Огромные люстры. Но трубы и все прочее – гнилье. Перед домом располагался красивый фонтан. Мистеру Джексону он очень нравился, но каждые два дня вода из него непостижимым образом исчезала, и мы так и не смогли понять, куда и почему. Каждый раз, когда фонтан пустел, мы заново наполняли его из шланга. И каждый раз, когда шел дождь, весь двор был залит водой, образуя настоящее болото, тянувшееся вдоль всего дома.

Трубы в доме были не лучше. В спальне мистера Джексона не раз и не два случался потоп. Мы жили там всего пару недель, когда внезапно сдох водонагреватель. Середина зимы, а горячей воды нет несколько дней. Нам пришлось перевезти мистера Джексона и детей в отель, пока меняли водонагреватель. Центральное отопление тоже не работало. Мы купили обогреватели для детских комнат. Если в доме одновременно включали слишком много электроприборов, на щитке выбивало пробки, и дом погружался во тьму.

Это место прикидывалось до того крутым, что в нем даже был лифт. Мистер Джексон застрял в нем. Дети как-то прибежали к нам с криками «Папа застрял! Папа застрял!». Мы вошли в дом и увидели, что он застрял между этажами. Пришлось подниматься вверх и вытаскивать его оттуда. А он решил, что это была его вина, постоянно спрашивал: «Я что, нажал не ту кнопку? Что я сделал не так?» Но он был ни при чем. Лифт ломался постоянно.

Билл:

Все время что-то ломалось. В доме вечно находились ремонтники. Мистер Джексон беспрестанно на это жаловался. И ведь дом этот выбрали не для того, чтобы экономить, он выставился на рынке примерно лет семь. В нем никто никогда не жил, и мистер Джексон арендовал его на полгода за 1 млн. долларов. Один миллион за шесть месяцев. Что за фигня?

Мы старались привести дом в порядок, как могли. Чтобы наладить систему сигнализации, мне надо было вызвать специальную компанию, которая установила бы новую систему. Но если бы я сделал это, кто-нибудь мог узнать, что здесь живет Джексон. Вдобавок, я не хотел, чтобы какая-то посторонняя компания знала, какие именно системы защиты стоят в доме. Поэтому я решил, что лучше нам сделать все самостоятельно.

Главной частью оборудования, которое мы установили, была система обнаружения проникновения на территорию. Это крошечные сенсоры, объединенные оптоволоконными кабелями, проложенными под землей. Эта сеть покрыла всю территорию. Даже если кто-нибудь бросит через забор пустую банку, мы сразу об этом узнаем.

Джавон:

Нам пришлось проложить кабели по всей территории. Все они вели в гараж. Мы установили освещение с датчиками движения и новые камеры во дворе и по периметру вдоль забора. Мы быстро поняли, что для мистера Джексона деньги не имели значения, когда речь шла о безопасности. Он безоговорочно оплачивал любой счет, выставленный за сигнализацию и охранную технику. Камеры, оружие, что угодно. Мы говорили ему: «Нам нужно то-то и то-то, это стоит столько-то». Он просто оплачивал и говорил: «Делайте все, что считаете нужным».

Билл:

Мы купили прибор обнаружения подслушивающих устройств СРМ-700 стоимостью примерно пять тысяч долларов. Он улавливает сигналы, излучаемые электронными записывающими средствами. Мы носили его с собой повсюду – в номерах отелей, конференц-залах, ресторанах. Мистер Джексон был непреклонен на этот счет. Во время суда в 2005 году кто-то тайно сделал запись разговора между ним и его адвокатом, а затем попытался продать ее. Поэтому мистер Джексон всегда был обеспокоен тем, не записывает ли его кто-нибудь. Куда бы мы ни шли, он не выходил из машины, не спросив: «Мы все просканировали?»

Мы никогда не находили никаких «жучков». Не то чтобы мы ожидали их найти, люди ведь редко знали заранее, что мы приедем. Однако порой мы обнаруживали какую-то странную частоту и не могли найти источник излучения. Мистер Джексон немедля требовал, чтобы мы перевели его в другой номер.

Джавон:

Он пришел в ярость, когда мы поймали одного из водителей из автомобильной службы с камерой в машине. Большинство арендованных лимузинов используют камеры, чтобы снимать своих пассажиров. Это стандартная практика. Мы четко оговорили с фирмой все условия и велели отключить все записывающие устройства в автомобилях. Но однажды мы сели в машину и увидели красную лампочку на солнцезащитном щитке.

– Что это за лампочка?

– Да это камера, – сказал водитель.

– Какая еще камера? Мы же сказали – никаких камер. Это что, все записывается?

– Ну...

– Нет-нет. Вы должны немедленно отдать нам пленку. Отдайте запись.

Мы забрали пленку. А уж когда мистер Джексон узнал... Едва он услышал слово «камера», это был конец. Он сразу позвонил своему менеджеру.

– Мне нужны мои машины. Доставь сюда мои машины.

Через неделю автомобили были доставлены из «Неверленда». У него было три одинаковых черных внедорожника, GMC Yukon, те же машины, которыми он пользовался во время суда в Санта-Барбаре. У всех были затемненные стекла. Мы установили перегородку между передними и задними сиденьями главной машины, в которой ездил мистер Джексон.

Вместе с этими автомобилями доставили «бентли» и «роллс-ройс». Оба черные. Салон в одной из этих машин был весь в золоте. Это был подарок мистеру Джексону от какого-то принца или шаха. Там был и мини-бар. Даже ведро для льда было золотым. Мы поставили обе машины в гараж.

Билл:

Он ненавидел эти две тачки. Тогда мы и начали подмечать, что между мистером Джексонем и его командой были какие-то терки, они не всегда понимали его потребности и желания. Однажды мы собирались куда-то ехать, и Фельдман сказал:

– Сегодня поедem на «роллс-ройсе». Вот погодите, ему это понравится.

Мы вывели «роллс-ройс». Мистер Джексон спустился в гараж, мы уж постарались, вымыли машину до блеска, она была такая красивая, а он уставился на нее и спросил:

– Что это такое?

– Мы привезли ее из «Неверленда», сэр, – ответил Фельдман.

– Я знаю, откуда она, – парировал мистер Джексон. – Почему она здесь?

– Я думал, вы хотите и дальше ездить на ней...

– Нет, я терпеть не могу эти машины. Они все время ломаются. Я однажды ехал на ней вместе с Лиз, машина сломалась, и мы застряли на дороге.

Эти машины ему не нравились. Поэтому мы возили его на внедорожниках.

Джавон:

В основном водителем служил я. Я возил его повсюду, мыл и чистил машины. Очень быстро я узнал, что в машине он слушает только классическую музыку. Он отправлял нас в магазин, и мы закупали диски ящиками. Он говорил:

– Мне нужны диски. Классика. Привезите всю классику, какую найдете.

Кто-нибудь из нас ехал в магазин, шел в отдел классики и брал все, что видел. Едва он садился на заднее сиденье, а в машине играло радио на какой-нибудь R&B-станции, один из нас быстро выключал его и ставил классику. Порой он был не против послушать R&B, но в основном в машине звучала только классическая музыка.

Билл:

Обычно я дежурил до полуночи. Я дожидался, пока дети не лягут спать и все не будет заперто до утра, а затем ехал домой. Пару раз в неделю Джавон или я оставались на всю ночь, работали до утра, но для ночных смен у нас были трое ребят, которых мы наняли для патрулирования. Весь дом запирался со всех сторон, включалась сигнализация. Я дал им четкие инструкции: если кто-то полезет через забор, сначала стреляйте, потом звоните мне.

Джавон:

Мы все еще работали в гараже, и места там было слишком мало, чтобы мы могли нормально расположиться. Да и зимой гараж – самое холодное место в доме. Мы торчали там ночами напролет, иногда по 24 часа, и отчаянно мерзли. Слава Богу, через пару недель нам привезли трейлер.

Менеджером мистера Джексона в ту пору была Раймона Бэйн. Она работала у него публицистом во время суда и теперь занималась его делами. Когда мисс Бэйн впервые приехала в дом и увидела, что мы сидим в этом холодном гараже, она просто поверить не могла.

– Ребята, почему вы не возьмете трейлер из «Неверленда»?

– Какой трейлер?

– В «Неверленде» есть трейлер для охраны.

И вот мы получили трейлер. Это было счастьем. Там был умывальник, душ, туалет и кровать. Мы превратили его в командный пункт, перенаправили в него все кабели от камер, повесили на стену схему комнат в доме и карту Лас Вегаса. Мы осматривали каждый квартал вокруг дома, отмечали на карте все возможные пути для «побега». Учитывая то, что дом стоял на открытой местности, мы делали все, что было в наших силах, чтобы компенсировать это.

Билл:

Мы установили «тревожные кнопки» в различных комнатах внутри дома – в спальне мистера Джексона, в гостиной. В случае опасности мистер Джексон или дети могли сразу же вызвать нас туда. В доме сигнализацию не было слышно, только в трейлере. И она была очень громкой, можете мне поверить. Помню, как она сработала в первый раз. Было раннее утро. Я услышал сигнал и ринулся прочь из трейлера. Добежал до двери на кухню, выхватил пистолет и ворвался внутрь, словно готовился к какой-то серьезной заварухе.

Они все сидели за столом и завтракали. Увидев меня, застыли: мистер Джексон слева, Пэрис во главе стола, Принс справа, напротив отца. Я поначалу не увидел Бланкета. Он находился в другом конце комнаты рядом с телевизором, где и была установлена кнопка.

Он просто шатался по дому и нажимал все кнопки. И вот они сидят за столом, уставившись на меня, а затем Бланкет восхищенно выдает:

– Билл, это что, настоящая пушка?

Малыш решил, что это было очень круто. А мистер Джексон был прямо противоположного мнения. Вытащить пистолет в комнате, где завтракают его дети? О, как же мне за это влетело от него.

Джавон:

Он не хотел, чтобы его дети видели оружие, но был рад, что мы были хорошо вооружены. У нас обоих постоянно были при себе полуавтоматические пистолеты «глок» с увеличенными магазинами. Были и электрошокеры «Тазер». Каждый выдавал заряд мощностью 1,2 млн. вольт – достаточно, чтобы свалить с ног двухсоткилограммового здоровяка. Еще у нас был целый арсенал дополнительного оружия: автоматы MP5, военные AR-15, автоматические винтовки и MAC-10. И три ящика боеприпасов для всего имеющегося оружия. Под одеждой мы всегда носили легкие бронежилеты. Возможно, кому-то покажется, что это чересчур, но люди просто не знают, сколько угроз регулярно получал мистер Джексон. Мы всегда были готовы к худшему, но надеялись на лучшее и беспрестанно молились.

Билл:

Кто бы ни приходил – ремонтники, техники – все подписывали договор о конфиденциальности, прежде чем попасть на территорию. По этому договору полагался штраф на сумму 10 млн. долларов за разглашение информации о мистере Джексоне, его доме, детях и т.д. Если они не подписывали договор, то не могли войти. Мы обыскивали всех и конфисковывали мобильники. Если они отказывались подчиниться – дальше хода не было. Те, кто заходил на территорию, передвигались только в сопровождении охранника, пока не заканчивали работу и не уходили.

Это была стандартная процедура, даже для клоунов, которых нанимали для дней рождений детишек. Клоуны понятия не имели, на чьей вечеринке будут выступать, пока не попадали внутрь. Они приходили, мы тут же совали им под нос договор и видели шокированные лица: мол, чо за ерунда?! Затем мы их обыскивали и забирали телефоны.

– Нам придется забрать у вас телефон. Вы получите его обратно, когда будете уходить.

– Но если мне кто-нибудь позвонит?

– Вы хотите здесь работать или нет?

И они отдавали телефоны.

Мистер Джексон не верил никому. Параноик до мозга костей. И почти не спал. В три, четыре часа утра он кружил по дому, проверяя замки на всех дверях. В те ночи, когда я был на дежурстве, я много раз это видел.

У нас было оборудования на тысячи и тысячи долларов, система наблюдения покрывала каждый сантиметр территории и дома, по периметру патрулировали вооруженные люди, а он все равно ходил от двери к двери, проверяя замки. Я приходил на дежурство утром, и ребята из ночной смены докладывали: «Этот кадр опять проверял двери». Для нас это вскоре стало нормой.

Джавон:

Он часто выходил во двор и шел к нашему трейлеру посреди ночи, чтобы убедиться, что мы там. Он просовывал голову в дверь и говорил:

- Просто хотел посмотреть, здесь ли вы.
- Сэр, мы никуда не уйдем, – отвечали мы.

Билл:

Между домом и трейлером была прямая телефонная линия, и номер был только у мистера Джексона. Порой он звонил нам посреди ночи. Он мог всполошиться из-за любой мелочи.

Однажды во время нашего дежурства, где-то в полтретьего ночи, мы услышали, как хлопнула входная дверь в дом, а затем кто-то отчаянно заколотил в дверь трейлера. Мы открыли. На пороге стоял мистер Джексон, прижимая к себе всех троих детей. Дети были сонные, взъерошенные, в пижамах, все дрожали на холоде. У мистера Джексона на лице была написана паника, глаза широко распахнуты.

– Кто-то залез в дом, – сказал он. – Они пытаются проникнуть в мою спальню через балкон.

Моей первой мыслью было закинуть их всех в машину и дать деру. Но Джавон настаивал: «Давай проверим комнату!» И я пошел расследовать «взлом». Мистер Джексон и дети остались в трейлере с Джавоном. Я вытащил пистолет, вошел в дом и поднялся в спальню мистера Джексона. Поначалу я решил, что кто-то мог забраться на балкон со двора. Зайдя в спальню, я сразу услышал звуки. Снаружи, за дверью на балкон, что-то шуршало, словно кто-то пытался залезть внутрь. Я подобрался поближе и распахнул дверь. Никого. Но теперь звук был более отчетлив. Больше похоже на трепыхание крыльев. Я осмотрелся и увидел торчащее из вентиляционного отверстия крыло. Голубь. Все это из-за паршивого голубя.

Я вытащил птицу из вентиляции и вышвырнул через перила балкона. Я не видел, взлетела ли она или упала. Возможно, у нее было сломано крыло. Я только увидел, как она мелькнула в темноте и пропала. Я вернулся в трейлер и сказал мистеру Джексону, что это была всего лишь птица. Ну, да, теперь он всю беспокоился о дрянном голубе.

– Ты же не убил ее, нет?

– Нет, сэр, – ответил я. – Конечно, нет. Я отпустил ее.

– А, хорошо.

Джавон:

Когда проверка закончилась, было уже три часа утра. Принс ныл: «Папаааа, можно мы пойдем назад в кровать? У нас же с утра школа, а я устал».

Они побрели назад в дом. Когда они заходили внутрь, мистер Джексон сказал:

– Вот видите, дети? Береженого Бог бережет.

Билл:

Через пару недель, в середине февраля, в полвторого ночи мне позвонила Раймона, менеджер. Она была в панике:

– Ты должен немедленно вывезти мистера Джексона из дома!

– Что случилось?

Она не отвечала. Только повторяла:

– Вывези его из дома! Я сняла вам номер в отеле. Вывези его!

Я решил, что дело серьезное, велел Джавону подготовить машины, а сам побежал в дом. Когда я поднялся наверх, мистер Джексон метался по комнате в полной темноте. Он не

хотел включать свет, словно боялся, что кто-нибудь увидит его. Дети бегали по комнатам с фонариками, собирали вещи, паковали сумки. Он шептал им:

– Давайте, давайте! Бегом! Нет, это брать не надо! Берите только необходимое!

Я не понимал, что происходит.

– Сэр, что случилось? В чем дело?

Он не хотел говорить. Только сказал:

– Позвонила Раймона. Пришла угроза. Нам нужно уехать. Мы должны уехать. *Прямо сейчас.*

Джавон:

Я вывел машины и ждал у трейлера. На мониторах ничего не было, ни один из датчиков не сработал. Прежде чем уехать, мы с Биллом проверили весь дом. Ничего. Мы сказали мистеру Джексону:

– Сэр, везде порядок. Дом в безопасности. Поверьте, сюда никто не влезет.

Но он был в полной панике. Он был невменяем и не слышал ни слова из того, что мы говорили. Лишь повторял как заведенный:

– Надо уехать, надо уехать!

Билл:

Мы не знали, что произошло, но на всякий случай погрузили вещи и детей в машину и увезли их в Green Valley Ranch, курортный отель неподалеку, в Хендерсоне. Менеджер уже ждал нас. Мы вселились в номер посреди ночи, не проведя ни предварительного осмотра, ни проверки, ничего.

Мы обустроили его в номере, а сами расположились в комнате напротив. Наутро я отправился поговорить с ним. Он был в бешенстве:

– Я не должен был бросать свой дом из-за кого бы то ни было. Я не должен ни от кого убегать. Разве я не для этого вас нанял, ребята?

– Сэр, от кого вы убегаете? – спросил я.

Наконец, он поведал мне, что случилось. Раймоне позвонил бывший охранник из «Неверленда», которому Майкл Джексон якобы задолжал денег. Он позвонил и стал угрожать, рассказывать ей, что он сделает, если не получит свои деньги. Он сказал, что приедет в Вегас, перелезет через забор и вломится к мистеру Джексону в дом. Поэтому Раймона позвонила мистеру Джексону и подняла его на уши.

– И поэтому мы уехали? – растерянно переспросил я. – Мистер Джексон, вы в полной безопасности в доме. Мы в состоянии защитить вас и вашу семью. Если бы Раймона сказала мне сразу, в чем дело, я бы с этим разобрался.

Это обескуражило его. Он выглядел рассерженным.

Мы пробыли в отеле еще одну ночь, а затем вернулись домой. Дети очень устали. Обычно они относились ко всему этому спокойно, так как привыкли к бешеному ритму жизни своего отца. Потайные ходы, задние двери, сигнализация, «тревожные кнопки» – они жили среди всего этого каждый день. Маленькие солдаты. Но время от времени все это безумие достигало их. Это был как раз такой случай. Новый город, странный дом. И вдруг их хватают посреди ночи и бегут прочь неизвестно куда, забрасывают их в отель, а затем снова везут домой. И никакого объяснения, почему.

По дороге домой на заднем сиденье долго царила тишина. Затем Бланкет посмотрел на своего отца и спросил:

– Папочка, а можно мы поедem в другой дом? Можно мы вернемся обратно в «Неверленд»?

Мистер Джексон покачал головой:

– Нет. Мы не можем вернуться туда, никогда. Это место заражено злом.

В мае 1970 года Jackson 5 прилетели в Филадельфию в рамках своего первого национального тура как официальные звезды Motown. Они подписали контракт со знаменитой детройтской звукозаписывающей компанией за два года до этого, и их первый сингл, I Want You Back, вышедший прошлой осенью, сразу стал номером один в хит-параде Billboard. Следующие три сингла достигли той же отметки, и Jackson 5 стали первой музыкальной группой, четыре первых сингла которой заняли первое место в хит-парадах. Группа наращивала свою популярность, продавая альбомы и раскручивая песни на радио. Когда их самолет приземлился в Международном аэропорту Филадельфии, в терминале собралось более трех тысяч поклонников. На следующий день во время концерта потребовалась сотня полицейских, чтобы сдерживать толпу и не дать ей броситься на сцену.

Майклу Джексону было тогда всего одиннадцать, но сценарий его жизни уже был написан. В следующие сорок лет огромные толпы людей следовали за ним повсюду, осаждая отели, в которых он останавливался, и разбивая лагерь возле ворот его дома. Когда вышел Thriller в 1982 году, беспрецедентный уровень славы полностью затмил восторженное поклонение слушателей, знакомое ему по временам Jackson 5. Thriller оставался в лучшей десятке альбомов 80 недель. 37 недель он был номером один. Семь из девяти песен стали синглами, вошедшими в десятку лучших. Альбом получил 8 наград Грэмми из рекордных двенадцати номинаций. За первый год Thriller продал 22 млн. копий. По словам одного из критиков, Thriller превзошел статус обычного музыкального альбома и стал чем-то вроде бытового прибора – вещью, которая просто была абсолютно у всех.

Естественно, поп-звезды существовали и до Майкла Джексона. Фрэнк Синатра, Элвис и «Битлз» были на вершине музыкальной арены в соответствующие времена. Но Майкл Джексон появился в весьма выгодный период в развитии музыки и технологий. Только-только начало развиваться спутниковое телевидение, а интернета не было и подавно. Это время стало небольшим «окном», когда мир уже был подготовлен к появлению глобального коммерческого феномена, и этим феноменом стал Майкл Джексон, коронованный Король поп-музыки.

Когда в 1987 году вышел его следующий альбом, Bad, он стал номером один не только в Америке, но и в других 25 странах. Пять песен стали хитами №1, альбом продал 17 млн. копий за первый год, причем, две трети этого объема разошлись за пределами США. В этот период Джексон также поехал в свой первый сольный тур. 123 концерта в 15 странах на четырех континентах. Аудитория составила 4,5 млн. человек. Тур принес 125 млн. долларов прибыли, что сделало Bad самым посещаемым и прибыльным туром всех времен. В каждом городе, где был концерт Джексона, он передвигался по улицам в сопровождении целой колонны автомобилей с вооруженными охранниками, не хуже чем у президента страны.

Однако к наступлению нового тысячелетия популярность Джексона слегка угасла. Когда в 2001 году вышел его последний студийный альбом Invincible, многие сочли его коммерческим провалом по сравнению с предыдущими работами. Тем не менее, он все равно продал 11 млн. копий по всему миру – больше, чем многие артисты могли бы мечтать. И даже если случайные слушатели перешли на что-то другое, у Джексона все равно оставалась обширная фан-база. Особенно это было заметно за пределами США, где предъявленные ему обвинения не так широко освещались в прессе.

Действительно, чем больше на Джексона нападали таблоиды, тем больше приверженности ему выказывали поклонники. Их преданность певцу на пороге несчастья стала своеобразным знаком чести. Миллионы слушателей в десятках стран создавали целую сеть клубов и групп, публиковали новостные рассылки, обменивались сувенирами. Самые стойкие поклонники следовали за Джексонном из страны в страну, куда бы он ни поехал. А во время суда 2005 года сотни людей стояли на страже у здания суда, приветствуя каждое появление артиста радостными криками и усердно молясь об оправдательном вердикте.

Но самой уникальной чертой в фан-базе Джексона была не верность поклонников ему, а его реакция на них. Как бы певец ни отторгал и ненавидел тюрьму, в которую был заперт благодаря своей известности, он никогда не утрачивал любовь к людям, сделавшим его таким популярным. Джексон считал, что не директора звукозаписывающих компаний и не промоутеры, а именно поклонники были ответственны за его успех. Он чувствовал, что лично обязан всем и каждому из них. Певец редко ощущал в своей личной жизни такую привязанность и верность, какую ему демонстрировали фанаты. И поскольку они никогда не теряли веру в него, Майкл Джексон никогда не забывал о них.

Билл:

Первые несколько недель все было тихо. А затем начали появляться машины. Люди проезжали мимо дома. Некоторые приостанавливались, смотрели на дом, затем ехали дальше. Напротив дома стал парковаться красный автомобиль. Он останавливался по ту сторону дороги и стоял часами. Я наблюдал за ним через камеры. Он приезжал как минимум пару раз в неделю, а иногда и каждый день.

Наконец, мне удалось увидеть водителя. Это была миниатюрная женщина со светло-каштановыми волосами. Она выходила из машины и бродила туда-сюда. Я слышал о таком типе поклонниц, которых тянуло к Майклу Джексону. Они были влюблены в него. С точки зрения безопасности я поначалу считал их угрозой. Когда у ворот паркуется машина, ты не можешь знать, поклонник ли это или кто похуже, может, преследователь, может, какой-то псих. Я никогда раньше не видел эту женщину, поэтому однажды я отправился к машине и пообщался с ней. Она была из Калифорнии, жила неподалеку от «Неверленда». Она сказала, что знакома с Майклом и что была его приятельницей.

– Так вы что, будете просто сидеть здесь? – спросил я ее.

– Все нормально, – ответила она. – Он знает меня.

Если мы куда-нибудь ехали, девушка выходила из машины и стояла на видном месте, надеясь, что он заметит ее. Если в машине были только мы с Джавоном, мы не останавливались. Но когда мы везли мистера Джексона, она снова вышла из машины, и я сказал:

– Вот снова та девчонка.

Мистер Джексон поднял голову и спросил:

– Кто?

– Девушка, вон там стоит.

– А-а, я знаю ее, –отреагировал он. – Притормозите.

Мы остановились, он опустил стекло и стал беседовать с ней, словно они были старыми друзьями. «Как дети?» «Тебе нравится Вегас?» «Ты пробудешь здесь долго?» Слушая их разговор, я понимал, что она не сталкер. Просто обычная преданная поклонница. Их беседа была очень невинной, дружеской, даже доверительной. Если честно, то они слегка флиртовали. Просто общались. В какой-то момент мне пришлось напомнить ему:

– Сэр, нам пора ехать.

Он сообщил ей, в котором часу он приедет домой, и добавил, что надеется увидеть ее снова. Ну, как будто говоришь «увидимся» старому приятелю. Когда мы отъехали, он пояснил нам:

– Она всюду ездит за мной.

В конце января мистер Джексон дал интервью Associated Press, подтвердив, что вернулся в страну. После этого фанаты стали приходить толпами. Они стояли у ворот весь день, пятью-шестью машинами, иногда и больше. Они приезжали к дому по утрам, парковались перед домом, сидели на раскладных стульях, затем уезжали к ночи. Когда мы ехали куда-нибудь, мистер Джексон опускал стекло и говорил им:

– Привет! Мы вернемся через двадцать минут.

Мы уезжали, а они сидели и ждали его. Когда мы возвращались, он махал им рукой, заходил в дом, а они опять сидели и ждали. Они хотели ощутить его присутствие, его ауру. Просто хотели быть рядом.

Джавон:

Соседи возненавидели эту ситуацию. Фанаты обычно вели себя пристойно, но это был квартал богатых домов. Рядом жил исполнительный директор компании Sprint. Гари Пэйтон, известный баскетболист, обитал через два дома от нас. Дома в округе стоили многие миллионы, а тут – люди, сидящие прямо на улице. Соседи считали, что фанаты причиняют им неудобства. Они постоянно вызывали полицию. Копы приезжали и разгоняли их. На следующее утро они возвращались.

Билл:

Однажды приехали сразу три полицейских машины, и мистер Джексон увидел их из окна. Он спустился к нашему трейлеру:

– Я не хочу, чтобы они гоняли моих поклонников. Скажи полиции, что я не возражаю против их присутствия, если они не выходят за пределы моей территории.

Я отправился к полицейским и передал им его слова. Один из них спросил, проживаю ли я в этом доме.

– Нет, но я состою в личной охране владельца дома.

– Ну и кто это? – любопытствовал он.

Я не ответил, лишь пожал плечами. Один из фанатов, стоявших рядом, сказал:

– Здесь живет Майкл Джексон.

Я не подтверждал и не отрицал, просто добавил:

– Хозяин дома не против того, что эти люди стоят здесь.

Ребята вокруг захлопали в ладоши:

– Видите? Видите?

Полицейский предупредил их, что если они будут шуметь, им придется приехать сюда и арестовать их. Мне показалось, что этим дело не кончится. Так и было. Соседи продолжали жаловаться, и полиция приезжала снова и снова. Наконец, мистер Джексон позвонил своему адвокату. Понятия не имею, с кем он говорил и кто какими связями воспользовался, но после этого полиция перестала приезжать, и фанаты остались.

Джавон:

Они торчали там всю зиму. И все лето. На улице стояла адская жара, а они сидели на тротуаре и ждали. Когда было слишком уж жарко, мистер Джексон отправлял нас к ним с напитками и закусками. Тем, кто успел примелькаться, он посылал через нас складные стулья. Мы даже вынесли им садовую мебель, стоявшую возле нашего бассейна.

Среди них была девушка, которая постоянно настаивала на встрече с мистером Джексоном. Она приходила каждый день. Каждый. Божий. День. Она выбила себе постоянное место на тротуаре прямо рядом с воротами и все время пыталась передать мистеру Джексону какие-то вещи через окно машины. Однажды она подбежала к машине и сунула ему пачку фотографий, на которых она была обнаженной. Каким-то образом он всегда находил минутку, чтобы остановиться и поболтать с ней.

Билл:

Каждый раз, как мы покидали дом, поклонники бежали к машине, чтобы увидеть его хоть одним глазком. Если в машине были дети, мы не опускали стекла и не останавливались. Мистер Джексон не хотел, чтобы кто-либо приближался к его детям. Но если в машине был только он один, то всегда настаивал, чтобы мы остановились, здоровался с ними и давал им столько автографов, сколько мог. Мы всегда нервничали, когда он так делал, но он не принимал возражений. Большинство фанатов вели себя уважительно и вежливо, но порой ситуация выходила из-под контроля, и мне приходилось выскакивать из машины и отгонять их назад. Каждый раз, когда я это делал, мистер Джексон всегда увещевал меня: – Билл, будь вежлив с моими поклонниками. Они не сделают мне ничего плохого. Они безобидны.

Поначалу мы попросту не понимали, что за отношения у него были с фанатами. Мы с удивлением узнали, что он постоянно общался с некоторыми из них, даже переписывался с ними. Они звонили его менеджеру и оставляли сообщения для него. Когда он говорил с ними, они постоянно обменивались фразами «люблю тебя» и «я люблю тебя больше». Они приносили ему подарки, какие-то личные вещи. И говорили: «Вот, я сделала это для тебя». «Вот тебе плюшевый мишка». «Вот тебе фигурка Питера Пэна».

Его отношения с поклонниками... Я никогда не видел ничего подобного у других знаменитостей. Никогда. Какими бы известными они ни были. Вокруг звезд обычно вертятся группы, но это были не группы. Мистер Джексон знал многих из них лично. Он помнил, на каких концертах и где повстречал их впервые, сколько лет они уже знакомы. Он показывал нам людей, которых видел в других странах. – Вон тот парень, я помню его, он из Германии.

Это были очень интересные отношения – он и фанаты. Он любил их так же, как они его. Из окна своей спальни наверху он смотрел на улицу, туда, где они стояли. Иногда мы поднимали головы и видели, как он смотрит из-за занавески, наблюдает за ними. Они сидели внизу и ждали. А он сидел наверху и наблюдал.

Джавон:

Единственной настоящей проблемой с поклонниками было то, что они привлекли папарацци. Поначалу было 3-4 человека, ничего особенного. Но когда их стало несколько десятков, у нас возникла проблема. Это уже хорошие кадры для папарацци.

Фотографам никогда не удавалось увидеть его. Мы всегда сажали его в машину еще в гараже. А заодно использовали другие тачки для отвлечения внимания. Я ехал в главной машине мистера Джексона первым и сворачивал в одну сторону, а Билл в другой машине

с мистером Джексонном выезжал следом и ехал куда нужно, пока папарацци гнались за мной.

Для совсем отчаянных неподалеку росло дерево, и они все лезли на него, чтобы попытаться сделать несколько снимков. Однажды я поймал там парня и велел ему слезать. Когда он слез, я потребовал его камеру, чтобы посмотреть, что он снимал. Но он не хотел отдавать ее мне и сказал, что его действия совершенно законны, он не вторгнулся на чужую территорию.

– Я все равно сделаю эти фотки, так что не лезь ко мне, – повторял он. Я не особенно мог ему помешать, поэтому просто отпустил его.

Фотография мистера Джексона и его детей стоила бы десятки, если не сотни тысяч долларов. Однажды мы возили мистера Джексона и детей на ужин в отель Wynn. Я был на посту у двери банкетного зала, и тут ко мне подошел парень и сказал:

– Хочешь без напряжения заработать пятьдесят штук?

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

– Я знаю, на кого ты работаешь. Дашь мне знать, где Майкл Джексон и его дети будут в конкретное время на следующей неделе – и бабки твои. Позвони мне завтра, если хочешь знать детали.

Он всунул мне в руку визитку и ушел. Я ничего не сказал мистеру Джексону. Вместо этого я отдал визитку Биллу, он проверил этого парня и обнаружил, что это был папарацци. Мы решили, что если не станем ничего предпринимать и проигнорируем это предложение, то проблем не будет. Так и поступили. Затем, примерно через неделю, когда мы ехали в машине и очень громко слушали классику, мистер Джексон вдруг сказал мне:

– Джавон, ты можешь выключить приемник на минутку? Я хочу задать тебе вопрос.

Я выключил музыку:

– Слушаю, мистер Джексон.

– Ты случайно не получал необычное предложение от кого-нибудь на прошлой неделе?

Я замер. Вот дерьмо. Я тут же понял, что произошло: это *он сам* прислал фотографа, чтобы проверить меня.

– Да, сэр, – ответил я. Повернулся, чтобы посмотреть ему в глаза, и объяснил, как все было.

– Я горжусь тобой, Джавон, – сказал он мне. Похоже, он был очень рад, что я прошел испытание, и что он нашел кого-то, кому можно доверять. – Если бы ты позвонил тому парню, я бы тебя уволил. Но ты поступил правильно. Единственная твоя ошибка – ты должен был сразу рассказать мне об этом.

– Да, сэр, я знаю, мне очень жаль, но я не хотел вас беспокоить.

Вмешался Билл:

– Это моя вина, сэр. Джавон рассказал все мне, и едва я понял, что речь идет о фотографии, а не о реальной угрозе жизни, именно я принял решение не беспокоить вас с этим вопросом.

– Спасибо, – ответил мистер Джексон, – но вы всегда должны рассказывать мне абсолютно все.

– Да, сэр.

До этого он держался со мной несколько отстраненно. Вся информация передавалась через Фельдмана и Билла, и я с ним не особо общался. Но теперь, когда я прошел проверку, он, похоже, решил, что может доверять мне гораздо больше.

Билл:

Эта проверка, которую он устроил Джавону, дала нам понять, насколько он не доверяет людям в целом. До работы на мистера Джексона моей основной работой всегда было разобраться с внешними угрозами – сталкеры и папарацци. Я знал, как решать эти проблемы. Но мистер Джексон был параноиком не столько из-за этого, сколько из-за людей, которые уже были в его жизни, и именно от них он хотел получить защиту. Он хотел, чтобы мы были рядом, потому что ему нужно было скрыть свои действия от собственных юристов и менеджеров. Он хотел, чтобы мы стали буфером между ним и его собственной семьей.

Мы знали, что он не очень-то общается с семьей. Это можно было понять, даже просто почитав о них какие-то статьи. Но его менеджеры и юристы тоже давали нам инструкции, и мы могли видеть, что проблемы в семье были гораздо серьезнее, чем обычные терки между родичами. Нам очень быстро дали понять, что, если кто-то из семьи попытается связаться с мистером Джексонем или приедет к дому, мы не должны говорить ему об этом. Раймона сказала нам:

– Если приедет кто-то из семьи, позвоните мне. Позвоните менеджерам.

И Фельдман, и Раймона дали нам похожие инструкции.

Никому из семьи не было позволено даже проезжать через ворота без предварительного уведомления, кроме миссис Джексон, его матери. Когда бы она ни появилась, мы открывали ей ворота, и она сразу шла в дом. Ей разрешалось приходить когда угодно и без предупреждения. Всем остальным требовалось сначала назначить встречу. В общем, ситуация была довольно деликатной.

На фоне меняющихся расовых отношений в 60-х годах успех Motown Records был обусловлен не только талантом артистов лейбла, но и маркетинговым гением владельца и основателя компании, Берри Горди. Горди взял чернокожих певцов и исполнителей и отполировал их публичный имидж до идеала, сделав их «безопасными» и привлекательными для белой аудитории, валом валившей в магазины и покупавшей пластинки лейбла миллионными тиражами. Джексоны, благопристойная религиозная семья простых работяг, стали идеальными кандидатом для Горди – живым доказательством успеха, ожидавшего те чернокожие семьи, которые будут усердно трудиться в новой Америке без признаков сегрегации.

Преимуществом этой складной истории было то, что она была правдивой как минимум наполовину. Джо Джексон, крановщик на сталеплавильном заводе в восточном Чикаго, привил детям свою любовь к музыке, и его амбиции привели семью из совершенно невозможных обстоятельств в калифорнийскую землю обетованную. Его сыновья, красивые, хорошо воспитанные мальчики, делили трехэтажную кровать в одной спальне и часами репетировали после школы, чтобы не наживать проблем на улице. Дочери Джексон, Ребби, ЛаТойя и крошка Дженет, были милы, развиты не по годам и запросто могли сами стать звездами. Кэтрин, матриарх семьи, была адептом Свидетелей Иеговы и воспитала всех своих детей богобоязненными приличными людьми.

Однако за этой красивой картинкой, как и в большинстве семей, пряталась трудная реальность. Годы спустя стало известно, что Джо не просто наставлял своих детей, но избивал их ремнем и шнурами от электроприборов за малейшее нарушение дисциплины. Джо также слыл дамским угодником, использовавшим свой внезапный успех для того, чтобы уложить в постель целую вереницу юных поклонниц группы. В 1974 году у него родилась внебрачная дочь, и он годами скрывал свою вторую семью от жены и детей.

Кэтрин Джексон, подбадриваемая детьми, несколько раз подавала на развод, но затем отзывала заявление по требованию своей церкви, которая неодобрительно относилась к разводам. Кэтрин и Джо остаются законными супругами, но фактически живут отдельно. Чтобы сбежать из дома подальше от отца, большинство детей Джексон рано вступили в браки, которые в большинстве своем не заладились. Невзирая на успех, достигнутый под руководством Джо, дети один за другим разрывали с ним профессиональные отношения.

В конечном итоге это и стало причиной распада Jackson 5. В 1975 году семья ушла из Motown и заключила более прибыльный контракт с CBS/Epic Records. Джермейн, женившийся на дочери Берри Горди, Хейзел, остался с Motown и занялся сольной карьерой. Другие братья сформировали новую группу, The Jacksons, поскольку к ним присоединился Рэнди. Майкл настаивал, чтобы CBS также разрешила ему заниматься сольными проектами. Начиная с Off The Wall, вышедшего в 1979 году и продавшего 7 млн. копий, он создал целое поколение поклонников, для которых его личность соло-артиста затмила все предыдущие связи с братьями.

Когда в мае 1983 года по телевидению показали спецпрограмму, посвященную 25-летию Motown, Майкл сорвал овации своим исполнением Billie Jean, превзойдя попури классических хитов, исполненных вместе с братьями. Он впервые показал аудитории свою легендарную «лунную походку». В тот момент Jackson 5 превратились в ностальгическую старину. Майкл Джексон стал самостоятельным. Через год семья уговорила его выступить с братьями в туре Victory. На последнем концерте тура в Лос Анджелесе Майкл объявил, что это последнее выступление группы. Через пять лет, в

июне 1989 года, CBS приняла решение не возобновлять контракт с Джексонами. Без Майкла интерес к группе полностью угас.

В дебютном сингле альбома HIStory 1995 года, Scream, Майкл спел дуэтом со своей младшей сестрой Дженет, которая к тому времени и сама стала суперзвездой. В сентябре 2001 года он на краткий миг воссоединился с братьями на двух концертах в Мэдисон Сквер Гарден в Нью-Йорке. Помимо этого, по крайней мере, публично, Майкл вообще не хотел иметь ничего общего со своими братьями и сестрами. В 2005 году это изменилось. Когда дело Майкла было передано в суд, его семья сидела с ним в зале суда, публично поддерживая его в час этого нелегкого испытания. Рэнди Джексон масштабно влился в жизнь Майкла и стал его менеджером, помогая ему подобрать команду юристов во главе с Томом Месеро, который в итоге добился для Майкла оправдательного вердикта.

Однако после суда эта, казалось бы, окрепшая связь снова разорвалась так же быстро, как и восстановилась. Майкл узнал, что Джермейн использовал судебную шумиху, дабы попытаться продать книгу о семье Джексон. Майкл и Рэнди серьезно поссорились из-за контрактов, которые Рэнди заключил от имени брата во время суда. Когда Майкл прибыл в Лас Вегас в декабре 2006 года, все его отношения с семьей были разорваны. Со всеми, кроме матери. Услышав, что их знаменитый брат вернулся в страну, они попытались повидаться с ним. Для людей, поставленных охранять ворота его дома, защита Джексона от его собственной семьи стала самым трудным и неловким заданием.

Билл:

Мимо постоянно ездили поклонники. Они приезжали, объезжали квартал, останавливались, осматривались, уезжали. В тот день, в начале февраля, мы увидели, как мимо дома едет бордовый PT Cruiser. Окна в нем были затемнены, и мы не видели, кто внутри. Машина эта объехала квартал раза четыре и исчезла. Это насторожило нас. На следующий день она подъехала прямо к воротам. Джавон остался в трейлере, чтобы следить за мониторами, а я отправился к воротам разузнать, в чем дело.

Едва я подошел, дверца открылась, и из машины выбрался отец мистера Джексона, Джо Джексон. Я впервые увидел его вот так близко, до этого – лишь по телевизору. Вид у него был устрашающий. Брови насуплены. Как чернокожий Дракула, если не хуже. Я стоял и думал: «Черт, это же Джо Джексон. Это тот самый чувак, который избивал этих детишек из Jackson 5». Да, я думал именно об этом, глядя на него. Я протянул руку сквозь ворота, чтобы поздороваться, и сказал:

– Как дела, мистер Джексон?

Он не стал пожимать мне руку. Просто смотрел на меня злобным взглядом:

– А ты, видать, один из тех, кто тычет иголками в моего сына?

Я не ответил. Он продолжал:

– Я хочу видеть Майкла.

– Хорошо, – сказал я, оставил его там и пошел в дом, чтобы позвать мистера Джексона. Он был у себя в комнате, слушал музыку на оглушительной громкости. Я постучал, он вышел ко мне, и я сказал ему:

– Сэр, приехал ваш отец.

– А у него назначено? – спросил он. – Он договаривался о встрече?

– Вряд ли, сэр.

– Нет-нет-нет. Я работаю. Мне нельзя отвлекаться, когда у меня творческий процесс. Скажи ему, что он должен сначала назначить встречу.

Когда он сказал мне это, в голове у меня все смешалось. Я пошел обратно к воротам, размышляя. Черт возьми, сейчас мне придется сказать этому мужику, что ему надо назначить встречу с собственным сыном. Ага. Я не собирался это делать. Придется выкручиваться.

Вернувшись к воротам, я сообщил, что мистер Джексон занят, но если Джо приедет завтра, я сообщу его сыну, что отец хочет повидаться с ним. И протянул ему визитку. Но он не взял ее. Вместо этого он начал на меня орать:

– Мне не нужен твой сраный номер! Да если бы не я, ни у одного из вас, ублюдков, не было бы работы сегодня! Именно я затеял все это!

Едва он стал орать, наш разговор закончился. Я просто ушел. Он стоял на тротуаре и продолжал ругаться. Я не хотел участвовать в этом, поэтому просто отвернулся и ушел в трейлер. В конце концов, он сел в машину и уехал.

Тут я призадумался, во же что мы вляпались. На такое я уж точно не подписывался – встревать в их семейные отношения.

Джавон:

Через несколько дней Джо вернулся, как раз когда у нас в планах было отвезти босса и детишек в кино. Резервная группа следила за домом, а мы с Биллом поехали в кинотеатр, чтобы провести предварительную разведку. Внезапно с нами связались ребята по рации.

– Они проломили ворота! Они проломили ворота!

Билл схватил рацию:

– Кто? Кто проломил?

– Его семья! Они все здесь.

Едва мы услышали это, то нарушили все мыслимые и немыслимые правила дорожного движения, рванули на разворот по встречной, едва не снося ограждение, и понеслись обратно к дому.

Билл:

Мы подъехали, и я увидел черный «хаммер» в воротах. Я был взбешен. Я начал орать прямо в машине:

– Как они умудрились пролезть в ворота?

Ворота закрывались очень медленно. За ними все время надо было внимательно следить, потому что, если их открыть для одной машины, обычно оставалось время, чтобы вторая машина могла заехать следом, пока ворота закрывались. Позднее нам рассказали, что произошло. К дому приехал повар, привез еду, а машина с семьей мистера Джексона стояла на улице с включенным двигателем, ожидая шанса проскользнуть внутрь.

Я вышел из машины и увидел троих: Рэнди, Ребби и Джеки. Они стояли на подъездной дорожке возле дома. Увидев меня, они направились ко мне. Я ожидал, что сейчас разразится скандал, как с Джо, но они были очень спокойными. Представились. Джеки пожал мне руку и сказал:

– Эй, как дела? Ты Билл?

– Да, сэр.

– Ага, отлично. Мы о тебе слышали.

Вмешался Рэнди:

- Ты из этих, из «плодов»?
- Простите, что?
- Ты из «Плодов ислама»? (*военизированное крыло «Нации ислама» – прим. пер.*)
- Нет.
- Ладно. Ну, нам надо поговорить с братом.
- Простите, – ответил я, – но вам придется сначала назначить встречу.

Джеки и Ребби оставались спокойными, но Рэнди начал петушиться:

- Нет, мы должны поговорить с ним *сейчас же*.

Я спокойно отстаивал свою позицию:

- Мистер Джексон сможет увидеться с вами, если вы сначала назначите встречу, по предварительной записи, никак иначе.

На том и закончилось. Я проводил их с территории.

Ситуация была неловкая. Когда я шел к дому, то поднял голову и увидел, что мистер Джексон наблюдал за всем этим из-за занавески. Я вошел внутрь и отправился искать его. Он был в возбужденном состоянии.

- Сэр, с вами все в порядке?
- Как они оказались у меня под дверью? – спросил он.
- Простите, сэр. Я узнаю у охраны, как это случилось.
- Билл, – произнес он, – это больше не должно повториться.
- Да, сэр.
- Никогда. Ты понял?
- Я понял.

Джавон:

Мы видели, что семья сердилась на нас. Они считали, что именно мы не даем им увидеться с ним. Многие люди обвиняли охрану мистера Джексона в том, что мы ограничивали к нему доступ, чтобы контролировать его самим. Но мы в таком не участвовали. Нам было наплевать, будет ли семья общаться с ним или нет. Мы выполняли приказ мистера Джексона.

Не знаю, в чем были проблемы с семьей до нашего появления в команде, но во время нашего дежурства было очевидно, что отношения с мистером Джексонем у них на нуле. Мы не могли этого понять. Было такое впечатление, что они были врагами. И я недоумевал: в чем же дело? Почему он не хочет поговорить со своей семьей?

Билл:

Мистер Джексон и Элизабет Тейлор дружили много лет. Она собиралась отпраздновать свой 75-й день рождения в одном из отелей Лас Вегаса. Шикарное событие с красной дорожкой. Ее люди разузнали, что мистер Джексон живет в Вегасе, и пригласили его на праздник. Они хотели, чтобы это был сюрприз для мисс Тейлор. Она ничего не знала бы, пока он не появился бы у входа. Разумеется, мистер Джексон согласился. За две недели до праздника нам сообщили об этом, и все вокруг завертелось.

Джавон:

Мистер Джексон первым делом позвонил дизайнеру Роберто Кавалли, чтобы тот сшил ему костюм специально для вечеринки. Кавалли немедленно прилетел в Вегас. Мы забрали его из отеля MGM Grand, привезли в дом, и они вдвоем принялись обсуждать костюм.

Мистер Джексон был одержим каждой мелочью. Он пригласил своего парикмахера и гримера. Едва мы увидели все это, то поняли, насколько для него это важно. Мы работали на него уже больше месяца, но он впервые сказал нам:

– Купите новые костюмы, парни.

Не просто костюмы. *Новые* костюмы. Вымойте машины. Отполируйте их. Отполируйте свою обувь, чтобы она сияла как зеркало. Раньше с ним такого не бывало. Обычно он просто говорил нам, куда хочет поехать, а мы делали все остальное. Мы впервые готовились предстать перед публикой, там будут папарацци, пресса, все. И мистер Джексон каждый день напоминал нам:

– Ребята, вы должны выглядеть потрясающе. Все должны выглядеть потрясающе.

Билл:

Мы несколько раз ездили за покупками, он был в различных маскировках. Ездили в Tiffany, Hallmark. Он купил подарки, открытку. Из машины он постоянно названивал Фельдману и говорил, говорил без конца, как он взволнован всем этим. Его состояние передавалось и нам. Мы впервые видели его таким.

В день вечеринки он был в превосходном настроении с самого утра. И это было заразительно. Все в доме ощутили это на себе. «Эй, клево, мистер Джексон в хорошем настроении!» Все подпрыгивали в нетерпении. Атмосфера изменилась. Охранники осматривали друг друга, чтобы убедиться, что все идеально. Костюмы наглажены. Туфли отполированы. Мы даже отполировали оружие. Черт, мы круто выглядели.

Джавон:

Мы готовились пройти по красной дорожке с Майклом Джексонем. Для нас это был какой-то сюр. Да, мы охрана, но мы ведь его поклонники. Да и как можно ими не быть? Мы сопровождаем Короля поп-музыки на день рождения Элизабет Тейлор. Круче этого уже ничего не может быть.

Билл:

Мы уже готовились выезжать, машины стояли на дорожке, а мистер Джексон все не выходил. Пока мы ждали, я взял одну из машин и поехал заправить ее. Когда я вернулся, мне открыли ворота, и я свернул направо по дорожке. Ворота стали закрываться. Я выходил из машины, ворота уже практически были закрыты, когда внезапно раздался оглушительный удар. БАМ! Я повернулся и увидел серый внедорожник «мерседес», на полной скорости врезавшийся в ворота. Ворота подергивались, как гаражная дверь, которую заклинивает на полпути. Мерседес прорывался вперед, обдирая бока, а затем свернул влево по подъездной дорожке. Я решил, что сейчас этот придурак врежется машиной прямо в дверь и вломится в дом, поэтому выхватил пистолет и кинулся к автомобилю.

Джавон:

Я был в гараже, готовясь закрыть дом за мистером Джексонем, который уже спускался вниз. Услышав удар, я увидел, как Билл выхватил пушку. Босс как раз выходил через дверь гаража. Я заорал: «Мистер Джексон! Нет!», схватил его и втолкнул обратно в дом. И запер дверь. Он в панике кричал мне:

– Что случилось? Что происходит?

Билл:

Мне казалось, что вокруг меня все движется как в замедленном кино и в то же время на огромной скорости. Мерседес с визгом покрышек остановился у крыльца. Я встал между ним и домом, поднял пистолет и прицелился в водителя. У меня был лазерный прицел, и я видел красную точку на груди мужчины за рулем. Единственное, о чем я думал, было: «Кто бы это ни был – пристрелю». Водитель пригнулся, и тут я заметил на пассажирском сиденье женщину. Это обескуражило меня. Я не ожидал увидеть женщину в машине. Затем водитель поднял голову, и я узнал его. И застыл. *«Ох блин, да это же его брат. Это Рэнди Джексон».*

Я слегка расслабился. Но теперь я был в смятении. Что происходит в этой семейке? Я едва не пристрелил его родного брата, меня от этого отделяли лишь какие-то доли секунды. Представляю, что бы началось, если бы я выстрелил. Я прямо видел заголовки: «Брат Майкла Джексона застрелен телохранителем Короля поп-музыки».

Джавон:

Я пока не видел, кто это был. Видел только, что Билл обезвредил парня. Я выскочил из гаража ему на помощь и несся по дорожке, когда Билл поднял руку, показывая мне, чтоб я остановился. Я уже был готов отметелить нарушителя, но Билл остановил меня:
– Все в порядке, все под контролем.

Билл:

Рэнди рванул дверцу и заорал:

– Убери эту чертову пушку от моего лица, а не то я позвоню журналистам!

Журналистам? Боссу это точно сейчас не нужно. Я подошел поближе:

– Мистер Джексон, этого делать нельзя.

– Я хочу увидеть брата.

– Только не так. Я был бы вам признателен, если вы отгоните машину за ворота. Заберите машину и ждите у ворот, а я скажу мистеру Джексону, что вы здесь.

– Я никуда не сдвинусь с этого места, пока не увижу брата!

Джавон:

Он начал вопить и ругаться как сапожник, нес какую-то чушь, что ему должны денег, и он не уйдет без них. «Майкл должен мне бабки! Я хочу получить мои чертовы деньги! Я никуда нахрен не уйду отсюда, пока не получу бабки!»

Билл:

Мне было плевать на его желания. Я хотел, чтобы он убрался за ворота. Я убрал пистолет, стараясь успокоиться, и снова попросил его отогнать машину, чтобы мы могли нормально поговорить. Он отказался. Сидел в машине, грозился позвонить прессе, если мы не дадим ему увидеться с братом. Я не хотел, чтобы он звонил журналистам, и в полицию тоже позвонить не мог, потому что тогда пресса уж точно приедет. Я был меж двух огней. Этот мелкий злобный придурок ругается мне в лицо, а я ничего не могу сделать.

Я оставил Джавона и остальных присматривать за Рэнди, а сам пошел в дом поговорить с мистером Джексоном.

– Ваш брат Рэнди проломил ворота, – сказал я ему. – Он говорит, что хочет обсудить с вами какие-то финансовые вопросы, и не уедет, пока не поговорит с вами.

Мистер Джексон поднял брови. Затем скривился и отвел взгляд:

– Избавьтесь от него.

Я снова пошел вниз, чтобы попытаться урезонить Рэнди. Но он не двигался с места. Все так же сидел в машине, орал и ругался.

Джавон:

У меня была идея заблокировать Рэнди одним из грузовичков, вывести босса через боковой вход, сесть в другую машину и ускользнуть. Но мистер Джексон отверг это предложение.

– Он все равно узнает, куда мы едем, и приедет на праздник, да еще устроит там сцену. Лиз этого не заслужила.

Билл:

Через полчаса я опять пошел в дом и сказал мистеру Джексону, что Рэнди не собирается уезжать. Мистер Джексон поразмыслил какое-то время, затем тяжело вздохнул и сказал:

– Ну ладно, тогда я пойду спать.

Он поднялся к себе, закрыл дверь и больше не выходил.

Джавон:

Это нас просто убило. Опустошило. Было очень обидно и за мистера Джексона, и за нас. Я гордился своей работой на него и хотел поработать на публике, показать людям, что я работаю с ним. У нас были новехонькие костюмы. Мы все так ждали этого вечера. День рождения Элизабет Тейлор? Да вы шутите?! Я простой парень. Это было совершенно естественно для нас – так ждать праздника.

А мистер Джексон? Он планировал это целых две недели, для него это было очень важно. Они с мисс Тейлор были старыми друзьями, давно не виделись. И теперь вот так отмахнуться от этой возможности и лечь спать? В этот момент мы поняли, что у семьи есть кое-какая власть над ним. Если бы ворота протаранил какой-то посторонний человек, мистер Джексон бы сказал: «Да чего вы, парни, ждете? Выведите его прочь, и поехали». Но это? Это испортило ему весь вечер.

Билл:

Я был очень зол. Я уже не хотел, чтобы Рэнди выводил машину со двора. Я хотел, чтобы он вышел из машины, а затем я бы как следует набил ему морду за то, что он испортил мистеру Джексону праздник.

Он проторчал на дорожке еще два часа. Нам пришлось позвонить его отцу, это было единственное, что пришло нам в голову. Рэнди здоровенный дядька, а нам пришлось звонить его отцу, чтобы он вмешался. Джо Джексон приехал, но Рэнди поначалу и слушать его не хотел. Он все повторял, что позвонит репортерам. «Я приехал за своими деньгами».

– Сейчас не место и не время, – сказал ему Джо. – Какого черта ты творишь?

Наконец, ему удалось уговорить Рэнди уехать, и они убралась прочь. Спальня мистера Джексона выходила окнами на подъездную дорожку. Вероятно, он все слышал. Было уже слишком поздно, чтобы ехать на вечеринку. Мы попытались организовать ему встречу с мисс Тейлор, пока она была в городе, но на следующее утро она уже уезжала. Поэтому они просто поговорили по телефону, и на этом закончилось.

Джавон:

После этого инцидента он не выходил из дома три дня. Мы его не видели и не слышали. Никаких звонков, никаких сообщений, ничего. Он полностью закрылся.

Билл:

Примерно через неделю явилась вся семья. Мы в тот день возили мистера Джексона в студию, где он записывался с will.i.am из Black Eyed Peas, они работали над Thriller-25. В полночь моя смена закончилась, и я как раз подъезжал к своему дому, когда оставшаяся в доме охрана позвонила мне:

– Билл, его семья опять здесь!

Опять?! Я перезвонил Джавону. Он тоже уехал со смены домой. Я велел ему разворачиваться и ехать обратно. И ринулся туда сам. На дорогу у меня ушло минут пятнадцать. Я прошел через боковой вход, встретился с Джавоном, мы вдвоем вышли к воротам и увидели на тротуаре группу людей. Много знакомых лиц. Кажется, пришли все, кроме Рэнди и Марлона. На мгновение мне показалось, что я присутствую на каком-то торжестве по воссоединению семьи Джексонов.

Джавон:

У всех были шляпы и темные очки. Они изо всех сил старались быть незаметными. Было очень поздно и очень холодно, на улице снаружи был только один фанат, и никаких папарацци. И все это выглядело крайне странно. Такая огромная семья известных людей стоит на тротуаре посреди ночи, а вокруг тишина.

Билл:

Я подошел к воротам, осведомился, что их привело сюда в такой час.

– Мы слышали, что наш брат заболел. Мы хотим убедиться, что с ним все в порядке.

Я сказал, что не видел никаких признаков заболевания у мистера Джексона. Они настаивали, что хотят убедиться сами, и не уйдут, пока не увидят его. И я снова оказался в неловком положении. Мистер Джексон дал нам четкие инструкции не беспокоить его, но в то же время мы не могли просто оставить всю семью Джексонов стоять на улице в час ночи, иначе может возникнуть неприятная ситуация, а мистеру Джексону это тем более не нужно.

Я велел им подождать, пошел в дом, позвонил в дверь и дождался, пока мистер Джексон сам спустится. Пока ждал, в голове моей мелькнуло: «Добром это не кончится». Когда мистер Джексон подошел к двери, я сказал ему:

– Сэр, ваша семья у ворот, они хотят вас увидеть.

Он не был рад слышать это. Он был зол, и я видел, что он злился и на меня за то, что я не сумел разобраться с этим самостоятельно.

– Сэр, они слышали, что вы заболели, и хотят убедиться, что вы в порядке.

– Я в порядке, в порядке, – ответил он. – Скажи им.

– Сэр, они не уходят. Хотят видеть вас.

Он помолчал с минуту, потом сказал:

– Ладно. Я встречусь с ними. Но я не хочу, чтобы они заходили в дом.

– Я могу привести их в трейлер охраны. Можете поговорить с ними там.

– Прекрасно. Но говорить я буду только с братьями.

Затем он переспросил, был ли среди них Рэнди. Я сказал, что не видел его.

– Отлично. Я не хочу видеть Рэнди.

Я пошел к воротам и передал им:

– Мистер Джексон увидится только с братьями.

Откуда-то сзади раздался голос:

– А как же я?

Поначалу я не разглядел, кто это. А потом понял, что это Дженет. Какая-то часть меня хотела прокричать «Вау! Да это же Дженет Джексон». Но я ответил:

– Простите, мэ. Он сказал, только братья.

Ей это совершенно не понравилось. Я проводил братьев к трейлеру, завел их внутрь. Затем позвал мистера Джексона, и он присоединился к ним. Они закрыли дверь и говорили минут двадцать. Потом мистер Джексон вышел первым и сразу ушел в дом. Не проронил ни звука. Братья вышли из трейлера, ушли за ворота, и на этом все. О чем они говорили, мне неизвестно.

Джавон:

Позднее мы узнали, что они слышали какую-то сплетню. Вокруг мистера Джексона всегда были сплетни, порой полностью выдуманные, а порой и полуправда.

В этот раз они услышали, что их брат заболел, но на самом деле заболел не мистер Джексон, а его дети. В январе они постоянно простужались. Мы договорились отвезти их к частному врачу, уже после закрытия клиники. Секретарь в приемной разболтала всем, что приезжал Майкл Джексон, и семья узнала об этом. Им это показалось подозрительным. Им стало известно, что он приезжал в клинику посреди ночи, и решили убедиться, что он в порядке.

Билл:

В этом вся сложность – быть Майклом Джексонем и пытаться развезать по миру. Чтобы просто отвезти его детей к врачу, нам приходилось несколько дней планировать эту поездку. Надо принять все меры предосторожности, и порой достаточно всего лишь пятнадцати секунд, пройти мимо не того человека, какой-нибудь любопытной секретарши – и вот, вокруг уже ходят сплетни.

Пэрис не становилось легче. Ее простуда не проходила, и мистер Джексон боялся, как бы она не подцепила грипп. Мы не могли отправиться в неотложку, а мистер Джексон не мог доверить ее какой-то неизвестной клинике. Ему нужен был врач, который приходил бы прямо домой. Мы стали искать частного врача, который мог бы приходить по вызову. Джефф Адамс, мой коллега и двоюродный брат Джавона, который и устроил нас на эту работу, сказал, что его семейный врач мог бы заехать осмотреть детей. Мне дали имя и велели ждать его. В запланированное время к воротам подъехал серебристый BMW, из машины вышел высокий стройный мужчина. На нем был голубой медицинский костюм. Он подошел к воротам и представился:

– Я доктор Конрад Мюррей. У меня назначена встреча.

Я сказал, что мы ждали его, открыл ему ворота, указал, куда поставить машину. Он припарковался и вышел. Я ждал его с договором о конфиденциальности наготове. Прежде чем дать ему договор, я спросил его, знает ли он, к кому приехал. Он ответил отрицательно. Тогда я сказал, что он должен подписать договор, прежде чем я введу его внутрь. Он согласился. Я передал ему договор, он взглянул на шапку документа, увидел имя Майкла Джексона. Брови у него поползли вверх, и он взглянул на меня, типа – «ты что, серьезно?».

Я кивнул. Он подписал. Мы прошли к крыльцу, я позвонил в дверь, и мы стали ждать. Я видел сквозь стекло силуэт мистера Джексона, пока он шел к двери. Когда он открыл дверь, я сказал:

– Мистер Джексон, это доктор Конрад Мюррей. Доктор Мюррей, это мистер Джексон.

Осенью 1979 года, после того, как успех *Off the Wall* принес ему богатство и независимость, Майкл Джексон начал потихоньку складывать мозаику своей сольной карьеры. Его первым шагом стало сотрудничество с Джоном Бранкой, которого он нанял в качестве юридического консультанта. Специалист по корпоративному налогообложению со значительным опытом в музыкальном бизнесе, Джон Бранка ранее занимался представительством таких знаменитостей, как Боб Дилан и *Beach Boys*. Он переоформил контракт Джексона с CBS, добившись для него ставки роялти, которую получают лишь лучшие из лучших. Бранка также содействовал отделению личного контракта Майкла от контракта, который он подписывал со своими братьями. Теперь Джексон мог выступать или записываться со своими братьями только по собственному желанию. Звукозаписывающая компания уже не могла заставить его сделать это. В 1983 году, на самом пике «Триллер-мании», контракт Джо Джексона с сыновьями истек, и Майкл хотел профессионального «развода» с отцом. Поскольку он терпеть не мог улаживать какие-то конфликты самостоятельно и не хотел увольнять своего отца напрямую, Майкл отправил отцу все бумаги с посылным.

Бумаги эти были составлены Джоном Бранкой. Теперь он был самым близким и доверенным советником Майкла. Рядом с Бранкой и Джексон в эти годы также работал Фрэнк Дилео, менеджер Джексона, нанятый вскоре после увольнения Джо Джексона. Дилео возглавлял отдел промоушена в *Epic Records* во время выпуска *Thriller*, и Джексон считал, что Дилео многое сделал для успеха альбома. Будучи менеджером Джексона, Дилео выступал исполнительным продюсером фильма *Moonwalker*, вел переговоры о спонсорстве с *Pepsi* и руководил мировым туром *Bad*.

Какое-то время команду Майкла Джексона невозможно было остановить. В 1984 году Джон Бранка заключил сделку от имени Джексона о покупке музыкального каталога *ATV*, в который входили права на тысячи песен, включая «Битлз». Джексон приобрел каталог за 47 млн. долларов, но вскоре его стоимость значительно повысилась и стала основой личной прибыли певца. Через пять лет, осенью 1989 года, Бранка добился пересмотра контракта Джексона с *Sony*, новой материнской компанией *CBS/Epic Records*. *Sony* согласилась выдавать Джексону рекордные 15 млн. аванса на каждый альбом. Для сравнения: Брюс Спрингстин получал лишь 2,5 млн., Билли Джоэл – 1,7 млн. Бранка выбил и рекордную ставку роялти в 25%. Большинство знаменитостей получали лишь 12%. На самой вершине успеха Майкл Джексон стоил порядка 700 млн. долларов.

Талант Джексона и его безграничный коммерческий потенциал магнитом притягивал к нему наиболее могущественных людей в этом бизнесе. Пока певец окружал себя нужными людьми, он процветал. Если он позволял не тем людям проникнуть в его окружение, его благополучие ухудшалось. К концу 90-х годов таких людей становилось все больше. В 1989 году Джексон уволил Фрэнка Дилео, обвинив его в неправильном распределении средств. За следующие десять лет отношения Майкла с Джоном Бранкой то улучшались, то ухудшались, и в итоге Бранка тоже был уволен в 2003 году. Обвинения в растлении детей, предъявленные Джексону в 1993 году, подорвали его эмоциональное состояние, сделав его уязвимым. К певцу присосалась целая стая известных юристов, работавших со звездами. Все они соревновались друг с другом, дабы занять место адвоката на суде, который стал бы самым громким делом столетия. Эти юристы в итоге убедили Джексона урегулировать дело вне суда и тем самым нанесли непоправимый урон его жизни и карьере.

К концу столетия, оторванный от своей семьи и команды, поддерживавшей его во время Thriller-эры, Джексон потерял все, за что мог бы зацепиться. Его делами управлял не какой-нибудь всеми признанный «бомбардир», а малоизвестный немецкий бизнесмен Дитер Визнер, тащивший карьеру певца в очень странных направлениях – к примеру, он запустил в продажу энергетический напиток под брэндом Майкла Джексона в Европе. Джексон и сам инициировал целый ряд сделок с финансистом Марком Шаффелом, ранее занимавшимся продюсерством порнофильмов. Едва ли таких людей можно назвать лучшими советниками для исполнителя, чей публичный имидж и без того был подпорчен обвинениями в сексуальном растлении.

После краткого пребывания Рэнди Джексона у руля братья рассорились, и Джексон обратился к женщине, которую Рэнди нанял публицистом – Раймоне Бэйн. Бэйн, никогда не работавшая в музыкальном бизнесе, была в основном известна как менеджер политических кризисов и была ответственна за восстановление карьеры бывшего мэра Вашингтона, Марион Барри. Летом 2006 года Джексон издал пресс-релиз, в котором объявил, что Бэйн становится генеральным менеджером и исполнительным директором The Michael Jackson Company – нового корпоративного «зонтика», собравшего под своим куполом дезорганизованную империю певца.

В течение всего этого периода единственным постоянным сотрудником Джексона была Грейс Руарамба, няня его детей, работавшая на него уже 17 лет. Руарамба, уроженка Уганды, выросшая в США, начала работать на Джексона в 1992 году на должности менеджера по персоналу для тура Dangerous, и вскоре они сблизились. Когда родились дети Джексона, ее повысили до главной няни. Однако ее истинная роль в жизни Джексона вышла далеко за эти рамки. Невзирая на проблемы со здоровьем, из-за которых она временами отсутствовала, она была кем-то вроде личного ассистента, через которого получали доступ все остальные. Ее отношения с детьми подарили ей массу привилегий, которые не достались больше никому в мире Джексона.

Когда Майкл Джексон переехал в Лас Вегас, его команда – Грейс, Раймона Бэйн, ассистент Джон Фельдман – была единственной, кто занимался его ежедневными делами. Будучи новенькими в этой команде, Билл и Джавон изо всех сил старались разобраться в различных отношениях и офисной политике своего нанимателя. Им нескоро довелось осознать (к их глубочайшему сожалению), что команда Майкла Джексона изнутри работала еще хуже, чем выглядело со стороны.

Билл:

Менеджер мистера Джексона, Раймона Бэйн, приехала в Вегас в феврале. Вместе с парочкой ассистентов она ехала машиной из Вашингтона. Они не стали покупать авиабилеты, поскольку она везла мистеру Джексону чемодан с парой сотен тысяч долларов наличными. Невозможно протащить такую сумму через службу безопасности аэропорта, не ответив на множество вопросов. Поэтому она и ехала машиной.

Ее машина подъехала к дому, Фельдман вышел, взял чемодан и, оставив ее в машине, отнес чемодан в дом. Мы с ней сидели снаружи и беседовали. Она все повторяла, что ей казалось, будто она видела меня раньше, но я не помнил, чтобы мы встречались. Думаю, она просто пыталась заставить меня вообразить, будто между нами есть какая-то связь.

Мы сидели там минут тридцать или сорок, и стало ясно, что мистер Джексон не собирается приглашать ее в дом и вообще не хочет ее видеть. Она попыталась сделать вид, что ее это не смутило. Сказала что-то вроде: «Ну ладно, мне надо ехать. Вы, ребята,

не пропадите. Скажите Майклу, чтобы звонил мне, если ему что-нибудь нужно». И уехала.

Его менеджер едет через всю страну, чтобы поговорить с ним, после того как он много месяцев провел за границей, и они так и не поговорили? Я стал задаваться вопросом, что же происходит с организацией его бизнеса. Такое отношение показалось мне странным. В то же время, все происходившее было мне в диковинку, поэтому я решил, что, возможно, между ними просто такие отношения изначально.

Будучи менеджером мистера Джексона, Раймона была ключевым лицом. Она заведовала расписанием и организовывала все его дела. По утрам она присылала нам разрядку: поехать туда, поехать сюда, позвонить тому-то и т.д. Иногда мистер Джексон просматривал этот график и следовал ему до последнего пункта. А иногда он смотрел на какую-то назначенную ею встречу и отмахивался:

– Ага, у нее скрытые мотивы насчет этой встречи. Мы туда не пойдем.

Нам было неловко наблюдать за этим. Их отношения явно не были доверительными. Он не отзывался о ней положительно, и все же она вела его бизнес. Поначалу, как в тот день, когда мы беседовали в машине, она была со мной очень мила. *Очень* мила. В нашем трейлере не было кондиционера, и мы сидели в нем как в печке. Она сама позвонила мне и сказала:

– Билл, я пришлю вам немного денег, чтобы вы купили кондиционер для трейлера.

Она постоянно перезванивала и проверяла, есть ли у меня все что нужно. И в то время я думал: «Эй, а она ничего. У нас все круто».

Джавон:

Мисс Раймона хотела знать о каждом шаге мистера Джексона, но Фельдман ничего ей не рассказывал. Порой я думал: «Черт, она же его менеджер. Она должна знать, что происходит». Но Фельдман полностью ее блокировал. Поэтому она захотела, чтобы я и Билл стали ее информаторами.

Порой она звонила мне или Биллу, и мы рассказывали ей, куда едем и что делаем. Мы понятия не имели, что можно как-то иначе. Но когда мистер Джексон узнал, что мы рассказываем ей о его перемещениях, он позвал нас и сказал:

– Не говорите Раймоне, куда мы ездим. Я знаю, что вы выполняете свою работу, но если бы я хотел что-то ей сказать, я позвонил бы и сказал ей сам.

В этих вопросах он был непреклонен.

– Парни, вы отчитываетесь передо мной. Если вы еще раз скажете ей, куда я едущу, а я потом узнаю – я сам вас уволю.

Всякий раз, как Раймона приезжала в город, именно мне предстояло забирать ее из аэропорта и везти к дому. Пока мы ехали, она расспрашивала: «Ну, как босс? Где вы были? Чем он сегодня занимался?»

Я отвечал:

– Да ничем особенным. Думаю, Фельдман расскажет вам куда больше.

Она злилась, что мы ничего ей не рассказываем, но мы делали так, как нам было велено. Это ставило нас в неловкое положение, поскольку именно мисс Раймона занималась нашей зарплатой и чеками. Мы никогда не получали зарплату вовремя. Мы должны были

получать деньги 3-го и 18-го числа каждого месяца, но могли получить их 7-го и 23-го. Это если повезет. Никакой стабильности.

Билл:

У мистера Джексона было несколько различных корпораций, выполнявших разные функции. Иногда наши чеки выписывала MJJ Productions, а иногда – The Michael Jackson Company. Деньги могли прийти откуда угодно. Специального учета платежной ведомости не было. Не было никакой определенной системы.

Джавон:

Порой в прессе видишь сообщения о его финансах, но, исходя из наших наблюдений, такой человек, как Майкл Джексон, попросту не мог разориться. У него по всему дому были запасы налички, он прятал их повсюду. Как тот чемодан, который мисс Раймона привезла ему. В тот же день, когда нам задерживали зарплату, мы могли поехать в магазин и потратить 20 тысяч на какую-то ерунду. Он полностью разорен и при этом стоит миллионы? Этого мы понять не могли.

Поскольку он не доверял Раймоне, мы предположили, что у нее не было доступа ко всем его деньгам. Казалось, что именно эта сфера его финансов, зарплатная ведомость, вообще никак не управлялась, но он все равно оставался чрезвычайно богатым человеком. Вот на что это было похоже. Ну а как еще он оплачивал всех этих юристов? Они постоянно названивали ему, получая по 600 долларов за каждый час таких телефонных разговоров.

Билл:

Через месяц явились и адвокаты. В конце января приехал юрист Грег Кросс. Он был с Гасом Венаблом в Вашингтоне, у них очень крутая юридическая фирма. Высокий такой тощий белый парень в очках. Был похож на Икабода Крейна (*персонаж из «Легенды о Сонной лощине» – прим. пер.*)

Мы часто возили мистера Джексона на деловые встречи и дачу показаний в отелях, но Грег был единственным юристом, приходившим на дом. Он приходил раз в месяц и всегда очень приветливо себя вел. Я видел, что мистер Джексон доверяет ему. Фельдману он, кажется, не нравился. Порой Грег звонил и просил соединить его с мистером Джексоном, а Фельдман отвечал: «Он занят. Я скажу ему, чтоб он перезвонил». Боссу звонит адвокат, берущий 600 долларов в час, и будь я на месте Фельдмана, то поинтересовался бы, не хочет ли босс взять трубку. Очередная борьба авторитетов.

Джавон:

Мы так и не уяснили, кто главный. Мисс Раймона была менеджером, но ее намеренно держали в неведении. Чисто технически, мы с Биллом и остальные охранники подчинялись Фельдману, но мисс Грейс постоянно опровергала его указания. Фельдман представил ее нам как няню, и поначалу мы ничего другого о ней не знали. Однако мы видели, что она ездит за покупками, привозит в дом продукты, вещи для детей и для мистера Джексона. Она решала все его деловые вопросы. Она устроила в гараже нечто вроде кабинета, принесла туда ноутбук и принтер и порой сидела там, решая какие-то рутинные вопросы, связанные с его бизнесом.

Нам быстро стало ясно, что мисс Грейс была не просто няней. Она была ближе всех к мистеру Джексоному. Практически суррогатная мать. Дети любили ее. Она знала о них абсолютно все. Снаружи казалось, что она была неприкосновенна.

Билл:

Фельдман и Грейс постоянно ссорились. Грейс приходила и говорила ему: «Мистеру Джексону нужно то-то и то-то». А Фельдман отвечал: «Я не верю этой женщине. Я пойду сам спрошу у мистера Джексона и удостоверюсь, что он хочет именно этого».

Порой Грейс ездила в магазин и привозила мистеру Джексону красное вино. Фельдман не пил и не курил, поэтому постоянно прятал вино. Стоило Грейс принести бутылки в дом, Фельдман шел туда, брал бутылки и относил в наш трейлер.

– Мистеру Джексону не стоит это пить, – говорил он. – Это отравя.

Затем снова приходила Грейс:

– Билл, я побегу в магазин. Босс хочет немного вина. Мне казалось, у нас было вино, но он, наверное, положил его куда-то не туда и не может найти.

– А какое вино? – спрашивал я. Она объясняла, и я вспоминал. – А, так Фельдман принес его сюда.

Она злилась и забирала вино обратно в дом. Через день снова приходил Фельдман и начинал искать:

– Где вино?

– Какое вино?

– То, которое я сюда принес.

– Я отдал его Грейс.

– Нет! Нельзя это делать!

– Но почему?

– Она пытается его *отравить*! Ты понимаешь?

Я думал, чувак двинулся. Поначалу я решил, что он думает, будто она действительно пытается отравить его, т.е. подсыпает в вино какой-то яд. Эти двое постоянно грызлись.

Джавон:

Фельдман жил в отеле неподалеку и каждую ночь ехал туда. Иногда он ездил к своей семье в Калифорнию на выходные. Но даже если его не было в доме, все приказы для охраны должны были передаваться только через него. Он хотел, чтобы Грейс звонила ему всякий раз, как кто-либо из нас покидал территорию, но Грейс не собиралась подчиняться. Она приходила в трейлер и говорила:

– Босс хочет, чтоб вы поехали и купили для Бланкета хлопья.

– А вы звонили мистеру Фельдману? – спрашивал я.

– Мне не надо ему звонить, Джавон. Майкл просит, чтоб ты поехал. Он хочет, чтоб так было. Он отправил меня к вам, чтобы я передала его просьбу.

Я ехал в магазин, а через 20 минут мне звонил разъяренный Фельдман:

– Что происходит? Где ты?

– Я в магазине, покупаю хлопья для детей.

– В магазине? Почему ты покинул пост?

– Не волнуйтесь, все в порядке, там остался Билл.

– Кто велел тебе уехать?

– Мисс Грейс сказала, что мистер Джексон просит кого-нибудь из нас купить детям хлопья.

– Почему ты меня не уведомил?

– Мисс Грейс сказала, что все в порядке.

– Джавон, она должна прекратить заниматься этой херней!

Затем Фельдман приезжал к дому и накидывался на Грейс:

- Прекрати отсылать моих людей куда попало!
- Я тебе не подчиняюсь! – огрызнулась она. – Если мистер Джексон просит меня что-то сделать, я буду делать!

Вот так это было. Они постоянно собачились друг с другом по поводу того, кто из них должен приказывать мне поехать в магазин и купить хлопья. И такое случалось постоянно.

Билл:

Фельдман относился к мистеру Джексону как к своей собственности. Он чрезмерно опекал его, как отец, хотя и мог бы делать это более дипломатично. Я терпел Фельдмана. Время от времени у нас бывали стычки. Когда дело касалось работы, мы ее выполняли, но в других вопросах я просто терпел. Какое-то время Грейс не знала, как я отношусь к Фельдману. Буду ли я хранить верность ему или она может использовать меня в своем углу ринга? Я сказал ей:

- Послушайте, я взрослый человек и сам буду принимать решения.

После этого мы с ней стали говорить чаще. Я мог обратиться к ней с какими-то вопросами, а она могла спокойно дать мне куда больше информации, например, о семье мистера Джексона и ситуации с Рэнди. Он всегда ссорился с Майклом на финансовой почве. Она делилась этим со мной, и между нами установилось понимание. Единственное, что мне не нравилось обсуждать с ней – это Раймона. Мне нравилась Грейс, но эти две женщины тоже друг друга недолго любили.

Раймона периодически приезжала в город, чтобы встретиться с боссом или заключить какие-то сделки от его имени. Когда она приезжала, то останавливалась в отеле неподалеку от нас, JW Marriott, и обычно кто-нибудь из нас забирал ее из аэропорта и отвозил в отель. После нескольких таких поездок она прилетела снова, я вез ее к дому мистера Джексона, и она спросила меня:

- Билл, ты случайно не знаешь какую-нибудь домработницу?

В моем доме раз в две недели прибиралась очень милая молодая женщина, поэтому я ответил:

- Да, знаю кое-кого.
- Отлично. Мне надо, чтоб в моей квартире убирали хотя бы раз в неделю. Я хочу, чтобы там было чисто, пока меня нет.

Я удивился. У нее была квартира в Вегасе? Но ведь я всегда возил ее в отель. Мне стало любопытно, но я не расспрашивал ее. Просто порекомендовал ей свою уборщицу, которая была моей приятельницей.

Через пару недель я беседовал с этой женщиной, хотел снова вызвать ее для уборки дома, а она сказала:

- Может, мы сможем назначить на другой день? Мне надо убрать у Раймоны.
- А где у нее квартира?
- В Тернберри.
- Тернберри Тауэрс?
- Да, квартира в Тернберри.

Ого, подумал я.

Джавон:

Квартиры в Тернберри Тауэрс очень классные. Они могут стоить несколько тысяч в месяц. Их сдают звездам и профессиональным спортсменам. Там постоянная охрана, паркинг, химчистка – все блага, которые ты получаешь за кошмарную стоимость этих квартир. Именно там была квартира и у мисс Грейс. Когда Раймона впервые попросила меня отвезти ее туда, я подумал, что мы поедем в гости к Грейс. Поначалу я и не предполагал, что у нее может быть там своя квартира.

На въезде в комплекс стоит домик для охраны. Обычно я сообщал охраннику вводные мисс Грейс. Затем мисс Раймона стала давать им свою информацию, и вскоре они просто махали ей, чтобы она проезжала. Они знали ее очень хорошо. «Эй, как ваши дела, мисс Раймона?» Ее знали все, даже охрана.

Билл:

У меня есть контакты по всему Вегасу, поэтому, если мне нужна какая-то информация, я могу быстро ее получить. Вот я и стал смотреть. И у Грейс, и у Раймоны были квартиры в Тернберри Тауэрс, но мистер Джексон понятия об этом не имел. Он считал, что Раймона живет в отеле. Он говорил мне: «Забери Раймону из отеля». Как-то так.

Тогда я ничего ему не сказал. Мне было крайне неловко переступить эту черту. Какое мне дело до его отношений с менеджером? Мне платят не за это. Нельзя просто пойти к Майклу Джексону после двух месяцев работы и начать советовать ему, как вести дела. Впрочем, если даже на этом уровне все так запущено, даже если с совершенно простыми вещами вроде зарплаты или выполнения поручений возникали такие проблемы, то можно было только представить себе, что творилось на вершине, на уровне миллиардов долларов, где управляли его контрактами на звукозапись и финансовыми вопросами. Как ими вообще управляли? Непонятно.

Так было не всегда. Мы с Грейс часто говорили об этом. Она рассказывала мне, как здорово все было организовано когда-то. В «Неверленд» все работало как часы, как настоящий корпоративный бизнес. Всем платили вовремя. Люди знали свое место, выполняли свои функции. Не было такого перетягивания каната, поскольку все знали, кто всем управляет. Главным был Майкл Джексон. Но эти дни канули в лету.

Все из-за этого суда. Суд уничтожил все. Уничтожил его. Это было заметно. Он стал уязвим. Ему постоянно угрожали убийством. Действительно много угроз. Он пребывал в ужасе. Не доверял никому. Страх и паранойя полностью поглотили его.

Все началось в начале девяностых, когда его обвинили впервые. Именно тогда. Когда его обвинили во второй раз, он находился здесь, в Вегасе. Был в отеле Mirage, когда полицейские перевернули «Неверленд» вверх дном, ища доказательства. Грейс сказала мне: «Билл, они уничтожили его дом». И мистер Джексон тоже увидел это. Он отправился туда сразу после обыска. Только один раз. Увидел, что они натворили, повернулся и ушел. После того, как они уничтожили «Неверленд», он уже не был прежним человеком.

Джавон:

Я однажды был в «Неверленде», еще в детстве. Мне было 14 лет, мы ездили вместе с церковной группой. Была такая программа, Teen Fellowship, и мистер Джексон приглашал такие группы, как наша, чтобы мы могли покататься на аттракционах, поиграть с животными и все такое. Его не было на территории во время нашего визита, но кто-то из персонала показал нам дом и ранчо.

Помнится, чтобы добраться до дома, нужно было сесть на поезд. Мы парковались в нескольких милях оттуда и дальше ехали на поезде. Там было очень красиво. Мы ходили в зоопарк. У него были обезьяны, фламинго, озеро с экзотическими рыбами. Помню, как катался на карусели и мини-горках. Было бесплатное мороженое, конфеты и попкорн, сколько угодно. В торговых автоматах можно было брать все бесплатно. Ты просто брал все, что хотел. Бесплатно. Было здорово. Круто. Нам очень понравилось.

Билл:

Моя единственная поездка в «Неверленд» состоялась в марте 2007. Мистер Джексон хотел получить кое-какие вещи оттуда, фотографии, что-то личное, поэтому он отправил меня туда. Дом был заброшен. Единственный человек, который оставался на территории – охранник на входе. Я подъехал, и он впустил меня.

Я приехал туда ночью, поэтому разглядел немного, но было заметно, что за помещьем перестали ухаживать. Все аттракционы были выключены. Кругом мертвая тишина. Никакого освещения. Животных в зоопарке не было. Растительность разрослась, и ее никто не подстригал. Возле дома был пруд. Он был очень грязный, зарос водорослями.

Внутри дом выглядел как после нашествия. После обыска здесь ничего не убрали и не чинили. Открытые ящики, опрокинутые вещи, все покрыто пылью. Жуткое зрелище.

Я пробыл там недолго. Я не хотел там находиться. Я все думал о том, что сказал мне охранник на воротах.

- Будь осторожен, – предостерег он. – Там змеи.
- Змеи?!
- Да, гремучие змеи. Множество.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«ПОЧЕМУ ОНИ ПРОСТО НЕ ОСТАВЯТ МЕНЯ В ПОКОЕ?»

-7-

В августе 1968 года Jackson 5 дебютировали на частной вечеринке в Беверли Хиллс под патронатом Дайаны Росс. Рекламный отдел Motown издал пресс-релиз, объявив о прибытии группы в Лос Анджелес. Дабы усилить влияние милловидности мальчиков на юных поклонников, их возраст намеренно уменьшили на два года. Майклу было десять лет в то время, но в пресс-релизе было сказано, что ему восемь. Первое, что Америка узнала о Майкле Джексоне, было ложью.

С юного возраста Джексон понял, что восхищение публики можно использовать для подпитывания коммерческого успеха. Какое-то время он принимал свою славу и использовал ее, чтобы достичь вершины. Начиная с белой перчатки, Майкл Джексон тщательно разрабатывал спектакль под названием «Король поп-музыки». Он изучал иллюзионистов и методы, которые они применяли для манипулирования зрителями – наращивание секретности для демонстрации ошеломляющих откровений. Он изучал жизни легендарных личностей, таких как Говард Хьюз и П.Т. Барнум. После выхода альбома Thriller Джексон раздал своим менеджерам копии автобиографии Барнума и заявил им, что хочет превратить свою карьеру в величайшее шоу на планете. Вскоре так и случилось. В феврале 1993 года, в рамках рекламной кампании альбома Dangerous, Джексон впервые открыл ворота «Неверленда» для телевизионщиков и дал интервью Опре Уинфри. Певец поведал о своих личных отношениях, пластической хирургии и витилиго – кожном заболевании, которым он страдал. Именно это заболевание стало причиной осветления его кожи в последние годы. Интервью просмотрели более 90 млн. зрителей.

Полгода спустя Джексон утратил контроль над своим публичным имиджем и уже не сумел его восстановить. В августе, во время гастролей по Азии, британские таблоиды разразились горячими новостями: полиция Лос Анджелеса завела уголовное дело по факту обвинений в развращении 13-летнего мальчика, Джордана Чандлера. Через пару дней Джексон потерял сознание за кулисами перед концертом в Сингапуре. После этого он начал отменять выступления, ссылаясь на различные проблемы со здоровьем.

Джексон вырос преданным адептом секты Свидетелей Иеговы. В молодости он не пил, не курил и не употреблял бранные слова – и был этим знаменит. В 1984 году во время съемок рекламного ролика Pepsi его волосы загорелись от пиротехники, в результате чего певец получил ожоги кожи головы второй степени, причинявшие ему страшную боль. Он начал принимать обезболивающие, выписываемые по рецепту, и в последующие годы применял их все чаще. Скандал с Чандлерами довел его до предела. В ноябре Джексон отменил оставшиеся концерты, обратился в лондонскую реабилитационную клинику и издал пресс-релиз, признав свою зависимость от обезболивающих препаратов. Однако реабилитация подарила ему лишь краткую передышку. В следующем месяце он вернулся в Штаты и тут же был подвергнут личному осмотру, проведенному следователями в поисках предполагаемых «отличительных признаков» на его гениталиях в соответствии с описанием, представленным обвинителями.

Джексон прошел крайнее унижение, а пресса со смаком расписала все это в деталях. Революция в медиа-технологиях, некогда способствовавшая стремительному взлету Джексона на MTV, теперь обернулась против него. Развитие 24-часовых новостных

каналов, объединенных с таблоидами и мейнстримной журналистикой, вылилось в создание новой индустрии, основанной на безостановочном потоке сенсационных «развлекательных» программ. Цирк, развернувшийся вокруг юридических проблем Джексона (а вскоре и публичный суд над О-Джеем Симпсоном), сформировал образец для маниакального освещения звездных скандалов, которые в нынешнюю эпоху Интернета приобрели рутинный статус.

В 1994 году журнал GQ опубликовал статью под названием «Кто подставил Майкла Джексона?», в которой были подведены итоги всестороннего расследования обвинений, предъявленных певцу. Репортеры узнали, что отец Джордана Чандлера предпринял попытку вымогательства, прежде чем отправиться в полицию. Заявления, сделанные Джорданом против Джексона, были записаны после многочисленных принуждений со стороны отца и под влиянием сильного седативного препарата. Эван Чандлер, дантист, дал своему сыну дозу амитала натрия, прежде чем тащить его в полицию; пациенты, находящиеся под воздействием этого препарата, легко поддаются внушению. До первого допроса Джордан всегда отрицал какое-либо неприличное поведение со стороны Джексона.

Однако опровержение обвинений в журнале не создавало такие сенсационные заголовки, как сами обвинения. Решение Джексона урегулировать дело вне суда было воспринято как признание вины. Через десять лет, в попытке восстановить свою репутацию, Джексон дал британскому журналисту Мартину Баширу полный карт-бланш на съемку печально известного документального фильма «Жизнь с Майклом Джексоном». Вместо реабилитации имиджа певца фильм Башира в значительной мере фокусировался на отношениях Джексона с 13-летним Гэвином Арвизо, онкологическим пациентом, которому Джексон помогал с лечением. Фильм стал основой для нового расследования, проведенного Томом Снеддоном, окружным прокурором Санта-Барбары, и привел к новым обвинениям от семьи Арвизо: они утверждали, что Джексон растлил их сына и держал их всех в заточении в «Неверленде», чтобы скрыть эту тайну. Нелепые слова, противоречившие предыдущим публичным заявлениям семьи (крайне позитивным) об их отношениях с певцом.

Когда дело Арвизо попало в суд в 2005 году, разразился невероятный медиа-скандал, какого Америка еще не знала. 2 200 представителей прессы наводнили крошечный городок Санта-Мария, расположившись круглосуточным лагерем вокруг здания суда. Каждый день журналисты освещали все сенсационные подробности, всплывавшие во время допросов свидетелей, при этом забывая сообщить общественности, что все эти обвинения были опровергнуты и дискредитированы адвокатом Джексона при перекрестном допросе. Информация об этом деле, представленная публике, практически ни в чем не соответствовала тому, что на самом деле происходило на слушаниях. Постепенно стало ясно, что стратегия обвинения основывалась на ничем не подтвержденных свидетельствах одной семьи – семьи, чьи мотивы выглядели подозрительными и члены которой постоянно противоречили своим же утверждениям под присягой. Тем не менее, пресса настолько потонула в клевете и лжи, что после единогласного решения присяжных о невинности певца этот вердикт многими воспринялся как пародия на справедливость, а не как оправдание несправедливо обвиненного человека.

В тот день, когда Билл Витфилд и Джавон Бирд стали работать на Майкла Джексона, они знали и понимали не больше, чем большинство людей. Они восторгались его звездным статусом, но после длительной вереницы сплетен и вранья о личной жизни певца они не могли не задаваться неприятными вопросами. Что за человека они защищают? Кем на

самом деле является Майкл Джексон? После трех месяцев работы ситуация не изменилась. Новая команда охранников многое узнала о мире Джексона, но крайне мало – о нем самом. Они дежурили у дверей его дома, в то время как сам Джексон по большей части прятался внутри. В апреле 2007 года Джексон внезапно внес изменения в состав своего ближайшего окружения. Это решение в корне изменило отношения Витфилда и Бирда с новым боссом и наконец-то позволило им увидеть живого человека, скрывавшегося за всеми медийными трюками.

Билл:

В конце февраля, в одну из суббот, мы возили мистера Джексона и детей на ужин, а потом на представление иллюзиониста Ланса Бартона, выступавшего в отеле Monte Carlo. После шоу семья отправилась за кулисы для встречи с Бартоном, и когда мы уже выходили через боковую дверь театра, внезапно трижды мигнула вспышка. Кляц-кляц-кляц! Фотограф сделал три кадра и побежал прочь по бульвару Лас Вегас. На детях не было масок. Мистер Джексон встревожился:

– У него фотографии детей! Держите его! Держите его!

Фельдман повернулся ко мне:

– Билл, быстро!

Я погнался за фотографом. На бульваре субботним вечером полно туристов, и мне приходилось бежать сквозь них. Я пролетел три квартала и, наконец, догнал его. Это уже выглядело как какое-то серьезное происшествие. Люди останавливались и наблюдали. Я схватил его за руку, вырвал у него фотоаппарат, кинулся назад к машине и отдал его Фельдману. Я даже не видел, было ли там что-нибудь. Мистер Джексон вздохнул с облегчением. Он все повторял: «Ох, слава Богу!» Для него самым большим страхом было то, что фотографии детей попадут в прессу.

Я решил, что на этом все закончилось. Через две недели я был дома, сидел в своей гостиной с дочерью. В дверь постучали. Мы не ждали гостей. Переглянулись. У меня по всему дому тоже стоят камеры, и одна из них – как раз над входной дверью. Я повернулся, посмотрел на экран и увидел двух парней впереди и третьего чуть позади. Поскольку я сам служил в правоохранительных органах, то сразу понял, кто это. Полицейские. Они были в гражданском, но я знал, что это полиция. Я открыл им дверь.

– Мистер Витфилд?

– Да, сэр.

– Я детектив такой-то, а это детектив такой-то. Мы из отдела по расследованию грабежей полиции Лас Вегаса. Вы работаете на Майкла Джексона?

– Да.

– Мы вызываем вас на слушание перед Большим жюри присяжных. Вас идентифицировали как грабителя, укравшего у человека фотокамеру.

Они принесли повестки всем. Мне, Фельдману, Раймоне и Грегу Кроссу. Фотограф нанял адвоката и пожаловался полиции: «Майкл Джексон и его телохранители ограбили меня и украли мой фотоаппарат». Фельдман стоял на ушах. Он твердил: «Ну все, сейчас они повесят на босса грабеж. Он отправится за решетку!» Его паника вскоре передалась и мне. На следующий день мы рассказали мистру Джексону о случившемся. Он ответил:

– Избавьтесь от него. Верните ему фотоаппарат.

Я решил, что все просто. Удалить фотографии и вернуть камеру. Но Фельдман сказал, что фотоаппарат уже не у него. Он его якобы уничтожил. С чего бы вдруг уничтожить камеру, если можно всего лишь извлечь из нее карту памяти? Вдобавок, фотоаппарат был дорогой.

Я не делаю двух вещей. Первое – я не свидетельствую против клиента. Второе – я не лгу под присягой. Поэтому теперь мне оставалось гадать, сумею ли я не привлекать к себе внимания, пока все это не разрешится. Раймона связалась с каким-то крутым юристом в Вегасе. Он стал разрабатывать план урегулирования этого дела.

В начале марта мистеру Джексону нужно было лететь в Японию. Его японские поклонники – одни из самых преданных в мире. Он должен был появиться на какой-то церемонии, и люди платили тысячи долларов только чтобы сказать ему пару слов и сфотографироваться с ним. Фельдман сказал нам, что мистер Джексон хочет, чтоб мы с Джавоном остались здесь и следили за домом. Для охраны мистера Джексона нанимали местную команду в Японии, которая уже работала с ним.

Едва они уехали, вокруг все затихло. У нас не было никакой особой работы, кроме как следить за домом. Я работал днем. Джавон – по ночам. Мистер Джексон и дети отсутствовали 4-5 дней. Во время поездки Фельдман позвонил мне из Японии, все еще беспокоясь об этой ситуации с фотоаппаратом.

– Похоже, что босса арестуют, едва мы вернемся в страну.

Я решил, что он сошел с ума. Таких, как Майкл Джексон, не арестовывают из-за такой ерунды. Подают в суд? Да. Арестовывают? Нет. Но Фельдман продолжал всех накручивать. Через пару дней они прилетели в Лос Анджелес, побыли там несколько дней, а затем приехали машиной в Вегас. Дело с фотографом быстро урегулировали. Адвокат разработал условия сделки, и парень согласился отстать за денежную компенсацию. Кажется, сумма компенсации составила 75 тысяч. За камеру стоимостью 3 тысячи. Парень утверждал, что его избили. Но я не трогал его. Я просто отнял у него камеру. И все это не имело ко мне никакого отношения. Проблемой был Майкл Джексон. Какой бы ни была сумма, ее выплатили, однако к тому моменту Фельдмана уже уволили.

Обычно Фельдман общался с мистером Джексонем каждый день, но после Японии и всей этой заварухи с камерой его отношения с мистером Джексонем резко ухудшились. Фельдман приносил нам расписание и указывал, что нужно делать. А потом выходил мистер Джексон и говорил нам: «Нет, мы сегодня никуда не поедем, я остаюсь дома». Они не разговаривали. Их отношения уже не были прежними, это было видно.

А в один прекрасный день Фельдман просто исчез. Кажется, это было в начале апреля. Он не давал нам инструкций. Не звонил. Мы не знали, уехал ли он на неделю или вообще навсегда. Никто не поставил нас в известность. Когда он уехал, от мистера Джексона три дня тоже не было ни звука. К дому по-прежнему приезжал повар и привозил еду для семьи; мы оставляли ее у двери на заднем дворе и уходили обратно в трейлер. Через пару минут мы видели на мониторах, как выходил Принс, забирал еду и исчезал за дверью. Целых три дня у нас не было никаких контактов с обитателями дома.

Вы должны понять: Фельдман служил нашим основным контактным лицом для общения с мистером Джексонем. Когда его не стало, мы оказались в подвешенном состоянии. Мы не знали, что делать, кроме как приходить на работу и выполнять свои дневные обязанности. Мистер Джексон не покидал дом, мы его почти не видели. Посредником стала Грейс. Она стала отправлять нас с различными поручениями, которые обычно выполнял Фельдман. И тогда мы начали осознавать, что он и впрямь не вернется.

Так продолжалось недели три. Затем Грейс как-то подошла ко мне и сказала:

– Билл, сегодня вечером тебе позвонят. Кое-кто хочет с тобой поговорить.

Столько таинственности. Но то, как она сказала это и как посмотрела на меня, подсказало мне, кого именно она имела в виду. Я не знал, что и думать. До этого момента я особо не разговаривал с мистером Джексон. Мы здоровались, иногда перебрасывались какими-то фразами о дневных делах, но никаких серьезных бесед. У меня с ним не было никаких отношений. Практически все передавалось через Фельдмана. Грейс добавила:

– Просто будь собой и говори с ним как с обычным человеком. Не нервничай.

Я начал нервничать, едва она это сказала.

В тот же вечер, где-то в половине одиннадцатого зазвонил мой мобильник, но я не успел вовремя добежать до него, а звонивший не оставил сообщение. Звонок был не со стационарного телефона в доме, как я рассчитывал. Номер был мне незнаком, поэтому я набрал его сам. После нескольких гудков кто-то снял трубку:

– Алло, кто говорит?

Голос был очень низкий и звучал с сильным искажением, словно кто-то говорил через электронный вокодер. Я смутился.

– Кто это? – спросил я.

– Чем могу служить?

– Да ты первым позвонил мне, козел.

Слегка рассердившись, я бросил трубку в смешанных чувствах. Через несколько секунд телефон зазвонил опять. Тот же номер. Я поднял трубку и спросил:

– Какого хрена?

– Билл, да это я! Мистер Джексон.

Теперь он говорил своим обычным голосом, без искажений. Я замер.

– Простите, сэр. Простите, пожалуйста. Я думал, кто-то прикалывается.

Он тоже принялся извиняться:

– Да со мной такое постоянно бывает. Мне приходится маскировать голос, потому что люди добывают мой номер, звонят и говорят мне гадости. Ты понятия не имеешь, сколько раз мне приходилось менять номер.

Кажется, он и сам очень нервничал. Затем сказал:

– Слушай, мне придется снова лететь на восток, и я... Ты ведь знаешь, что Фельдман уже не с нами?

– Да, сэр.

– Отлично. Так вот, я хочу, чтоб ты кое-что сделал. Билл, я могу доверять тебе? Я могу тебе доверять?

– Да, мистер Джексон. Вы можете мне доверять.

– Хорошо. Прекрасно.

Далее он поведал, что Фельдмана уволили, и Грейс сказала ему, что я нормальный парень. Мы с ней находились в доверительных отношениях, и, вероятно, все хорошее, что она сказала ему про меня, убедило его, что мне можно верить. Он начал рассказывать мне, что именно я должен сделать. Конкретной фразы «Билл, теперь ты начальник охраны» не прозвучало. Он просто говорил со мной таким тоном, что мне стало понятно – теперь всем этим буду заниматься я.

– У тебя есть компьютер?

– Нет, сэр.

- Окей, я хочу, чтоб ты купил ноутбук. Я дам тебе денег. Как думаешь, сколько сейчас стоит ноутбук?
- 500-600 долларов, сэр.
- Хорошо, я дам тебе тысячу. Раймона пришлет мне кое-какие фотографии, я хочу, чтоб ты загрузил их в ноутбук и показал мне.
- Хорошо, сэр.

Он оставил мне деньги в конверте у задней двери. Я поехал в город и купил ноутбук. Раймона прислала мне фотографии. Я перезвонил ему, чтобы он знал, что я уже вернулся, он впустил меня через заднюю дверь, я открыл ноутбук, и мы вместе стали смотреть фотографии.

Было очень странно находиться там. Я впервые оказался с ним один на один и разговаривал с ним. Мне не впервой быть среди знаменитостей, но это же *Майкл Джексон*. Этот человек делал все и был повсюду. Я никогда не встречался с папой римским, но, наверное, так ты ощущаешь себя в его присутствии. Теряешь дар речи. Пытаешься обратиться к нему и прикусываешь язык, едва не выдав «Да, Ваше Величество!». Когда я первый раз увидел его, я не знал, то ли мне кланяться, то ли пожать ему руку, как обычному человеку. Вот так это было. У меня ушло какое-то время, чтобы привыкнуть к нему и перестать трястись.

Мы смотрели фотографии множества домов и особняков в Вирджинии, Мэриленде, Коннектикуте, Нью-Йорке. Он рассматривал фото, затем кивал, я нажимал кнопку и выводил следующее. Я смотрел на цены домов: 6 млн., 7 млн., 12 млн. Наконец, мы все посмотрели, он показал на экран и сказал:

- Передай ей, что мне понравился этот.

Я позвонил Раймоне и объяснил, какой дом ему понравился. Она ответила:

- Хорошо, я устрою там отдых этим летом. Мистер Джексон повезет в этот дом своих детей на каникулы.

Следующие несколько дней Раймона все чаще звонила мне с различными поручениями. Я слышал, как мистер Джексон разговаривает по телефону со своими юристами и другими людьми. Он говорил: «Позвоните Биллу», или «Обсудите это с Биллом», или «Пусть Билл этим займется». Я начал получать факсы, электронные письма, какие-то документы, которые он должен был прочесть и подписать, уведомления о назначенных встречах. И все это посыпалось на меня. Я не просил об этом и, естественно, не ожидал такого поворота событий. Три месяца назад я морозил задницу в гараже этого человека. А теперь, внезапно, я стал секретарем Короля поп-музыки.

Поскольку Майкл Джексон разорвал связи с семьей, взамен ему нужна была собственная крепкая семья. Осенью 1993 года, в самый разгар скандала, он нашел утешение и поддержку у Лизы Мари Пресли. Их познакомил общий друг в январе того же года. Вскоре они стали встречаться регулярно, и, несмотря на то, что они казались совершенно разными, в какой-то степени это была идеальная пара. Дочь Элвиса Пресли, Короля рок-н-ролла, была одной из немногих, кто понимал, каково быть самым известным человеком на планете. В Майкле Джексоне Лиза Мари разглядела сильную харизматичную личность, сражавшуюся с теми же демонами, которые осаждали ее отца. Она не сомневалась, что обвинения, выдвинутые против Джексона, сфабрикованы, и верила, что может спасти его.

В мае 1994 года Джексон и Пресли сочетались браком на закрытой церемонии в Доминиканской Республике, но брак этот продлился лишь восемнадцать месяцев. Майкл, длительное время занимавшийся только собой и своей карьерой, не сумел разделить свой мир с кем-то еще. Его новая жена никогда не жила в «Неверленд» постоянно, предпочитая свой дом в Лос Анджелесе. Со своей стороны Лиза Мари, уже родившая двоих детей в предыдущем браке, не была заинтересована рожать снова, и это очень расстраивало Майкла, который хотел иметь большую семью. Их союз сочли ошибкой. Джексон и Пресли развелись в декабре 1995 года.

Меньше чем через год Джексон женился на Дебби Роу, медсестре, с которой он познакомился в дерматологической клинике доктора Арнольда Кляйна. Роу пообещала подарить ему долгожданную семью. На момент их свадьбы в отеле Сиднее, во время мирового тура HIStory, Роу была на шестом месяце беременности, ожидая их первенца. Через три месяца, в феврале 1997 года, она родила сына, Майкла Джозефа Джексона-младшего, которого прозвали «Принс». В апреле 1998 года у них появилась дочь, Пэрис Майкл Кэтрин Джексон. Роу и Джексон развелись осенью 1999 года, и оба ребенка остались под опекой отца. Два года спустя, в феврале 2002 года, у Майкла появился третий ребенок благодаря услугам неизвестной суррогатной матери. Малыша назвали Принс Майкл Джексон-второй, но Джексон прозвал его «Бланкет». Это слово он часто применял в значении «обернуть, покрыть любовью и обожанием».

С момента выхода его последнего студийного альбома и последнего концертного выступления прошло пять лет. Его дети стали центром всей его жизни, и весь день напролет он занимался только ими. Все его усилия были направлены на то, чтобы защитить их от прессы. И хотя их детство протекало совсем не так, как у большинства нормальных детей, он был решительно настроен создать для них уютный дом и подарить им нормальную жизнь, насколько это возможно.

Джавон:

Мисс Айлин, учительница, прибыла в город сразу после праздников. Это была азиатка из Бахрейна. Мистер Джексон познакомился с ней, когда путешествовал за границей, и нанял ее, чтобы она учила его детей. Он снял ей квартиру примерно в пяти минутах езды от дома. В течение недели кто-нибудь из нас забирал ее в 7:30 утра и привозил в дом.

Мистер Джексон очень серьезно относился к образованию своих детей. Занятия начинались ровно в 8 часов утра. В одной из комнат на первом этаже обустроили класс, как в настоящей школе. Мы помогли учительнице развесить школьные доски, поставили компьютеры, книжные полки, принесли карты, различные учебные плакаты с алфавитом, таблицей умножения и все такое. У каждого из детей была своя парта. Все это выглядело как обычная классная комната в начальной школе. Такие комнаты мы обустроивали даже

во время путешествий, когда останавливались в отелях. Рядом с номером всегда была зарезервирована отдельная комната, и администрация отеля ставила там парты и все остальное, чтобы дети могли учиться.

Билл:

Какой бы сумасшедшей ни была их жизнь, мистер Джексон настаивал, чтобы в плане обучения у детей была ежедневная дисциплина. Они даже носили школьную форму. У Принса и Бланкета были белые рубашки, черные брюки и галстуки. У Пэрис – лаковые туфельки и платье, как у маленькой ученицы католической школы. Они всегда выглядели очень ухоженными. Волосы расчесаны, форма выглажена. Каждое утро с понедельника по пятницу дети просыпались, одевались, спускались на завтрак, а потом «шли в школу».

Совет по образованию штата Невада установил множество требований для домашнего обучения, согласно которым дети должны сдавать экзамены при переходе в следующий класс. Мисс Айлин так построила план занятий, чтобы все эти требования были учтены. Она проверяла их домашнее задание, требовала, чтобы они писали отчеты о прочитанных книгах, организовала часы самоподготовки. Она вела занятия так же хорошо (или даже лучше), как учителя в любой частной школе. Детишки были сообразительные. Они постоянно что-то читали. Впитывали все как губка, все время задавали вопросы.

Когда мы возили их на ужин или в кино, мистер Джексон сидел с ними на заднем сиденье и расспрашивал их, что нового они узнали в тот день. Он знал все их расписания и уроки. Каждую неделю он вместе с учительницей пересматривал планы уроков и вел записи о том, что они учат. Он помогал им делать домашние задания по вечерам. Они все время бежали к нему: «Папочка, помоги сделать домашнее задание?» Он просто обожал этим заниматься.

В этом доме редко смотрели телевизор. Они устраивали кино вечера, смотрели DVD, но здесь все было иначе, чем в обычных домах, где дети вечно торчат перед телевизором. Они делали уроки, читали книги, играли в игры и слушали музыку.

Джавон:

Были и внеклассные занятия. У них каждый день была физкультура. Они прыгали и бегали по двору, занимались гимнастикой. Иногда мы водили их в соседний парк. И поставили им батут.

Мы возили их на выездные занятия, в музей научных открытий для детей, где можно было проводить различные научные эксперименты. Пэрис обожала ходить в музей изобразительного искусства и картинные галереи. Отели на Лас-Вегас-Стрип были отличным местом для выездных занятий, там все время проводились выставки и различные инсталляции. Мы возили детей на выставку «Тело», где выставлялись человеческие тела в разрезе. Были мы и на выставке акул в Mandalay Bay. Кино в I-max, трехмерная выставка «Морские глубины» и «Динозавры». В классе дети сначала проходили какую-то теоретическую часть, потом мы везли их в музей, а потом они должны были написать об этом сочинения.

Первый раз мы вывезли детей в город без мистера Джексона в феврале. Мы ездили на детскую площадку вместе с учительницей. Мы пока были новичками, но ее-то он хорошо знал, поэтому доверял ей. Она постоянно отчитывалась перед ним о том, как мы себя ведем. Ее телефон постоянно звонил, и мы слышали, как она отвечает: «Да, сэр. Нет, они в порядке». Мы поняли, что она наблюдает за нами и за тем, как мы выполняем свою работу.

Билл:

Мы надеялись, что никто не узнает их. В первый раз мы вывезли их в крытый парк аттракционов с Грейс, и там нас застали папарацци. Видимо, кто-то следовал за нами от самого дома. Они сделали несколько поспешных снимков издали, но, к счастью для нас, хорошие фото им сделать не удалось. На фотографиях невозможно было определить, что это за дети.

Люди часто спрашивают, почему мистер Джексон закрывал лица своих детей масками и шарфами, когда бывал с ними на публике. Таблоиды писали, что это странно и вообще безумие, но они не понимали, для чего это делалось. Пока никто не знал, как выглядят его дети, они могли везде ходить без него и вести более-менее нормальный образ жизни. Когда рядом не было их отца, они могли побыть обычными детьми.

Первые несколько месяцев нас сопровождала няня или учительница, когда мы вывозили детей в город. Но где-то в конце апреля он стал просить нас с Джавоном самостоятельно возить их, водить на детскую площадку. Для нас это было очень серьезно. Когда мы впервые вывезли их без Грейс, то поняли, что он действительно доверился нам. Ведь он так яростно опекал своих детей.

Помнится, как-то мы повезли детей за мороженым. Мистер Джексон остался дома. Стоял февраль, было холодно. Мы уже были на полпути к магазину, когда позвонил мистер Джексон и спросил, надел ли Бланкет шапку. Не надел. Он забыл ее дома. Мистер Джексон велел: «Возвращайтесь и возьмите шапку».

На самом деле дети практически не выходили из машины, но он все равно настаивал. Если на улице холодно, дети должны быть в шапках и перчатках. Точка. Пришлось возвращаться домой за шапкой.

Джавон:

Люди смеялись при мысли, что он может быть отцом. Они смеялись над именами детей, над их масками и всем прочим. Мол, для Майкла Джексона, по-видимому, очень странно быть отцом. Но чем больше мы узнавали его, тем больше видели, что для него отцовство – самая естественная вещь на свете. Как-то мы были на дежурстве, а он позвонил и сказал нам, что у него закончился стиральный порошок, и не могли бы мы съездить купить ему немного. До этого я бы ни в жисть не представил Майкла Джексона в ванной стирающим одежду своих детей, но именно этим он и занимался время от времени.

Он их не баловал. Да, были поездки в FAO Schwarz, но только на праздники или дни рождения, или в качестве особого поощрения за хорошо написанную контрольную или выполнение домашней работы. Если у них были плохие оценки или они плохо себя вели, он быстро лишал их всех привилегий. Как-то раз мы собирались отвезти их всех в кино. Мы все проверили, арендовали кинотеатр на вечер. Но в то утро один из детей плохо написал контрольную или не выполнил какую-то работу по дому, поэтому мистер Джексон все отменил. Мы были внизу, приготовили машины, и тут выбежал Принс и сказал:

– Папа сказал, что мы не едем.

По телевизору вы постоянно видите детей звезд, и все они наглые, избалованные и высокомерные. Дети Майкла Джексона были полной противоположностью. Они никогда ничего не просили, но если просили, то всегда добавляли «пожалуйста» и «спасибо». Если

кто-то из них шалил, требовалось всего ничего, чтобы наставить их на путь истинный. Два-три слова или немного времени в углу – и они понимали, что нельзя так себя вести.

Билл:

Когда Принсу подарили собаку, он не знал, как за ней ухаживать, как приучать к туалету и убирать за ней. Поэтому первые несколько недель пес ходил в туалет в гараже. В том гараже, где работали мы.

Джавон:

Кругом стояла вонь. Всюду воняло дерьмом. И нам приходилось это нюхать во время работы. У нас были новые костюмы и все такое, и мы тоже воняли дерьмом. Да, у нас был трейлер, но мы должны были дежурить и в гараже. Там мы мыли и чистили машины. Нам совершенно не хотелось заезжать в гараж и ездить по собачьему дерьму.

Билл:

Мы надеялись, что Принс в итоге уберет все это. Но нет. Он выходил в гараж, переступал кучки, бежал к собаке, бросал ей что-то вкусненькое, затем поворачивался, перепрыгивал ту же кучу и убежал в дом. А дерьмо оставалось.

Джавон:

Пару раз мы в него вступали. Билл велел нам все убрать, мол, кто приходит на дежурство, должен убирать. Поэтому именно мы и убирали. Я все время жаловался и говорил: «Нам платят не за уборку дерьма».

Билл:

Бывало, все упиралось рогом. «Я не буду это убирать!» – «Ну, я тоже не буду возиться с этим дерьмом, сам убирай!» – «Нет, *ты* убери!»

Джавон:

Порой дерьмо просто лежало на полу. Но однажды в него вступил мистер Джексон, и вот тогда началось.

Билл:

Мы везли его на встречу. Что-то важное. Он был круто одет, в костюме, в дизайнерской обуви, и когда он шел через гараж к машине, тут-то у него под ногой и оказалось собачье дерьмо.

Джавон:

Ох Принсу и попало. Он прочел ему целую лекцию об ответственности. – Принс, ты хотел собаку. Это твоя собака, твоя ответственность. Ребята не должны за ней ухаживать.

После этого Принса как подменили. Куда бы ни побежал пес, в гараж или на улицу, Принс бежал следом с совочком и веником, чтобы прибраться за ним. Проблема была решена.

Билл:

Принс был типичным старшим братом. Он был очень сообразителен для своего возраста и всегда брал командование на себя. Мистер Джексон полагался на него, чтобы он помог присмотреть за остальными. Пэрис и Бланкет всегда обращались к Принсу.

Мы старались везде придерживаться графика. Чтобы сделать это, нужно было всегда выезжать строго в назначенное время. Но с Майклом Джексоном так не получалось. Мы

редко выезжали вовремя. Перед каждым походом в люди он подолгу занимался своей внешностью. Порой случалось так, что он уже подходил к машине, а потом вдруг говорил: «О, нет, погодите, мне надо вернуться». И снова уходил в дом, потому что какой-то волосок в прическе был не на месте – и это после того, как над ним два с половиной часа корпел стилист. Принс был единственным, кому хватало храбрости ухватить отца за рукав и сказать:

– Поехали уже!

Он ходил по дому, проверял, одеты ли его брат и сестра, и вел их к машине. Если мы куда-то и успевали вовремя, то только благодаря Принсу.

Джавон:

Все трое хорошо знали стиль жизни своего отца. Они словно родились уже подготовленными ко всему этому. В четыре утра – вереница машин, садишься, едешь куда-то, потом летишь, делаешь уроки в отеле. Сегодня Ирландия, завтра Лас Вегас. Для них это стало естественным.

На людях мистер Джексон никогда не называл их по именам. Он никогда не говорил «Пэрис, иди ко мне» или «Бланкет, стой здесь». Он не хотел, чтобы кто-нибудь узнал, кто они, и начал фотографировать. Поэтому у всех детей были кодовые имена. Бланкета звали «Куко» (Коосо). Пэрис – «Ош Кош» (Osh Kosh) (*у этого названия много значений, это и название сразу нескольких городков в разных штатах, и предводитель одного из индейских племен, и название компании, производящей детские товары. Видимо, просто слово понравилось, потому и выбрал. – прим. пер.*)

Кодовое имя Принса я не помню, потому что нам никогда не приходилось его применять. В этом не было нужды, он никогда не нарушал правила, он знал их лучше, чем остальные двое. Однажды мы были в FAO Schwarz, и Пэрис, забывшись, назвала Принса настоящим именем. Он мгновенно среагировал, подошел к ней и сказал:

– Не зови меня так! Ты же знаешь, что нельзя. Пользуйся кодовыми именами, сестренка.

Билл:

Как-то раз мистер Джексон ужинал с кем-то из бизнес-партнеров, было уже поздно, и он попросил меня отвезти детей домой. Я вез их, Пэрис и Принс сидели сзади. Там же лежало кое-какое оборудование, запасные рации и тому подобное.

По рациям мы тоже не пользовались нашими именами. Моим кодовым именем было «ББ» – Большой Билл. В ухе у меня был наушник, и я вызвал дом: «ББ вызывает базу. Говорит ББ». Чтоб они знали, что мы едем. Через пару минут я услышал: «База вызывает ББ. ББ, прием».

– ББ на месте.

– База вызывает ББ, прием, – пришло в ответ.

Это продолжалось какое-то время, и я начал раздражаться. Я буквально орал в микрофон: «ББ на месте!»

Затем я услышал хихиканье. Пэрис завладела одной из запасных раций, замаскировала голос и вызывала меня. Я не узнал ее голос. Мы все начали смеяться, и я сказал:

– Ладно, вы меня подловили.

Я очень живо помню подобные моменты. Можете себе представить, когда ваш мир состоит из кодовых имен и охранников, вам захочется немного повеселиться, как и всякому ребенку.

Принс понимал, кем был его отец. Может, он не знал всего, но он видел достаточно, чтобы понять, для чего нужна вся эта секретность. Бланкет, думается мне, был еще слишком мал. Пэрис понимала меньше. Она знала правила, но иногда в порыве восторга забывала о них.

Джавон:

Пэрис была папиной дочкой. Маленькая девочка, сплошь окруженная мужчинами. У нее был старший брат, который говорил ей, что делать. У нее был младший брат, который тоже говорил ей, что делать. И мистер Джексон тоже давал ей указания. Можно было решить, что с таким отношением она станет маленьким пацаненком, но она всегда была такая вся девочка-девочка. Всегда улыбалась, всегда в хорошем расположении духа. У нее были огромные зелено-голубые глаза, как будто освещавшие комнату, в которую она входила. Она обожала играть с куклами и примерять платья. У нас с Биллом тоже есть маленькие дочери, поэтому мы буквально расплывались в ее присутствии. Мальчишки обычно не преуспевали, если просили что-то, но Пэрис смотрела на тебя этими огромными глазами, и ты был готов отдать ей что угодно.

Помнится, как-то мы были в крытом парке развлечений. Принс и Бланкет хотели покататься на аттракционе Виссапеер (*гигантские качели в форме пиратского корабля. – прим. пер.*). Билл пошел с ними, а я остался с Пэрис. Она стояла возле автомата, в котором можно было выиграть какую-нибудь плюшевую зверушку. В этом автомате была игра «Рыбак» – большой аквариум с желтыми магнитами, среди которых лежало несколько красных, надо подцепить красный магнит и поднять его вверх, тогда получаешь приз. Она хотела выиграть игрушечного мишку для своего папочки. Попробовав 5-6 раз, она посмотрела на меня:

– Джавон, пожалуйста, ты не мог бы мне помочь достать мишку?

Я знал свои обязанности. Стоять рядом, следить и не отвлекаться. Но она так упрашивала меня, что я связался с Биллом и спросил, могу ли я ей помочь.

– Давай, – ответил он, – только приглядывай за ней.

Я сделал 3-4 захода и, наконец, добыл ей мишку. Она так меня благодарила! Ей просто очень хотелось получить этого медведя, чтобы подарить папе. Медведь был крошечный, но она просто *должна* была выиграть его.

– Спасибо, Джавон, спасибо!

А затем она подпрыгнула и кинулась меня обнимать. Мое сердце таяло. Прелестнейшая малышка.

Билл:

Когда мы ездили куда-то с детьми, то на обратном пути всегда звонили мистеру Джексону, чтобы он знал, что мы уже едем домой. В тот вечер мы ехали из парка аттракционов, и Пэрис была очень взволнована.

– Я хочу поговорить с папой! Я хочу поговорить с папой!

Она хотела рассказать ему, что привезет ему мишку, которого она добыла в автомате для него. Когда она сказала ему об этом, Бланкет вдруг разошелся. Он внезапно позавидовал сестре и теперь хотел вернуться и тоже выиграть мишку.

– Мы можем вернуться? Я тоже хочу привезти папе что-нибудь!

Бланкет был интересный парень. Когда мы садились по утрам в машину, Пэрис и Принс всегда первыми здоровались с нами. Бланкет был застенчив. Мистеру Джексону приходилось слегка подталкивать его:

– Ну же, поздоровайся с ребятами, Бланкет. Разве ты не скажешь им «доброе утро»?

Он много не болтал, но шалун тот еще. Мы называли его «маленький бунтарь». Боевой мальчишка. Мистер Джексон всегда предупреждал нас:

– Билл, следи за Бланкетом. Он любит убежать.

И он убегал. Если мы были среди людей, Принс и Пэрис следовали протоколу, держались за руки и никуда не отходили. Бланкет постоянно выскальзывал из поля зрения, удирал и делал что хотел.

Джавон:

Всякий раз, как мы закрывали книжный магазин, чтобы сделать покупки, мистер Джексон хотел, чтобы мы все вместе прошли по всем отделам, и чтоб никто не потерялся. Они шли в отдел истории, потом в отдел научной фантастики и так далее. А что же Бланкет? Он сразу несся в отдел детских книг. Приходилось вылавливать его по всему магазину, а уж если ты его поймал и ведешь обратно к семье, он начинал возмущаться.

Билл:

Однажды мы ехали мимо казино, при котором располагался большой парк развлечений и аттракционы. Бланкет посмотрел и сказал:

– А у моего папы горки лучше, чем эта!

Таков Бланкет. В другой раз он сел в машину, прямо у меня за спиной, там, где обычно сидел мистер Джексон. Я сказал ему:

– Бланкет, тебе придется подвинуться. Там сидит твой папа.

– Я знаю! – ответил он.

Он сел туда не случайно. Он специально это сделал. Он был маленьким, но не считал себя таковым. «Я сяду там, где сидит папа!» Вроде как это место когда-нибудь станет принадлежать ему.

Чаще всего на выездах мы держали перегородку между сиденьями закрытой. В охране ты должен как можно меньше вмешиваться в личное пространство клиента. Говори только тогда, когда к тебе обращаются. Но дети все чаще стали с нами взаимодействовать. Мистер Джексон тоже. Они хорошо нас узнали, и теперь мы ездили с открытой перегородкой. Как-то раз во время поездки Бланкет начал что-то говорить, и мистер Джексон быстро велел ему замолчать. Дети хихикали, и мистер Джексон повторял им:

– Шшш! Тихо! Нет, я так не говорил!

– Дааа, папа, ты сказал! – отвечал Бланкет. – Ты сказал, что Билл похож на...

– Шшш!

Во мне разыграло любопытство.

– На кого же похож Билл? – переспросил я, глядя в зеркало заднего вида. Бланкет и мистер Джексон уставились друг на друга с таким видом – «ну, кто ему скажет?» Бланкет посмотрел на меня и сказал:

– Билл, а папа говорит, что ты похож на Существо!

– Существо? Какое еще существо?

– Ну, этот парень из «Фантастической четверки», – пояснил Бланкет. – Папа сказал, что ты похож на Существо из «Фантастической четверки».

Я удивился. Ну ладно. Братец шутит. А Бланкет добавил:

– А Джавон похож на Фреона из «Суперсемейки»!

Мы все посмеялись над этим. Так, значит, я теперь Существо. Ну круто. Постепенно мы начали налаживать с ними отношения, вникали в их юмор. И понимали их лучше.

Джавон:

Мистер Джексон всегда интересовался, как у нас дела, все ли у нас в порядке. Он постоянно спрашивал:

– Ребята, вы занимаетесь спортом? Питаетесь правильно? Не ешьте фаст-фуд, это вредно.

По большей части он и дети ели здоровую пищу. Иногда он разрешал им пойти в Макдональдс или съесть жареные куриные крылышки, мороженое, пиццу, но только в качестве разового угощения.

В их маленьком закрытом мире простая поездка в фаст-фуд-ресторан и заказ через окошко для водителей становились настоящим приключением. Мы подъезжали к переговорному устройству, и все трое лезли друг через друга к окну, чтобы первыми сделать заказ. «Ты заказывал в прошлый раз!» – «Нет, ты! Теперь моя очередь!» Чтобы навести порядок, мистер Джексон разрешал каждому из них самостоятельно заказать себе что-нибудь.

Как-то раз после того, как Принс, Пэрис и их отец уже сделали заказы, пришел черед Бланкета. Ему пришлось встать на сиденье с ногами, чтобы дотянуться до переговорного устройства. Он потянулся туда и сказал:

– Мне, пожалуйста, два пончика Krispy Kreme с присыпкой!

Мы в тот вечер были в Макдональдсе.

Билл:

Бланкет обожал эти пончики. Мы всегда искали возможности вывезти детей в город и показать им что-то новое, поэтому я договорился с менеджером местного кафе Krispy Kreme, чтобы мистер Джексон и Бланкет могли приехать и посмотреть, как делают пончики. В половине третьего утра мы поехали туда и стали наблюдать. Работники все им показали. Они пробыли там пару часов, везде ходили, расспрашивали, как работает кухонная техника. Мы забрали с собой пять коробок с пончиками.

Они искали поводы для радости везде, где только можно. Бывало, мы куда-нибудь ехали, и мистер Джексон говорил:

– Билл, дети проголодались. Мы можем поехать в Макдональдс?

Мы ехали в Макдональдс, покупали еду, парковались на стоянке, и мы с Джавоном выходили на улицу, оставляя их в машине, чтобы они поели. Он не приказывал нам выходить из машины, мы делали это сами, чтобы он мог побыть наедине с детьми. Мы уже знали, как мало уединения ему достается, поэтому всячески старались помочь ему наверстать упущенное.

Самой большой привилегией для детей были дни рождения. Мистер Джексон отмечал их с размахом. Он приносил нам огромный список необходимого.

– Ребята, найдите клоуна. И фокусника. Автомат для попкорна. Автомат для сладкой ваты. Надувной батут.

И везде обязательно указывал детали.

– Убедитесь, что клоун умеет делать зверюшек из шариков.

Однажды вышло так, что единственный клоун, умевший работать с шариками, был занят с другими клиентами. Мистер Джексон сказал:

– Сделайте что угодно, но доставьте его сюда.

В итоге мы заплатили ему тройную цену. Он брал 75 долларов в час, мы предложили 250.

Мы организовывали доставку всего этого добра – все эти батуты, украшения, огромные торты. Мы нанимали клоунов и фокусников, всех проверяли, всех заставляли подписывать договоры о неразглашении. Папарацци всегда знали, что у нас на подходе день рождения. Над домом висели вертолеты в надежде сделать хоть одно фото мистера Джексона или именинника, так что нам приходилось выкручиваться.

Джавон:

Когда у кого-то был день рождения, процедура была одна и та же. Мы договаривались о закрытии FAO Schwarz, чтобы они могли купить подарки без помех. Затем мы везли их на праздничный обед. В основном, в китайские рестораны. Одним из их любимых ресторанов был Wing Lei в отеле Wynn. Там был закрытый зал, который всегда резервировали для мистера Джексона, когда бы он ни приехал. После обеда он арендовал кинотеатр, чтобы дети могли посмотреть фильм. Пока они были в кино, в доме тем временем велась подготовка. Они приезжали обратно, а тут – сюрприз! И фокусник, и клоун с шариками, и сладкая вата. Дом был украшен как на праздник.

Билл:

И больше никого не было. Ни гостей, ни других детей. Только клоуны, мистер Джексон и мы с Джавоном. Иногда еще учительница или няня. У детей не было друзей.

Джавон:

Единственный, кто был на всех праздниках – сын Марлона Брандо, Мико. Они с мистером Джексонем давно дружили. Пару раз Мико приводил с собой своих детей, но обычно были только мы.

Билл:

Было очень тяжело наблюдать и принимать это: никого вокруг, никто не позвонит в дверь и не принесет подарки. Знаменитые дяди и тети не позвонят, чтобы поздравить с днем рождения. Без разницы, был ли это день рождения детей, его самого, День благодарения или День независимости – вокруг никого. Только мы. В конце концов, мы привыкли.

Однажды мы ехали мимо школы. Мистер Джексон с детьми был на заднем сиденье. Мы остановились на светофоре. В школе была перемена, и дети играли во дворе. Мы сидели в машине, и тут мистер Джексон шепнул мне:

– Билл, *посмотри*.

Я обернулся. Пэрис и двое мальчишек буквально прилипли носами к стеклу. Они смотрели на детей с широко открытыми глазами, и на лицах у них было написано: «Что же за жизнь там снаружи?» Просто группа детишек на перемене, самая естественная картина в мире, но для них это была словно другая вселенная, в которую им не было хода.

Джавон:

Такое случалось несколько раз. Дошло до того, что если я ехал мимо школы, где играли дети, я чувствовал себя отвратительно. Я специально объезжал квартал так, чтобы Пэрис и мальчишки не видели этих детей.

Иногда мне становилось грустно из-за того, насколько они были изолированы, но они всегда были очень счастливы, когда были вместе. Если мистеру Джексону нужно было ехать на деловую встречу и оставить детей дома, они всегда провожали его всей толпой. Они шли за ним до машины и повторяли: «Я люблю тебя, папочка». Он отвечал: «Я люблю вас больше». Такой у них был ритуал всякий раз, как он уезжал из дома. А когда он возвращался – неважно, отсутствовал ли он два часа или двадцать минут, они летели ему навстречу с визгами:

– Папочка! Папочка!

Билл:

Эта четверка была похожа на маленький отряд. Это все, что у них было. Из его спальни был выход на крышу, спиральная лестница, ведущая на закрытую смотровую площадку, откуда было видно весь город и пустыню вокруг. Когда мы поднимались туда, то находили там обертки от конфет, банки из-под содовой и стаканчики, так что можно было понять, что они там были. Им очень нравилось такое семейное времяпрепровождение – подняться на крышу и наблюдать закат, или смотреть на ночные огни. Пэрис рассказала об этом в одном из интервью после его смерти. Ее спросили, помнит ли она что-нибудь особенно дорогое для нее, и она ответила: «Подниматься на крышу дома в Вегасе».

Как-то в пятничный вечер я дежурил в трейлере, наблюдая за территорией через камеры. Внезапно я услышал громкий стук в гараже и чей-то голос, кричавший: «Откройте! Откройте!» Я решил, что кто-то пытается залезть в дом, метнулся в гараж, завернул за угол и увидел мистера Джексона во фланелевой пижаме в белую и синюю полоску. На голове у него была голубая шапочка для душа. Он колотил в дверь ногой.

– Сэр, у вас все в порядке? – спросил я.

Он широко улыбнулся:

– Да полный порядок. Мы играем в прятки, а они заперли меня здесь.

– Хорошо, сэр.

Вот так они проводили время.

Джавон:

В Вегасе есть парк развлечений Las Vegas Mini Gran Prix с гоночными автомобилями, игровыми автоматами и прочим подобным. Моя двоюродная сестра работала там ассистентом менеджера. Парк располагался неподалеку от дома, мы все время проезжали мимо него, и мистер Джексон восклицал:

– Эх, как бы мне хотелось пойти туда с детьми! Им бы понравилось.

Когда он это говорил, я запоминал. И однажды позвонил сестре и спросил, можем ли мы приехать туда после закрытия, чтобы мистер Джексон мог поиграть там со своими детьми. Она связалась с менеджером, он перезвонил, и мы договорились о поездке.

Билл:

Мы сказали мистеру Джексону:

– Сэр, мы договорились с парком, чтобы вы могли пойти туда с детьми.

Стоило нам это произнести, он просиял. Как ребенок в рождественское утро.
– Правда?! О, Боже! Класс, класс, класс!

Парк закрывался в полночь. Мы приехали в половине первого. Я вышел из машины, пошел внутрь, прошелся по парку, чтобы удостовериться, что все ушли, уведомил сотрудников, что сейчас сюда придут люди. Затем я вернулся к машине и завез семью внутрь.

Едва мы вышли из машины, мистер Джексон и малыши начали бегать вокруг как четверо обезумевших от восторга детей. Сначала они сходили в игровую комнату и обошли все автоматы, играя друг против друга. Они даже выиграли какие-то призы, Принс что-то выиграл, а Пэрис расстроилась, потому что у нее ничего не получилось, и заплакала. Я отправился к автомату и попытался выиграть для нее что-нибудь, но у меня не вышло. Наконец, пришел менеджер, открыл автомат и достал ей какую-то игрушку. Она была так довольна, что не расставалась с этой игрушкой весь вечер.

Джавон:

Они катались на гоночных машинках. Поначалу на треке были только мистер Джексон, Пэрис и Принс, а мы с Бланкетом стояли и наблюдали, потому что Бланкет был еще слишком мал для этих машинок. Он расстроился, ему тоже хотелось покататься и обогнать брата и сестру. Поскольку больше никого не было, персонал разрешил ему забраться в одну из машинок и понажимать педали. Он проехал несколько метров и врезался в ограждение, но эти несколько метров привели его в восторг.

Билл:

Там была огромная горка, метров тридцать в высоту. Съезжать с нее надо было в полотняных мешках. Это был последний аттракцион, на котором они прокатились, прежде чем поехать домой. Бланкет был слишком мелкий, поэтому мистер Джексон усадил его к себе на колени, и они скатились оттуда вдвоем, а Принс и Пэрис проехали самостоятельно. Они неслись оттуда наперегонки, кто первый достигнет земли.

Они определенно прекрасно развлеклись. Нам было приятно это видеть. Было немного непривычно видеть их такими счастливыми, ведь им так редко выпадала подобная свобода. До этого у мистера Джексона был лишь бизнес. Адвокаты, менеджеры, встречи. Мы возили детей в парки развлечений несколько раз, но без него. Когда у него появилась возможность порадоваться вместе с детьми, мы увидели, что для него это редкость. И это выражение его лица, когда он мог делать что угодно в этом парке со своими детьми... Он был очень счастлив. Это было бесценно.

Джавон:

Едва мы сели в машину, дети тут же заснули. Вырубались. Мы отвезли их домой, разнесли по комнатам и уложили в постель.

Мы с Биллом отправились вниз, пока мистер Джексон подтыкал им одеяла. Едва мы спустились по лестнице, он вышел из комнаты и шепотом позвал нас:

– Парни, я хочу поблагодарить вас за то, что вы устроили все это для моих детей. Они вам очень признательны. И, Джавон, пожалуйста, передай мои благодарности своей сестре за то, что она закрыла для нас парк бесплатно. Для меня редко делают такие вещи, не требуя ничего взамен. Пожалуйста, напомни мне завтра, я отправлю ей фото с автографом. Спасибо. Спасибо вам, и да благословит вас Бог.

Майкл Джексон впервые выступил в Лас Вегасе в 1974 году: все братья и сестры Джексон участвовали в музыкальном варьете-шоу в отеле MGM Grand. Джо Джексон лично устроил это выступление, поскольку компания Motown была против: Берри Горди считал, что это плохо скажется на имидже группы. Однако Майкл хотел выступать в Вегасе. Он обожал Сэмми Дэвиса-младшего, прорвавшегося на сцену в шестидесятых и разбавившего огромное количество белых артистов. Майкл считал, что следует продолжать эту традицию, и (как и во всем, что делал) бросил все силы на то, чтобы устроить в Вегасе самое лучшее представление.

Хоть в то время ему было всего шестнадцать, рабочая этика Майкла Джексона (и его неустанный труд) уже стала легендой. В последующие десятилетия, когда его жизнь превратилась в личную борьбу, он больше славился тем, что отменял концерты, а не давал их. В декабре 1995 года Джексон намеревался снять специальный концерт для телеканала НВО в Нью-Йорке. За три дня до выступления он потерял сознание прямо на сцене во время репетиций и был доставлен в больницу. Концерт отменили. В 1999 году он заключил договор на два концерта в Австралии и на Гавайях в честь наступления нового тысячелетия. В итоге отменил оба за пару месяцев до события. Промоутер подал на него в суд, и Джексон вынужден был выплатить 5,3 млн. долларов, чтобы покрыть убытки.

Через два года, в сентябре 2001 года Джексон дал концерты, посвященные 30-летию его сольной карьеры, в Мэдисон Сквер Гарден, но альбом, который эти концерты рекламировали (Invincible), сам по себе превратился в рекламное фиаско. Джексон провел в студии шесть лет с перерывами, чтобы записать эту пластинку, постоянно оттягивая выпуск и накапливая гигантские счета за звукозапись. Invincible дебютировал в хит-парадах под №1 в США, Соединенном Королевстве, Японии и многих других странах, но уровень продаж быстро упал, и Sony свернула рекламную кампанию альбома, что привело к лютой вражде между Джексонном и Томми Моттолой, директором лейбла.

После суда в 2005 году Джексон заключил партнерство с шейхом Абдуллой, приютившим его в Бахрейне. Они подписали амбициозный контракт, обещавший целый ряд проектов, включая новые студийные альбомы и постановку мюзикла. Помимо предоставления роскошного дворца в качестве жилища и студии, оборудованной по последнему слову техники, Абдулла оплатил множество счетов певца за юридические услуги и выдал ему миллионы долларов авансом на покрытие текущих расходов. В апреле 2006 года Раймона Бэйн выпустила пресс-релиз, объявив об основании совместного предприятия Джексона и Абдуллы, Two Seas Records, и о выходе первого альбома Джексона под новым лейблом в следующем году. Через три месяца после этого Джексон изменил своему слову, отказался от сделки и уехал в Ирландию.

На самом деле Майкл Джексон всегда работал, даже когда казалось, что он бездействует. В Ирландии он несколько месяцев провел в студии с солистом Black Eyed Peas, will.i.am. Вернувшись в Штаты, он часто сотрудничал с продюсерами и музыкантами, такими как Канье Уэст, Бэбифейс, Не-Йо и RedOne. Они записали десятки новых песен. Джексон любил работать. Он не просто выполнял профессиональные обязательства. Теперь он практически ушел в затвор. Как и один из его кумиров, Говард Хьюз, Джексон вел похожий образ жизни, запершись от всех в Лас Вегасе за высокими стенами и прячась за спинами телохранителей.

Да и кто бы его винил? Много лет, начиная со скандала с Чандлерами и даже раньше, его беспрестанно преследовали таблоиды. Каждое его действие и занятие превращалось в

очередную главу безумной жизни Wasco Jasco. В лучшем случае его называли чудаком и чудовищем. В худшем – уголовником и педофилом. И если миллионов долларов, потраченных на очистку его имени в суде, недостаточно, чтобы изменить мнение людей о нем, то зачем вообще взаимодействовать с публикой? Джексон отступил. Он с головой погрузился в семейную жизнь и свои творческие проекты, приносившие ему счастье. Но чем больше он удалялся от публики, тем больше возрастали его долги и юридические трудности. Дабы разобраться с ними, ему нужно было возвращаться на сцену. Он же хотел держаться от людей как можно дальше, чтобы сохранить душевное спокойствие и уединение.

Получить и то, и другое ему не удавалось.

Джавон:

За два дня до поездки в Токио Фельдман сказал нам, что мы должны оборудовать для мистера Джексона танцевальный зал в одной из комнат, пока их не будет дома. Мы стали искать необходимое оснащение – покрытие для пола, звукоизоляционные материалы для стен и тому подобное. Мы купили специальный раскладной пол для танцев. А потом вдвоем с Биллом построили ему студию.

Билл:

До этого момента ничего особо связанного с музыкой в доме не происходило. Поговаривали о каком-то грядущем выступлении мистера Джексона в одном из казино. Джек Вишна, местный промоутер, вел переговоры, именно он изначально уговорил мистера Джексона приехать сюда. Мы также возили мистера Джексона на встречи со Стивом Винном, владельцем отеля и казино Wynn. Они даже обсуждали возможность постройки специального зала для мистера Джексона, как было сделано для Селин Дион в Caesars Palace. Мы возили его на множество встреч. И все эти встречи в итоге ни к чему не привели. Порой по дороге домой мы слышали, как мистер Джексон говорит кому-то по телефону:

– Они хотят, чтобы я устроил им все эти шоу, но они не понимают, что я уже не так молод. Я не могу выполнить то, чего они требуют от меня.

Джавон:

Эти продюсеры требовали, чтобы он выступал пять вечеров в неделю. Таковы стандарты для крупных шоу в Вегасе. А он хотел работать три вечера в неделю. Это одна из главных причин, почему он не соглашался. Он говорил:

– Все хотят, чтобы я выступил, но они не понимают, что люди, пришедшие на концерт Майкла Джексона, ждут от меня *выступления* в полную силу, на протяжении всего шоу. Я не могу работать как Osmonds. Я не могу просто сидеть на табуретке и петь с ними «Кумбайя» (*старый спиричуэл, который стал традиционной песней в скаутских походах, популярная «костровая» песня.* – прим. пер.). Люди хотят, чтобы я танцевал от начала и до конца.

Он поведал нам, что вел жизнь спортсмена, когда был в расцвете сил. Ему нужно было потреблять тысячи калорий в день, чтобы провести одно выступление, а после каждого концерта он терял до двух кило веса.

– Это слишком большая нагрузка для моего тела, – говорил он. – Мое тело уже не годится для таких вещей.

В доме был небольшой спортзал с беговой дорожкой. Мы занимались там вместе с ним несколько раз. Иногда он приходил туда и какое-то время выполнял все упражнения вместе с нами, с такой же нагрузкой. А были дни, когда он вставал на беговую дорожку и

не мог выдержать больше 15 минут. Моментально выдыхался. Но он хотел, чтобы его выступления были такими же энергичными, как и 20-30 лет назад. И если ему придется выступать, скажем, в понедельник, то и во вторник ему нужно будет выдать такое же мощное шоу.

– Если люди платят, чтобы посмотреть на меня, мне придется показать им настоящий перформанс.

Билл:

Приближалась 25-я годовщина альбома Thriller. Это было еще одной причиной его возвращения в страну. Вокруг все говорили о ремиксах песен, съемках видео с новыми спецэффектами. Я слышал много подобных разговоров, и слышал также, что мистер Джексон был против всего этого. Он говорил:

– Есть вещи, которые нельзя трогать. Никогда.

Однако, думаю, у Sony было в этом больше власти, чем у него. Они втянули его в это. У него все еще оставалось множество контрактных обязательств перед ними.

Он ненавидел Sony. Это стало еще одной серьезной проблемой. Ему не нравились многие люди, с которыми он должен был вести бизнес. Артисты всегда конфликтуют со своими менеджерами и лейблами, но его ненависть к Sony была на совершенно другом уровне. Он ненавидел Томми Моттолу, директора компании. Ненавидел лютой ненавистью. Называл его дьяволом.

Однажды мистер Джексон попросил нас купить ему наушники, чтобы он мог слушать музыку, пока занимался на беговой дорожке. Один из ребят поехал в город и привез ему пару. Меньше чем через неделю я зашел в дом и увидел, что наушники сломаны пополам. Их не роняли. Они были сломаны специально. Я подобрал их и увидел, что это были наушники Sony. Сам бы я не стал покупать ему что-либо с логотипом Sony, но тот, кто покупал их, видимо, не знал о его неприязни.

В плане карьеры ничего не продвигалось. Обсуждалось множество сделок, могли происходить какие-то события, потом все замирало, снова оживало и снова замирало. Были встречи с Саймоном Фуллером, продюсером шоу American Idol. Мистер Джексон должен был выступить на одном из шоу. Мы стали заниматься подготовкой, организовывать поездку, отель. Поначалу он планировал появиться на съемках шоу в Нью-Йорке. Затем – в Лос Анджелесе. А потом все завяло.

В мире Майкла Джексона редко кто-либо говорил наверняка, что что-то отменяется. Ты просто переставал слышать новости. Если он над чем-то работал, над каким-то выступлением или чем-то подобным, тебе постоянно звонили люди. «В котором часу он приедет? Что ему нужно? Чего он хочет? Ему нужно то-то и то-то?» Затем звонки просто прекращались. Это означало, что один из его юристов уже объявил об отмене сделки.

Джавон:

В целом казалось, будто он уже не был заинтересован в работе и бизнесе как таковом, но обожал творить и писать музыку. Был такой парень, Брэд Баксер, продюсер и звукоинженер. Он работал с мистером Джексонем над альбомами Dangerous и HIStory. Едва мы построили в доме студию, Брэд стал навещать нас в Вегас и по несколько дней жил в отеле по соседству. Он приезжал в дом, привозил музыкальные инструменты, и они джемовали вместе. Едва появился Брэд, музыка в доме стала звучать гораздо чаще, и мистер Джексон выглядел обновленным. В нем снова появилась энергия. Они работали над треками, которые мы никогда не слышали.

Билл:

Были встречи с различными музыкантами и продюсерами. Некоторые из них работали над ремиксами для Thriller-25. Will.i.am из Black Eyed Peas работал над несколькими композициями. Были встречи с Бэбифейсом и Эйконом. Эйкон тоже работал над одним из треков для Thriller-25, а еще они записывали песню Hold My Hand. Мы слышали, как мистер Джексон репетирует ранние версии этой песни дома. Большинство этих встреч проходили в отеле Palms, это отельный комплекс и казино с очень крутой современной студией. Многие артисты приезжают в Вегас, чтобы записаться там.

Со всеми этими ребятами, кроме Брэда, мистер Джексон проводил не слишком много времени. Они встречались на пару часов, работали, а потом расходились, чтобы поработать над этими идеями и концепциями в одиночку. Они звонили ему и проигрывали ему треки по телефону. Иногда песни присылали мне по электронной почте, я записывал их на диск и относил мистеру Джексону. Он слушал их в машине. Организация хромала всюю.

Были и разговоры о том, чтобы собрать все эти треки в грандиозный альбом, но, как и большинство его проектов, этого так и не случилось. По большей части, он просто писал музыку, потому что ему нравилось это делать. В дом также регулярно приходили хореографы. Они часами занимались с ним в студии, даже несмотря на то, что никаких шоу в будущем не наблюдалось. Просто для удовольствия. Потому что он обожал этим заниматься.

Джавон:

В доме бывали не только музыканты и продюсеры. Многие люди хотели увидеть его, поскольку его очень долго не было в стране. Эндрю Янг, бывший мэр Атланты, как-то приехал в гости. Джесси Джексон. Регулярно приходил Эдди Гриффин, комик. Заглядывал и Крис Такер. Мы возили его и мистера Джексона с детьми в кино, на «Мост в Терабитию». Мистер Джексон часто общался по телефону с Нельсоном Манделой.

Билл:

Доктор Мюррей навещался раз пять-шесть неделю, чтобы проверить, как дела у детей. Он никогда не оставался надолго, не больше чем 30-40 минут. Честно говоря, я практически не обращал на него внимания. В этом не было ничего необычного. Просто один из тех, кто приходил и уходил.

В жизни Майкла Джексона появлялось множество людей, но никто не задерживался надолго. Он по-дружески относился к тем, кто приходил к нему в гости, однако это были по большей части деловые встречи, как с Эндрю Янгом или Джесси Джексон (они обсуждали какую-то благотворительную программу в Африке). В его жизни не было ни одного человека, который установил бы с ним личные отношения, никого, кто просто заглянул бы к нему и сказал: «Эй, давай потусуемся». Я никогда не видел человека, которому никто не звонит просто чтобы поговорить. Вроде: «О, чувак, я только что посмотрел классный фильм, хочешь, расскажу?» Ничего подобного не происходило. Чистый бизнес.

Джавон:

Его основным контактом с внешним миром были его поклонники. Он получал горы писем. Люди мисс Раймоны собирали их, паковали в мешки, и каждые несколько дней эти мешки приезжали к нам. Письма приходили отовсюду – Канада, Англия, Египет, Япония, Индия, Ирландия, Испания. Он читал все.

По утрам в субботу мы вывозили его на прогулку, и он погружался в эти письма с головой. Я вел машину. Билл сидел со мной впереди. Мы загружали в машину несколько коробок с письмами, ехали в пустыню и катались там 3-4 часа. Мы ездили в горы, где еще лежал снег. Мы доезжали до дамбы Гувера и дальше, в штат Аризона, а затем поворачивали и ехали обратно домой.

Мистер Джексон сидел на заднем сиденье. Играла классическая музыка, перегородка закрыта. Мы слышали, как он вскрывает конверты. Иногда он говорил нам:

– Эй, ребята, послушайте-ка вот это. Это так мило.

И читал нам какое-нибудь письмо. Люди писали ему о своих детях, о том, что они умирают от каких-то болезней, о том, как много его музыка значит для них. Иногда он бывал очень взволнован после прочтения. Порой у него перехватывало горло от эмоций.

– Ребята, вам, наверное, этого не понять, но именно в этом я черпаю вдохновение для своих песен.

Пока мы ехали домой, он раскладывал письма на две кучки. Одну оставлял себе, другую отдавал нам:

– Это можете выбросить.

Билл:

Люди посылали ему подарки. Мягкие игрушки, шарики, цветы, фотографии, какие-то личные вещи. Множество этих вещей были сделаны вручную. Коллаж из фотографий или открытка с посланием. Он хранил почти все подарки ручной работы. Ему такое нравилось. Иногда он получал какую-то посылку, которая казалась ему подозрительной, и он отдавал ее нам, чтобы мы проверили. В посылках никогда не попадалось ничего опасного, никаких бомб или чего-то такого. Но множество подозрительных посылок оказывались в бассейне, и потом мы доставали из них всего лишь мишек и музыкальные шкатулки.

Вещей было столько, что одну из спален в доме превратили в «почтовую комнату». Стены в ней были облеплены открытками и письмами, а на полу – горы коробок. И все это собралось буквально за пару месяцев.

Джавон:

Кроме этих писем и отдельных визитов его матери и парочки других людей, он и дети были одни в своем маленьком закрытом мирке. Снаружи казалось, что Майкл Джексон ведет какой-то разгульный, гламурный образ жизни. Но даже если мы ходили в какие-то навороченные рестораны и пятизвездочные отели, мы никогда не видели парадный вход, где все было красиво и чисто. Нашим уделом были подземные парковки, боковые двери и черные ходы. Нам никогда не доводилось ездить в красивых стеклянных лифтах для гостей. Мы ездили в служебных лифтах, среди мешков с мусором, лежащих по углам. Вот такая жизнь была у Майкла Джексона.

Билл:

Порой мы ощущали себя крысами, застрявшими в лабиринте этих тускло освещенных коридоров. Запахи служебных помещений были ужасающими. Я надевал свежeweыглаженный костюм, начищенные туфли, а затем нам приходилось ходить по грязи и пищевым отбросам. И я думал: «Господи, ну и вонь!»

Назовите мне хоть одну знаменитость, которой приходилось постоянно заходить в отели через заднюю дверь. Не время от времени, а постоянно. Помню только один случай, когда нам не пришлось пробираться через черный ход. Мистер Джексон ехал на встречу в отель Bellagio, и мы случайно пересеклись со Стивом Винном. Он пригласил нас прогуляться с ним по казино, и мы пошли. Несколько человек пилились, но особой толпы не было. Мы зашли через парадные двери, мистер Джексон огляделся и сказал:

– Знаете, а я не помню, когда я в последний раз видел вестибюль отеля. Я и забыл, как здесь красиво. Действительно здорово.

Чаще всего он вел себя как совершенно обычный парень. Но время от времени приходили напоминания о том, насколько изолированной была его жизнь. И напоминания эти всегда были в такой вот странной форме. Буквально несколько сказанных им слов – и ты понимал все. Однажды, когда мы жили в отеле, семье пришлось тайно протаскивать собаку Принса в номер. Они не могли гулять с собакой, потому что в этом отеле не разрешалось держать животных. Да и собака не была приучена проситься в туалет. Можете себе представить, какие ароматы стояли в номере через пару дней. Мистер Джексон обратился ко мне:

– Билл, я хочу, чтобы ты поехал в магазин и привез пахучки.

– Пахучки? Что такое пахучки?

– Ну, такие штуки, чтоб комната хорошо пахла.

– Вы имеете в виду освежители воздуха?

– Да, да. Что-нибудь такое.

Иногда он применял слова, которых я не знал. Как-то он сказал:

– Билл, надо съездить в аэропорт и забрать гувернантку.

– В смысле, губернатора? Что за губернатор?

Он рассмеялся:

– Нет, Билл. *Гувернантка*. Ну, женщина, которая присматривает за детьми.

– Вы хотите сказать, *няня*?

– Ага.

Ну так бы и говорил. Он выдавал подобные слова, а я ему все время в ответ: «Мистер Джексон, я не понимаю, что вы хотите сказать».

Он качал головой:

– Парни, вам надо больше читать.

Джавон:

Все эти часы в одиночестве он проводил за книгой. Он читал все подряд. История. Наука. Искусство. Мы часто ездили в книжный магазин Barnes&Noble. Это стало еженедельной рутинной. Он шел в книжный магазин и оставлял там по пять тысяч долларов, с такой легкостью, словно покупал жвачку. Однажды он скупил весь магазин. Реально весь. И заплатил наличкой.

Билл:

Это произошло после его прилета из Токио, во время его остановки в Лос Анджелесе. Он отправился в какой-то магазин подержанных книг, в котором продавали множество редких книг из личных библиотек известных людей, голливудских звезд. Были книги, подписанные Хэмфри Богартом, Ингрид Бергман. Он спросил владельца магазина, сколько стоят абсолютно все книги в магазине. Владелец решил, что он шутит. Тогда мистер Джексон предложил 100 тысяч. И добавил, что заплатит наличкой, сразу. Через

пару недель после его приезда из Лос Анджелеса к дому подкатил фургон, забитый книгами из этого магазина.

Джавон:

Когда приехал грузовик, мы с Биллом переглянулись: «Ну и что нам со всем этим делать?»

Мистер Джексон выделил одну из комнат на втором этаже и сказал, что хочет превратить ее в библиотеку.

– Ребята, вам бы надо построить там полки.

Мы отправились в город, купили книжные стеллажи и установили в той комнате. А затем перетаскали все книги наверх лифтом, ящик за ящиком. Поначалу мы пытались как-то их сортировать, хотя бы отделить художественные романы от всего остального, но книг было столько, что мы просто начали ставить их на полки без всякой системы. Но он был доволен. Он шел туда и бродил среди полок часами, ища, что бы еще интересного почитать.

Билл:

На публике он никогда не носил очки для чтения. Когда мы ходили в книжный магазин, он сначала шел к полке, на которой хранятся очки для клиентов, брал сразу несколько пар и примерял, пока не находил те, которые ему подходили. Вот так я и узнал, что у него ухудшилось зрение. Когда он читал дома, то пользовался большим увеличительным стеклом со встроенной подсветкой, какие бывают во врачебных кабинетах. Эта штука увеличивала все что угодно в сотни раз.

В Вегасе есть газетный киоск, в котором можно купить газеты практически из любой страны мира. Мистер Джексон требовал их каждую неделю.

– Ребята, принесите мне все иностранные газеты, какие там есть.

– Даже на других языках?

– Да.

Мы ехали туда и покупали все иностранные выпуски. Я без понятия, читал ли он все, что мы приносили, и какие именно иностранные языки он понимал.

Каждый день он читал журнал Wall Street. Это было единственное американское издание, которое он брал в руки, поскольку именно там он мог прочесть все новости и при этом не наткнуться на сумасшедшие истории про самого себя. Именно поэтому он не смотрел телевизор, только DVD. На шоу Джея Лено про него каждый вечер рассказывали всякие анекдоты. Он не хотел рисковать, включая телевизор. Не хотел видеть все это и тем более не хотел показывать это своим детям.

Это порой было трудновыполнимо, поскольку мы постоянно катались по книжным магазинам и ходили мимо газетных киосков. Нам звонила Раймона и говорила: « В таком-то журнале есть статья. Смотрите, чтоб она не попалась ему на глаза». Мы заходили в магазин раньше него, находили нужный журнал, брали всю пачку и переворачивали обложками к стене или просто убирали их с полки.

Иногда журналы печатали хорошие статьи о нем. Раймона присылала мне журнал курьерской почтой с запиской, в которой просила, чтоб я показал журнал мистеру Джексону. Я относил ему журнал, он сначала тянулся за ним, а затем отдергивал руку:

– Мне точно можно это прочесть?

- Да, сэр.
- Там не пишут плохое?
- Нет, сэр.
- Ну ладно.

По той же причине он не лазил в Интернет. Если ему нужна была какая-то информация из Интернета, он обычно просил меня, и я находил ее для него. Однако он делал покупки на eBay, несколько раз. И полностью опустошил мою кредитку.

Вокруг него происходила масса всего. У него был ментальный стресс. Тревога. С одной стороны, нам требовалось быть чрезмерно бдительными и следить за всем в его мире. Прятать журналы, прятать детей от камер. В то же время, нашей работой было сделать его жизнь как можно более нормальной, а это означало, что нам надо отходить в сторону, чтобы дать ему больше личного пространства. Он не хотел, чтобы мы толпились вокруг него, от этого он чувствовал себя пленником. У нас были ключи от дома, но мы всегда предупреждали его, если нам требовалось зайти внутрь. Да нам и не нужно было торчать возле него в жилых помещениях. Эти комнаты были для него и его детей, поэтому мы старались туда не вторгаться.

Джавон:

Пару раз он приглашал нас посмотреть кино с ним и детьми. И каждый раз мы отказывались. Билл говорил ему:

- Сэр, мы не сможем защитить вас с детьми, если будем смотреть кино.

Думаю, мистер Джексон оценил это.

Люди в его охране все время менялись отчасти потому, что заводили с ним более личные отношения. «Мистер Джексон, а можно мои дети приедут в гости и познакомятся с вами?» Мы такого не делали. У него были телохранители едва ли не с десятилетнего возраста, окружали его каждый день. В нашей работе были вещи, которые он понимал куда лучше, чем мы. Поэтому, думаю, он просто оценивал нас, изучал. А мы изучали его.

Билл:

Порой он просил, чтобы мы показали ему наше оружие. Он хотел подержать его в руках, рассмотреть. Он хотел знать все, что мы делаем, но, думаю, оружие он просил еще и потому, что это было круто. Как-то раз я показывал ему свой пистолет, и он сказал, что всегда хотел иметь свое оружие, потому что это было бы полезно для защиты, но, поскольку в доме дети, он никогда не приобретет огнестрел.

- Кроме того, – добавил он, – мне бы захотелось пристрелить слишком многих людей.

Джавон:

Мы работали без остановки. Я работал по 15-18 часов в сутки. Иногда вообще не приходил домой. Я мог дежурить с 7 утра и до полуночи, а потом к 7 утра следующего дня – опять на дежурство. До дома мне было ехать минут сорок. Поэтому я приносил с собой побольше еды и спал в трейлере.

Примерно в то время, как я начал работать на него, у меня родился ребенок. Я никому не сказал, на кого работаю, даже матери моего ребенка. Я говорил ей, что работал на «высокопоставленную особу». Через какое-то время она перестала покупать на это. Кончилось тем, что она начала возмущаться: «А ты вообще работаешь? Или, может, ты мне изменяешь? Да ни один человек не может столько работать».

Она думала, что я занимаюсь какими-то мерзостями и завел интрижку на стороне. «У нас новорожденный. Ты не можешь ходить на работу и не говорить мне, на кого работаешь. Что это за секреты такие?»

Поэтому через три месяца я сдался и рассказал ей. Когда я сказал, что работаю на Майкла Джексона, она взорвалась: «Ты врешь!» Она не поверила мне. «Из всех небывших, которые ты мог придумать, ты выбрал Майкла Джексона? И как долго ты думал, прежде чем додумался до такого?»

Какое-то время мы грызлись по этому поводу, пока я не показал ей свой платежный чек. Когда она увидела на чеке логотип MJJ Productions, она была потрясена. «Ух ты! Ты в самом деле работаешь на него!»

Билл:

На заднем дворе, возле бассейна, был домик, мы принимали там душ. Я звонил своей дочери и просил ее привезти мне чистую одежду, белье, бритвы, зубную щетку. Мы регулярно ездили за костюмами в Burlington Coat Factory, чтобы в трейлере была запасная одежда, если не было времени ехать домой переодеваться. Дошло до того, что ты вроде как не хочешь оставаться, но и уехать не можешь.

Для ночной смены мы договорились с мистером Джексоном об условном знаке. В одном из окон его спальни мы поставили лампу, и пока она горела, это означало, что он не спит, и мы можем ему понадобиться. Когда лампа выключалась, это значило, что он лег в кровать. Когда он не мог заснуть, мы слышали, как он работает в студии. Окна студии были видны из нашего трейлера. Полчетвертого утра, на улице темным-темно, кругом тишина. Внезапно в окнах студии зажегся свет. Там был телевизор. Возможно, он смотрел видео. Затем, примерно через 15 минут, мы слышали басовый трек. Он регулировал звук и темп, мы слышали, как скрипит пол у него под ногами, а потом раздавался голос. Голос, который продавал миллионы пластинок. Звуки лились и лились из него. Невероятная красота.

Джавон:

У меня каждый раз были мурашки по коже. Да и как им не быть, когда слышишь живой голос Майкла Джексона? Ночи напролет мы слушали его, а вокруг больше никого не было. Мы к этому так и не привыкли. Это всегда изумляло нас, и неважно, сколько раз мы слышали его раньше.

Порой нам удавалось подсмотреть, как работал его творческий ум. В машине играла какая-нибудь музыка, классическая симфония или что-то еще, а он вдруг цеплялся за какой-то звук, который слышал в ней, какую-то инструментальную партию, и просил, чтобы мы отмотали назад и послушали еще раз. Он проигрывал композицию повторно и спрашивал:

– Парни, вы это слышите? Вот здесь. Эти цимбалы, вот сейчас, вы слышите?

Мы не слышали. В музыке были звуки, за которые он постоянно цеплялся. Он становился одержим ими. Но мы не могли даже расслышать их.

У него в голове безостановочно звучало музыкальное сопровождение. Мы куда-нибудь ехали, а он внезапно начинал напевать какую-то мелодию или битбоксить. Следующие несколько дней мы слышали, как он разрабатывает какую-то идею. Без слов, только звуки. Такое впечатление, что он делает это неосознанно, оно происходило само собой. Он рассказал нам, что иногда слышал уже полностью готовые песни – мелодия, текст и все

инструментальные партии. Он не мог выбросить их из головы, пока не записывал все целиком. Это полностью поглощало его. И вот тогда мы слышали, как он работает в студии поздно ночью.

Билл:

Всякий раз, как мы слышали его в студии, нам жутко хотелось рассказать об этом всему миру, особенно когда мы слышали музыку, которую не слышал больше никто. Иногда он крутил свои старые песни и танцевал под них. А иногда работал над чем-то новым. И нам хотелось схватить мобильник, позвонить кому-нибудь и сказать: «Эй, чувак, а я прямо сейчас слушаю, как поет Майкл Джексон. *Прямо сейчас*». Но, естественно, мы не могли это сделать.

Джавон:

Музыку он слушал невероятно *громко*. Так громко, что в какой-то момент мы боялись, что он разбудит детей. Всю свою злость, печаль и всю свою энергию он выливал в танец и музыку. Иногда это длилось всю ночь. Я дежурил во дворе, а лампа у него в комнате горела до рассвета. И я думал: «Когда же он вообще спит?» Все это время я должен был оставаться на посту и уставал как собака. А он до утра не ложился спать.

Иногда казалось, что он заснул у себя в комнате и забыл выключить лампу, но затем мы видели, как на кухне включается свет, и понимали, что он еще не лег. Это случалось очень часто. По большей части, ночами он больше бродил, чем спал. Если я работал в ночной смене три раза в неделю, все эти ночи мистер Джексон не спал. Если же он вдруг рано выключал свет, для нас это было сюрпризом.

По нему всегда чувствовалось, что он выспался. Утром мы приходили на работу, а его так и распирало, он был настроен общаться и перед завтраком приходил к нам, просто чтобы поздороваться. А потом он мог по два-три дня не разговаривать с нами, как в то время, когда уволили Фельдмана. И мы стали привыкать. «Ага, у него снова «тихая фаза».

Билл:

Когда он был в хорошем настроении, мы делали все, чтобы поддержать это настроение. Едва он снова запирался в себе, мы сразу это чувствовали. Часто он запрыгивал в машину утром, улыбаясь от уха до уха:

– Доброе утро! Все выспались?

– Да, сэр.

– Прекрасно. Я спал как младенец.

А в другие дни он садился в машину без единого звука. И мы знали, что что-то не так. Ему могли позвонить. Сообщить какие-то плохие новости. Что-нибудь плохое. Мы ехали молча. Он мог просидеть без единого слова 10 минут, 20 минут. А потом с заднего сиденья доносилось едва слышное:

– Почему они просто не оставят меня в покое?

Джавон:

Часто он звонил нам по ночам и сообщал, что хочет прокатиться по Лас-Вегас-Стрип. Такие поездки были внеплановыми. Ему просто вдруг захотелось прокатиться. Он вызывал Грейс, чтобы она присмотрела за детьми, и когда они засыпали, он спускался, садился в машину, и мы ехали в город.

– Хотите куда-нибудь конкретно, сэр?

– Нет, просто поезжайте куда угодно. Я хочу посмотреть на иллюминацию.

Мы ехали через полгорода, затем разворачивались и возвращались назад. Иногда он просил остановиться возле Bellagio, чтобы посмотреть на водяное шоу. А иногда его мог заинтересовать вулкан в Treasure Island. Но по большей части мы просто несколько раз объезжали Стрип. Он мало говорил, мы тоже молчали. Ехали медленно. Он чуть опускал стекло и смотрел на иллюминацию и на людей на улицах. Кажется, мы делали такое раз 20-30.

Однажды мы проехали мимо огромной афиши шоу Цирка дю Солей, Love, в отеле Mirage. Это шоу построено на песнях «Битлз», которые принадлежали мистеру Джексону. Он увидел афишу и спросил:

– А когда это началось?

– Да уже месяца два или три.

– Что? Мне никто ничего не говорил. Они не спросили у меня разрешения на это, – сердился он. – Мне надо кое-кому перезвонить.

Потом он попросил Билла, чтобы тот организовал ему поход на это шоу. Мы сходили на него. Он сказал, что шоу неплохое.

Билл:

Чего ему по-настоящему хотелось, так это выйти из машины и пройтись по улице, поэтому нам нужно было придумать ему какую-то маскировку.

– Я перепробовал все, – говорил он. – Меня гримировали по 2-3 часа, и все равно люди узнавали меня.

Вот тогда нам пришла в голову идея принести ему мотоциклетный шлем. Мы одели его в костюм байкера, защитный комбинезон, закрывавший его с головы до ног, чтобы он мог надеть шлем с затемненным стеклом. Он сказал, что такого точно никогда не делал. Да, на него будут пялиться, но никто не будет знать, что это он, а на Лас-Вегас-Стрип по вечерам и не такое встречается. Поэтому я решил, что можно попробовать.

Весь этот костюм обошелся долларов в 600. Мы припарковались возле отеля Bellagio, он надел шлем, и мы вышли на улицу. Мы старались держаться чуть поодаль, чтобы он мог чувствовать себя свободно. Мы не хотели привлекать к нему внимание своим присутствием. Джавон и я оделись в обычную одежду, у нас не было гарнитур и раций. Мы просто гуляли. Мы прошли от Bellagio до Excalibur, где-то 6-7 кварталов – это довольно большое расстояние, примерно мили полторы. На улице стояла страшная жара. Наверное, он чуть не сварился в том костюме. Каждые несколько минут я спрашивал:

– Сэр, вы в порядке?

– Я в порядке, в порядке.

Когда мы дошли до конца улицы, Джавон отправился обратно за машиной. Мы посидели на скамейке, дожидаясь его. Мистер Джексон сел в машину. Когда он снял шлем, по его лицу ручьями стекал пот. Но, несмотря на жару, ему очень понравилось. Да что там, он был в восторге.

– Меня никто не узнал!

Его это изумило. И оказало некий терапевтический эффект.

– Мне это было нужно, – сказал он. – Мне нужно было выбраться из дома и прогуляться.

Джавон:

Однажды ночью мы ехали домой с Лас-Вегас-Стрип, по дороге нам встретился указатель выезда на шоссе. Мы остановились на светофоре под этим указателем и увидели на

обочине бездомных – мужчину и женщину. Они о чем-то спорили. Мужчина сидел, женщина стояла с какой-то табличкой. На улицах часто попадались люди с табличками, на которых написано «Я бездомный, помогите мне». Вегас – жестокий город. Можно проиграть все до цента. Это уничтожает тебя.

Билл:

Мистер Джексон увидел этих людей и спросил:

- А почему они здесь сидят?
- Они бездомные, сэр.
- Что, правда? Ого.

Он велел Джавону остановиться. Мы подъехали к обочине и пару минут наблюдали. Мистер Джексон заметил, что все остальные машины проезжали мимо, и удивился:

- А почему никто им не поможет? Почему никто не останавливается?

И велел Джавону:

- Позови сюда эту женщину.

Джавон опустил стекло и помахал ей, чтобы она подошла. Когда она приблизилась к машине, мистер Джексон чуть опустил стекло и спросил:

- Как вас зовут?
- Аманда, – ответила она.

Они немного поговорили. Он хотел узнать, что с ней произошло, расспросил, откуда она, где ее семья. Она сказала, что работала танцовщицей в шоу. Я услышал, как он возится на заднем сиденье, что-то ища. Услышал шелест бумаги. Он достал три сотенные купюры и отдал ей:

- Вот, возьмите-ка это.

Она была в шоке. Чуть не разрыдалась, повторяя:

- Спасибо, спасибо, спасибо!

Джавон:

Когда он дал ей деньги, она отошла на несколько шагов, и я стал отъезжать. Парень, сидевший рядом с ней, подошел к ней и попытался отнять у нее деньги. Она сопротивлялась, а он все пытался забрать их у нее, и они снова начали ругаться.

- Нет, это мое! – кричала она.

Мистер Джексон увидел это:

- О, нет! Джавон, останови машину. Возвращайся туда.

Я снова подъехал туда, он высунулся из окна и подозвал мужчину:

- Не делайте этого! Идите сюда, я и вам дам что-нибудь.

Он достал еще триста долларов и отдал этому мужику. Женщина расплакалась. Она была спасена.

Билл:

Он велел им купить еды.

- Купите что-нибудь питательное, – добавил он. – Только не наркотики.
- Нет, сэр! – сказали они хором. – Нет, сэр!

Они все благодарили и благодарили его, желали ему всяческого благополучия, и тут внезапно мужчина замолчал, взгляделся в салон и спросил:

– Вы Майкл Джексон?

– Нет, конечно, нет.

Я обернулся к нему:

– Сэр, вы готовы ехать?

– Да, я готов.

И мы отъехали. По дороге домой мистер Джексон поинтересовался:

– И много таких людей в Вегасе?

– Много, – ответил я. – В Вегасе есть места, где живет масса бездомных.

– Правда? А мы можем туда поехать?

Я колебался:

– Вы хотите поехать сегодня, сэр? Сегодня было бы неподходящее время.

– Нет-нет. В другой раз. Я просто хочу посмотреть.

Неблагополучные районы Вегаса находятся в северной части города – Мэйн-Стрит и бульвар Лас Вегас. Когда он сказал, что хочет туда поехать, я надеялся, что он забудет об этом. Порой он выдавал необычные идеи, и я знал, что это уже чересчур, поэтому не сразу кидался их осуществлять, а какое-то время ждал, не вспомнит ли он снова. Иногда он забывал. Но в этот раз запомнил. Через пару дней он обратился ко мне:

– Так когда же мы поедem в тот район?

– Какой район, сэр?

– Ну, где живут бездомные.

– Можем сегодня.

– Хорошо, поедem.

Мы повезли его в этот район. Дорога заняла минут двадцать. Пока мы ехали по Мэйн-Стрит, все эти люди стояли на улице. Он был шокирован, что в городе оказалось столько бездомных. Он просто не мог поверить.

– Поразительно, – сказал он. – У нас такая богатая страна, а эти люди нищие и живут на улице.

Он попросил Джавона остановиться, и мы свернули к обочине. Я нервничал. Мне не нравилось, что мы приехали в этот район на хорошей машине, а кругом столько бездомных. Мы немного постояли там, а затем мистер Джексон сказал:

– Я хочу дать им что-нибудь.

Я решил, что он собирается выйти из машины.

– Не думаю, что это хорошая идея – выходить на улицу, сэр.

– Нет-нет. Я передам им через окно.

Он приоткрыл стекло и стал подзывать людей. У него был поясной кошелек. Когда он открыл его, мы увидели, что он битком набит наличкой. Люди подходили к окну, а он просовывал в щель сотню каждому подошедшему. Я заметил, что он пытается привлечь внимание женщин, чтобы убедиться, что именно им достанутся деньги. Он подзывал их:

– Подойдите. Нет, не вы. *Вы*. Подойдите сюда.

Мужчинам тоже перепало, но я видел, что он старается выделить из толпы именно женщин и подзывал именно их. Люди выстроились в очередь к его машине, как к банкомату.

Джавон:

Он раздал им все, что у него было с собой, и расстроился. Все говорил, что надо было взять больше денег. Мы увидели в нем другую грань – его сострадание. Это было невероятно. Вокруг не было прессы, не было камер. Только крошечная щелка в окне машины, и никто не знал, что в машине сидит именно он. Он просто хотел им помочь.

После этого мы много раз ездили туда и раздавали бездомным еду. Он говорил:

– Мы с детьми не будем все это есть. Давайте отвезем эту еду тем людям.

Как-то раз он даже захотел взять с собой детей, чтобы они увидели все это. И мы их взяли.

Билл:

Он часто читал Библию. Бывало, если в дверь кто-то звонил, и он подходил открыть, в руке у него была Библия, а на носу – очки для чтения. Типичное зрелище. Помню, он говорил своим поклонникам «Да благословит вас Бог», но в беседах с детьми он называл Бога «Иегова». «Иегове это не понравится». Ему часто звонили рекламщики, которые хотели разместить его имя и фотографию на торговых автоматах. Он не соглашался из-за своей веры.

– Нет, Иегове это не понравится.

Но теперь повсюду стоят торговые автоматы с его фотографиями. Я часто их вижу. В каждом отеле Вегаса есть эти автоматы, которые он не одобрял. Вероятно, кто-то поддержал эту идею.

Джавон:

Больше всего он любил ходить в кино. Он обожал ходить туда с детьми, особенно на масштабные блокбастеры вроде «Человека-паука» или «Трансформеров». В отеле Palms есть большой мультиплекс, и именно туда мы наведывались чаще всего. Мы всегда предупреждали их за день-другой, говорили с менеджерами, и они резервировали зал для частного просмотра. Единственной проблемой стал «Человек-паук 3». Мистер Джексон непременно хотел пойти на премьеру. Мы позвонили менеджеру, она сказала, что вряд ли им удастся закрыть зал на премьеру. Мистер Джексон возразил, что ничего страшного, ему давно хотелось посмотреть фильм с большой толпой зрителей. Иногда ему нравилось смотреть фильм в переполненном зале. Всякий раз, когда он хотел это сделать, я резервировал места заранее. Мы ждали, когда погаснет свет и начнутся рекламные трейлеры фильмов, потом Билл сообщал мне по рации, что заводит мистера Джексона и детей. Я включал экран своего мобильного, чтобы они видели, где я нахожусь. Они заходили, садились, а мы с Биллом ретировались к двери и ждали там.

Билл:

Когда мы ходили в кино, он настаивал, чтобы мы приносили с собой масло-спрей (*какая-то местная фишка, типа заправки в спрее со вкусом сливочного масла – прим. пер.*) и острый соус для попкорна. Прямо *требовал*. Он не садился смотреть фильм без попкорна с этим маслом и соусом. Иногда мы приходили в кинотеатр, и я думал, что Джавон захватил масло и соус, а он думал, что это сделал я. Когда мы осознавали свою ошибку, кто-нибудь из нас стремглав несся в магазин, чтобы купить и то, и другое. Иногда мы просили менеджеров слегка задержать показ, пока не приносили масло и соус.

Мне плевать на всех, кто говорит, будто Майкл Джексон пытается стать белым. Любой человек, который настаивает на том, чтобы принести в кинотеатр свое масло-спрей и острый соус для попкорна – черный. И вырос в гетто. И вообще.

Джавон:

У него были свои навязчивые идеи. Если он чего-то хотел, то хотел немедленно. И без разговоров. Он не мог выбросить это из головы. Указывал на что-нибудь и говорил: «Хочу это». Это означало – прямо сейчас. Ему без разницы, какие существовали преграды и как сложно было это получить. Просто достань это.

Когда вышел «Человек-паук 3», мы ехали по Спринг Маунтин Роуд, мимо кафе Burger King. У них была реклама фильма – на фонарях рядом с кафе висели фигурки Человека-паука в человеческий рост. Мистер Джексон заметил их:

– Эй, Джавон, ты это видел? Я хочу себе такую. Останови машину.

Я подъехал к обочине. Мистер Джексон любопытствовал:

– Как думаешь, ты сможешь залезть туда и достать мне фигурку?

Посреди бела дня, на центральной улице, ага.

– Сэр, не думаю, что это разумно.

– А я думаю, ты можешь, – сказал он. – Думаю, да.

– Сэр, это вряд ли.

– Кажется, ты не очень-то хочешь это делать.

– Вы правы, сэр, совсем не хочу.

– Ну, может, ты сможешь приехать в другой раз и достать ее?

– Могу попробовать. Но вряд ли это хорошая идея.

Он хотел эту фигурку. Я никак не мог отвлечь его от этой мысли, поэтому вернулся туда ночью, чтобы достать ее. Я залез на фонарь и попытался обрезать крепления ножом, но они были слишком высоко. Мне бы потребовалась трехметровая лестница, чтобы забраться туда. Безумие. Я вернулся домой и сказал, что ничего не вышло. Он был разочарован.

– А ты не мог бы разузнать, где можно купить такую?

Мы узнавали. Купить было негде.

Билл:

Он не привык к отказам. Как-то раз мне позвонил его адвокат и сказал:

– Билл, мистер Джексон расстроен, он сказал, что ты накричал на него.

Очередная его особенность. Он не умел ссориться открыто. Он никогда прямо не говорил, что ты чем-то расстроил его. Тебе просто звонили. Я это знаю, потому что и сам много раз звонил и говорил людям: «Мистеру Джексону не понравилось то, что вы сделали». И вот мне звонит его адвокат и говорит, что я накричал на него. Может, так и было, но лишь потому, что он попросил невозможного. Порой Джавон был где-то в городе с поручением, а мистеру Джексону требовалось куда-нибудь поехать только со мной и детьми, без предварительной разведки. Мне было неуютно выполнять такое. Я считал, что это небезопасно, поэтому отказывал ему. Несколько раз мы говорили ему «нет». Иногда он уважал нас за это. А иногда злился.

Вероятно, когда-то, на пике популярности, все его желания исполнялись по щелчку пальцев. И он, возможно, искренне считал, что мир так устроен. Он заходил в магазин,

брал с полки конфету, снимал обертку, съедал конфету, а обертку бросал на пол. Мол, не беспокойся об этом. А еще у него была какая-то слабость к зонтикам. Как-то мы были в магазине, он пошел к полке с зонтами, достал один, сорвал ценник и открыл его. И мы вот так ходили по магазину. Он не воровал вещи. Что бы он ни брал – конфету или зонт, он говорил нам: «Не забудь напомнить, чтоб я за них заплатил».

Джавон:

В FAO Schwarz был игрушечный вертолет-симулятор. Бланкет обожал на нем кататься. Как-то раз мы делали там покупки, и мистер Джексон сказал:

– Я хочу эту штуку. Узнайте, сколько она стоит.

Мы с Биллом переглянулись. Чего?! Да эта штука была размером с настоящую вертолетную кабину. Не думаю, что она вообще продавалась. Ее просто поставили здесь как аттракцион для малышей, чтобы они покатались, пока находятся в магазине. Мы спросили менеджера, и он ответил, что цена составляет 75 тысяч. Но эта штука была такая огромная, что мы бы просто не смогли втащить ее в дом. Слава Богу, через пару дней он забыл об этом. А мы привыкли к таким просьбам.

Билл:

Он всегда больше всего хотел то, чего не мог получить. В Вегасе был один дом, который мистер Джексон годами хотел приобрести, задолго до того, как мы стали на него работать. Огромный особняк неподалеку от Spanish Trail Country Club, кажется, его владельцем был какой-то арабский принц, который там даже не жил ни разу. Думаю, это был самый огромный дом в Лас Вегасе. Мистер Джексон всегда хотел заглянуть внутрь. Он постоянно беседовал с риэлторами о покупке.

Мы несколько раз договаривались об осмотре этого дома. Сторож встречал нас у ворот и впускал внутрь. Когда я впервые попал туда, я уронил челюсть. Крытый бассейн. Стены, облицованные золотом. Огромная кухня, как в отелях. Невероятно. Мистер Джексон с детьми ходили по территории так, словно это место им уже знакомо. Словно дом уже принадлежал им. Дети бегали вокруг и кричали: «Это моя комната, моя!» Мистер Джексон указывал на что-то и говорил:

– Вот здесь надо посадить больше деревьев. И нам понадобятся сторожевые собаки.

Он показывал нам гостевые блоки и небольшой домик, в котором, как он сказал, будем жить мы. Это будет центр службы безопасности. Естественно, там было на порядок круче, чем в нашем трейлере. Мистер Джексон сказал, что купит целый автопарк гольф-мобилей и построит для них гараж. Если поселиться здесь, то уж точно потребуется гольф-мобиль, чтобы передвигаться по этому дому, настолько он был огромен. Мистер Джексон хотел иметь настолько огромное поместье, чтобы он мог выйти на улицу и чувствовать себя свободным. Чтобы можно было залезть на дерево и делать что угодно. Он сказал, что купит этот дом и назовет его «Wonderland» («Страна чудес»).

Джавон:

Мы разузнали, что этот особняк выставлялся за какую-то безумную цену, 55 миллионов или около того. Мы думали: «Как он сможет себе это позволить? Ну как?» И в то же время он так убедительно говорил обо всем этом. Он говорил об этом доме так, словно уже купил его, словно сделка о покупке уже была почти завершена, и оставалась лишь пара формальностей, из-за которых он пока не мог там поселиться. Когда мы ехали в кино или в магазин, он требовал, чтобы мы проехали мимо дома и взглянули на него еще раз. Он говорил:

– Поехали мимо моего дома.

Билл:

Он заезжал туда при каждом удобном случае. Иногда раз в неделю, обычно по воскресеньям. Как-то раз мы никак не могли дозвониться до кого-нибудь, чтобы назначить этот визит. Мы подъехали к воротам и увидели, что они закрыты на замок с цепью. Мы проторчали там почти полчаса, пытаюсь дозвониться кому-нибудь. Наконец, мистер Джексон произнес:

– Как бы мне хотелось найти способ попасть туда.

Я посмотрел на Джавона, а он – на меня. Мы знали, чего он от нас хочет. Мне хотелось сказать ему: «Неужели вам недостаточно исков, поданных против вас, и нужно еще добавлять обвинение во взломе и проникновении на чужую территорию?» Да и лично мне в тюрьму не хотелось. Но если Майкл Джексон чего-то хочет, бесполезно сопротивляться. Он просто сидел и ждал, пока мы придумаем решение.

Джавон:

В багажнике у нас были инструменты, а среди них – болторез. Я не хотел вызываться первым на взлом чужого дома. Но он настаивал.

– Ребята, неужели у вас нет ничего, чем можно срезать эту цепь на воротах?

– Есть, сэр, – ответил я. – Но вряд ли это хорошая идея.

– Это не проблема, Джавон, – продолжал он. – Этот дом будет моим. Риэлтор знает. Все в порядке, будь спокоен.

В итоге он взял нас измором. Он был убедителен. Он *верил*, что дом принадлежит ему, верил настолько, что заставил поверить и нас, и что ничего страшного в этом нет, он может делать со своей собственностью что угодно. Я взял болторез и вышел из машины. Улица была довольно оживленной, день на дворе, мимо ездят машины. Мистер Джексон пребывал в эйфории. Для него это было маленьким приключением. Но не для меня. Я был слишком занят, высматривая полицию и думая: «Ну и как я объясню все это дерьмо, если меня поймают?» Я сломал замок, открыл ворота, и мы заехали внутрь. Дверь в дом была не заперта, поэтому они зашли внутрь и погуляли, как обычно.

Билл:

Реальность Майкла Джексона была уникальна. И поэтому эта работа настолько отличалась от всего, что у нас было раньше. Я всегда считал, что мистер Джексон не такой, как все. Не странный, просто НЕ ТАКОЙ. Каждый день рядом с ним – новое направление мышления. Каждый день был непохож на предыдущий. Мы все время узнавали что-то новое – по его просьбам и словам, которые он произносил. Я не понимал многого из того, что он делал, не понимал его выбор, но я никогда не смог бы понять его жизнь и то, что сделало его таким. Именно поэтому было совершенно невозможно как-то судить обо всех его действиях. И осуждать их.

Как-то раз мы поехали в волшебную лавку. Ему нравились всякие магические трюки. Мы были на представлениях практически всех иллюзионистов, выступавших на Лас-Вегас-Стрип. Дома у него тоже были всякие наборы для фокусов с монетками, картами и прочим подобным. В мае или июне он захотел поехать в волшебную лавку при казино New York-New York. Мы стали готовиться к поездке.

В то утро он позвонил мне и попросил купить бинты. Я спросил, сколько ему нужно, и он ответил: «Как можно больше». Я заволновался, не поранился ли кто-нибудь. Поехал в аптеку, купил пару мешков с бинтами и привез ему. Через полчаса он снова позвонил и сказал:

– Билл, я готов.

Джавон вывел машины. Я стоял на подъездной дорожке, ожидая, когда выйдет мистер Джексон. Он вышел. На нем был зеленый плащ. Но его руки были полностью обмотаны бинтами. Голова тоже, с небольшими прорезями для глаз. Он выглядел как жертва ожогов. Как мумия. Я считал, что с Майклом Джексоном уже повидал все, но не тут-то было. Я вызвал Джавона по рации и сказал ему шепотом:

– Эй, Джавон, ты ни в жисть не поверишь, во что босс одет сегодня.

Джавон:

Билл вызывал меня по рации, но она была выключена. Я сидел в трейлере, ожидая сигнала, поэтому еще не знал, в чем дело. Когда я вышел, то увидел этого странного дядьку, забинтованного с головы до ног, бродившего по территории. У меня в голове завывала сирена. Я решил, что это нарушитель, и кинулся к нему. Я пронесся по подъездной дорожке, схватил этого чувака и прижал его к машине с воплями:

– Ты кто такой? Что тебе тут надо?

Затем на меня начал орать Билл:

– Джавон, нет! Джавон! Это же босс! Это босс!

Я понял и отступил. И запаниковал. Черт, я очень сильно толкнул его, а он такой худой. Я испугался, что сломал ему руку или еще что-нибудь. И начал причитать:

– Простите, сэр, мне так жаль. Я вас не узнал, простите, пожалуйста, не сердитесь на меня, извините.

Билл:

Кажется, Джавон извинился тыщу раз, но мистер Джексон вдруг взорвался хохотом. Он решил, что это было очень весело. Я думал, что он страшно разозлится, и на какой-то миг мне показалось, что это будет мой последний рабочий день здесь. Но мистер Джексон решил, что это здорово, раз его маскировка кого-то ввела в заблуждение. Он забрался в машину, все еще смеясь:

– Парни, вы что, в самом деле не узнали меня?

Джавон:

Мы сели в машину и поехали к казино, как обычно, а он сидел на заднем сиденье в этом наряде мумии. Мы зашли в казино через заднюю дверь, но до волшебной лавки оставалась еще как минимум сотня метров, а внутри было полно народу. Едва мы вошли, люди стали оборачиваться, увидели меня и Билла в черных костюмах, увидели, как мы идем за человеком-мумией. Народ начал перешептываться: «Кто это? Что происходит?»

Это явно привлекало слишком много внимания. Если как следует всмотреться, то запросто можно разглядеть его под всем этим маскарадом. Да, он постарался, тщательно замотавшись в бинты, но на нем все еще были белые носки, укороченные брюки и традиционные мокасины. Это же его визитная карточка. Все это знают. Да и вообще, все его движения, все жесты, походка были узнаваемы. Это были жесты и походка Майкла Джексона. Все на планете знают, как двигается Майкл Джексон.

Билл:

Пока мы шли через казино, к нему подошла какая-то женщина средних лет. Она просто подошла, встала рядом с ним, осмотрела его и сказала:

– А я знаю, кто вы.

– Ммм? – переспросил он высоким голосом, делая вид, что не понимает, о чем это она.

– Я знаю, кто вы такой. Вам не удастся никого обмануть, – ответила она, а затем удалилась.

Мы наконец-то добрались до магазина, и мистер Джексон стал рассматривать товары. Пару раз к нему подходил менеджер с вопросом, не может ли он чем-нибудь помочь, но он лишь качал головой. Не говорил ни слова. В магазине было множество наборов для фокусов. Мистер Джексон брал их в руки, рассматривал, играл с ними, снова клал на место. Я следил за выражением глаз менеджера и уже знал, о чем он думает. Я бы сам так думал, если бы это был мой магазин. Я наблюдал, как он берет телефон, что-то говорит и быстро кладет трубку. Через пять минут в магазин зашли двое полицейских и сразу направились к менеджеру. Они о чем-то поговорили с минуту, затем он указал на мистера Джексона. И я мысленно умолял: «Нет, только не это. Пожалуйста, только не это. Это не может произойти с нами».

Один из полицейских подступил к мистеру Джексону:

– Простите, сэр, у вас есть удостоверение личности?

– Ммм?

– У вас есть какое-нибудь удостоверение личности?

Когда он повторил вопрос, то взял мистера Джексона за руку, дав ему понять, что не шутит. Я приблизился и вежливо попытался отеснить его и объяснить ситуацию. Я сказал им, что я личный телохранитель этого человека, высокопоставленной особы, и он был вынужден прибегнуть к такой маскировке, чтобы остаться неузнанным.

– Это очень известный человек, – подчеркнул я. – И было бы лучше для всех, если бы мы сохранили его личность в секрете и смогли тихо уйти из магазина.

– Известный? – переспросил коп. – Да кто это такой, черт возьми?

Начала собираться толпа. Подошел менеджер. Другой полицейский подходил ко мне сзади. Я не хотел называть мистера Джексона, но понимал, что единственный способ уйти отсюда по-тихому – это сказать им правду, чтобы они встали на нашу сторону. Поэтому я склонился к копу и шепнул:

– Это Майкл Джексон.

– Кто?

– Майкл Джексон.

– Да ладно!

– Послушайте, давайте мы просто уйдем, – сказал я.

И тут этот полицейский поворачивается к своему напарнику и говорит – громко, высокомерно, словно я какой-то идиот:

– Слышь, этот чувак говорит, что он личный охранник, а этот парень в бинтах – Майкл Джексон.

Боковым зрением я увидел первую мигнувшую вспышку. Вот дерьмо. Затем услышал голоса в толпе: «Майкл Джексон? Майкл Джексон?! МАЙКЛ ДЖЕКСОН?!»

Я схватил его под руку и сказал:

– Сюда, мистер Джексон.

И повел его к черному ходу магазина, через ряды стеллажей, налево, направо, так быстро, как только мог. Осмотревшись, я нашел дверь на склад и завел его внутрь. Менеджер следовал за нами, и я спросил у него:

– Отсюда есть другой выход?

Он указал мне на дверь, ведущую в служебный коридор и дальше на парковку. Я связался по рации с Джавоном и велел ему ждать нас снаружи с машиной.

Толпа снаружи бесновалась. Жестко. Я сильно нервничал. Менеджер магазина, придурок, пошел обратно и подтвердил, что это и впрямь Майкл Джексон. Он был в восторге. «Эй, люди, у меня в магазине Майкл Джексон!» Это уже пахло неприятностями. Мы слышали, как люди орут: «Майкл! Майкл! Майкл!» Полицейские застряли снаружи, пытаюсь сдержать толпу, хотя сами изначально и заварили эту кашу.

Я оставался с мистером Джексонем. У меня поднялся адреналин, участился пульс. Я ловил каждый звук и все время оглядывался. Следил за дверью, слушал крики толпы и думал, что делать дальше. Будут ли проблемы с полицией? Папарацци? Тем временем, мистер Джексон вел себя так, словно с ним такое случалось каждый день. Будто это обычная ситуация. Сумасшедшие люди, выкрикивающие его имя под дверью? Да словно этого и не было. Он бродил среди стеллажей, рассматривал лежавшие там товары. Этот кадр занимался шоппингом как ни в чем не бывало. Он взял что-то с полки, принес мне и попросил:

– Билл, ты не мог бы узнать, сколько это стоит?

Я хотел огрызнуться: «Внатуре? У нас тут за дверью пара сотен человек, которые вот-вот набросятся на нас, а вы хотите, чтоб я пошел узнал, сколько стоит какой-то паршивый фокус?»

Он лишь пожал плечами, будто отмахиваясь от проблемы:

– Со мной такое постоянно бывает. Им следовало оставить нас в покое. Люди не должны совать свои носы куда не надо.

Наконец, Джавон вызвал меня по рации и сказал, что подвел машину. Полицейские подошли к двери склада, чтобы вывести нас. Едва мы стали выходить, один из полицейских склонился ко мне и спросил:

– Тут еще кое-что...

– Да?

– Как думаете, может, он мог бы дать пару автографов?

Я повернулся к мистеру Джексону:

– Сэр, офицер спрашивает, не могли бы вы дать ему автограф.

– Конечно, – ответил он. – Только дайте мне ручку.

Полицейские протянули ему свои планшеты, и он подписал каждый, а потом мы наконец-то ушли. Он так ничего и не купил.

В такие моменты мы недоумевали. Но мы были не в том положении, чтобы что-то говорить. Похоже, единственным человеком, действительно понимавшим Майкла Джексона, была Грейс, нянька. Когда мы наблюдали за их общением, то порой казалось, что они парочка, или брат с сестрой. Но у Грейс были проблемы со здоровьем. Ничего особо серьезного, но время от времени она уезжала. Через несколько месяцев ее уже практически не было в доме. Она уезжала на неделю, возвращалась на пару дней и снова уезжала. И это происходило все чаще.

Джавон:

В «Неверленде» у него были десятки людей для управления поместьем. А теперь, кроме учительницы и мисс Грейс (временами отсутствовавшей), у него были только я и Билл, чтобы выполнять работу по дому. Мы были и личными ассистентами, и курьерами, и носильщиками. Мы покупали продукты, возили собаку к ветеринару, нянчили детей. Билл хранил карточки медицинского страхования и паспорта всей семьи.

Меня нанимали как рядового помощника, понимаете? Водить машину, следить за воротами, потом ехать домой. Но это уже было нечто. Сказать, что мы понятия не имели, во что вляпались – значит, ничего не сказать. Порой я думал: «Как я вообще сюда попал?»

Билл:

Фельдмана уволили, Грейс уехала. И на мои плечи свалилась дополнительная ответственность. Иногда мне самому не верилось, что это именно Майкл Джексон и что я стал фактически его секретарем. Все шло через меня. Документы, факсы, электронная почта. Кто-то ведь должен заниматься всем этим. Майкл Джексон не выходит к почтальонам сам, чтобы расписаться в получении посылки.

Я никогда не вскрывал его почту, но многое приходило по факсу, и, естественно, поневоле я что-то видел. Было множество цифр. Множество. 35 миллионов туда, 100 миллионов сюда. В одном из документов мне встретился даже «миллиард долларов».

Когда наша зарплата запаздывала, Раймона начинала оправдываться: «У мистера Джексона все деньги вложены в проекты». Но теперь, когда я был его секретарем, я начинал кое-что подмечать. Я знал, что вижу лишь кусочки пазла, но уже мог немного разобраться в его финансах.

В июне того года появились первые айфоны. Он захотел себе такой. Джавон поехал в магазин и два с половиной часа простоял в очереди, чтобы купить его. Когда я принес ему айфон, он тут же вернулся и сказал, что эта штука не работает.

- Но он же ничего не делает, – сокрушался он.
- Сэр, вам надо создать аккаунт, настроить его.
- А я думал, ты уже это сделал.
- Нет, сэр.
- О... А ты можешь?

У меня была вся его личная информация, так что я сказал, что могу. Сначала я попытался создать аккаунт на его имя, но после проверки номера социального страхования Майкла Джексона контора потребовала депозит в размере 1500 долларов. И это просто чтобы включить мобильник. Настолько плохи были его дела с кредитной историей. Я создал аккаунт на свое имя. После этого он захотел подарить айфон своей матери, чтобы отправлять ей фотографии детей. Я и ее айфон подключил на свое имя.

Все это было странно. Даже когда я сталкивался с такими нюансами, то все равно не думал, что он может быть банкротом. Корпорация под названием «Король поп-музыки» продолжала бурно развиваться. У него были права на множество песен, его альбомы стабильно продавались, он никогда не переставал зарабатывать миллионы. Вопрос только в том, куда эти миллионы деваются. Он тратил деньги направо и налево. Поездки в FAO Schwarz и покупка книжных магазинов. Таблоиды всегда клевали его за это, словно он покупкой горы игрушек приближал свое банкротство. Но, если честно, деньги, которые он тратил в магазинах – ничто. По сравнению с цифрами, увиденными мной в этих документах, это были копейки. Горы денег переходили из рук в руки. Иски, кредиторы,

банковские займы, юридические гонорары. Миллионы долларов поступали на счета и сразу же исчезали.

Джавон:

На него постоянно подавали в суд. Такое впечатление, что каждую неделю кто-то подавал новый иск. Я даже не помню, сколько раз во время нашего дежурства приходил посыльный с конвертами, пытаюсь вручить ему повестки.

Как-то раз я выгуливал собаку, а у дома припарковался какой-то мужчина. Мы решили, что это какой-нибудь поклонник. Я обошел с Кенией квартал и когда открывал ворота, чтобы зайти внутрь, он подошел ко мне:

– Здесь живет Джексон?

– Понятия не имею, о чем вы, – ответил я.

– Возьмите это, – сказал он и попытался всунуть мне бумаги. Я отскочил:

– Я не буду ничего брать.

Он швырнул документы мне под ноги и сказал:

– Вам повестка. Убедитесь, что он ее получил.

Я оставил бумаги лежать на земле. Их нужно вручить прямо в руки, а иначе не считается. Люди приходили, бросали эти бумаги через ворота, на подъездную дорожку, но мы не приближались к ним. Мы брали шланг и вымывали их с территории на улицу.

Никогда не забуду второй такой случай, с женщиной. Ворота были открыты, мы таскали что-то в дом, а она прошла по дорожке, размахивая конвертом и пытаясь всунуть его мне в руки.

– Вам повестка, – сказала она.

Я не коснулся бумаг:

– Мэм, вы должны уйти отсюда. Я ничего у вас не возьму.

Она разозлилась и начала кричать:

– Лучше бы тебе взять их, а не то окажешься в очереди за зарплатой, как и все! Он и тебе не заплатит!

– Леди, я понятия не имею, о чем вы говорите.

Ее лицо перекошилось от ярости. В голосе звучала искренняя злоба.

– Передай ему, чтоб оплатил свои чертовы счета! Он и вам ничего не заплатит, как не заплатил нам! Вот увидите!

Билл:

Я слышал, как Раймона и Грег Кросс препираются с мистером Джексоном по громкой связи по каким-то деловым вопросам. Они звонили мне, и я передавал телефон мистеру Джексону на заднее сиденье. Он выключал громкую связь только тогда, когда дело касалось чего-то очень личного. В этом разговоре, судя по тому, что я слышал, Раймона пыталась уговорить его взять кредит в каком-то одном банке, а Грег Кросс советовал ему другой. Каждый приводил свои аргументы. А затем они просто начали орать, стараясь перекричать друг друга.

Раймона и Грег не впервые расходились во мнениях по поводу дел мистера Джексона. Это уже было, когда я только пришел на эту работу. Они постоянно спорили. В конце июня мы были дома, и меня попросили устроить конференц-связь по телефону для них троих. Я

сделал звонок со своего телефона, и когда Раймона и Грег ответили, я отправился в дом, где меня ждал мистер Джексон. Я постучал в стеклянную дверь кухни. Он сидел за огромной мраморной барной стойкой, которая могла бы вместить пятнадцать человек. Я протянул ему телефон и ушел обратно в трейлер.

Через полчаса я услышал громкий звон разбитого стекла. Я выбежал на улицу, обогнул дом и увидел мистера Джексона. Он сидел на том же месте, но стеклянная дверь мириадами осколков рассеялась по земле. Мой разбитый телефон лежал среди осколков. Я спросил мистера Джексона, все ли у него в порядке. Он молча поднял на меня глаза. Его лицо ничего не выражало. Затем он перевел взгляд на разбитое стекло и вздохнул:

– Прости, Билл. Тебе придется купить новый телефон.

Я еще раз спросил, все ли у него хорошо. Он не ответил. Лишь раздраженно обхватил голову руками.

– Они все дьяволы. Мне следовало бы позвонить отцу и сказать ему, чтоб он приехал и выпал им всем как следует.

Я сказал, что уберу здесь. Через пару дней нам поставили новую дверь, и на этом все. Мы больше это не обсуждали. Это было незадолго до того, как мы уехали в Вирджинию.

Его поездка на восток обсуждалась уже довольно долгое время; именно поэтому мне тогда велели купить ноутбук, чтобы он мог посмотреть дома в Мэриленде и Вирджинии. Теперь эти планы выстроились окончательно. Раймона позвонила мне:

– Босс хочет отдохнуть.

Дети закончили учебу, у них были летние каникулы. Мистер Джексон хотел увезти их куда-нибудь на природу, подальше от всех, где можно будет свободно передвигаться. Мы собирались лететь в округ Колумбия и остановиться в отеле Goodstone Inn неподалеку от Миддлбурга, штат Вирджиния. Офисы Раймоны и Грега тоже находились в округе Колумбия. Думаю, они хотели держать его поближе к себе, чтобы решить какие-то деловые вопросы.

Джавон:

Срок аренды дома на Монте-Кристо заканчивался в конце июня, как раз на середине их поездки. Мы знали, что он терпеть не может этот дом и постоянно говорит о том огромном особняке. Вернемся ли мы сюда? Или он переедет? Никто ничего не сказал. Вопрос о том, где он будет жить после, просто повис в воздухе.

Мы не знали, сколько продлится его поездка. Нам нужно было обсудить это со своими семьями, уведомить их, на какой срок мы уедем. Я спросил мистера Джексона, как долго мы будем отсутствовать, и он ответил:

– Совсем недолго.

– А сколько это – недолго?

– Да не так уж долго.

Билл:

Я предположил, что мы с Джавоном будем сопровождать его. Мистер Джексон явно подразумевал это. Но когда я увидел план поездки, присланный Раймоной, то заметил, что Джавона там не было. Я расспросил ее об этом, и она сказала:

– Мистер Джексон вернется в Вегас после этой поездки, и Джавон должен остаться в доме.

Она добавила, что найдет группу для охраны мистера Джексона в Миддлбурге. Ее знакомые, какие-то полицейские, работавшие на Мариона Барри, бывшего мэра округа Колумбия. Он тоже был ее клиентом. Она произнесла это так, словно хотела произвести на меня впечатление. Мол, это же *личная* охрана Мариона Барри, мэра округа.

Тоже мне, нашла чем похвастать, подумал я. Нам все это не нравилось. Я хотел, чтобы Джавон был со мной, да и он не был в восторге от того, что ему придется остаться здесь. Но нам пришлось подчиниться. Раймона по-прежнему оставалась менеджером, поэтому нам приходилось делать то, что она говорила. Мы подготовили мистера Джексона и детей к отъезду. Вся поездка была спланирована очень небрежно, словно ее вообще не продумывали. Четкого расписания не было. Когда мы уезжали, нам сказали, что мы пробудем в Вирджинии пару недель. Ну, может быть, три недели. В итоге мы пробыли там пять месяцев.

К середине июня 2007 года дети Джексона закончили школьный год, сдали все необходимые экзамены и теперь могли спокойно уехать на каникулы. Между тем, их отец провел время в Лас Вегасе не так продуктивно. Студийная работа над выпуском Thriller-25 тянулась и тянулась без конца, хотя до юбилея альбома оставалось всего пять месяцев. Множественные попытки заключить сделку о выступлении на Лас-Вегас-Стрип ни к чему не привели; даже промоутер Джек Вишна и владелец отеля Стив Винн (ответственные за приезд Джексона в Вегас) не смогли уговорить нерешительного артиста подписать договор.

В конце весны Раймона Бэйн устроила Джексону встречу с Рэнди Филипсом, исполнительным директором AEG Live; это подразделение Anschutz Entertainment Group, занимавшееся организацией концертов. Филипс хотел обсудить серию концертов на Арене O2 в Лондоне, дабы ознаменовать возвращение певца на сцену. Джексон не заинтересовался этой идеей.

Прожив в Вегасе полгода, Майкл Джексон ни на йоту не приблизился к разрешению своих финансовых проблем, из-за которых он и вернулся в страну. Поэтому он решил разобраться с ними так же, как разбирался со всеми проблемами последние несколько лет: он просто уехал.

Билл:

За день до отлета мистер Джексон обратился ко мне:

– Билл, я хочу поговорить с пилотом.

– Какие-то проблемы, сэр?

– Нет, я просто хочу поговорить с ним о маршруте, которым мы полетим, и о погоде.

Очередной момент недоумения, когда я начинал гадать: «Да кто еще стал бы таким заниматься? Обсуждать план полета?» Но я позвонил Раймоне, она связалась с пилотом, и тот перезвонил мне. Я передал трубку мистеру Джексону и слышал их разговор. Он задавал очень много вопросов. На какой высоте они полетят? Как долго длится полет? Он задавал такие специфические вопросы об авиации, словно сам был пилотом. Как бы там ни было, а информация, которую ему сообщил пилот, видимо, удовлетворила его, и на следующий день мы поехали в аэропорт. Мистера Джексона и детей сопровождали я и Грейс, да еще собака. Поскольку школа закончилась, учительница с нами не поехала.

Джавон отвез нас в спецтерминал аэропорта Маккарран. Мы сели в самолет. Туда же погрузили багаж. Это был маленький частный самолет. Я не очень-то люблю летать, но внутри было очень здорово. Мы сидели в салоне, пристегнули ремни и готовились к взлету. Заработали двигатели, а затем внезапно все затихло. Капитан самолета сообщил по интеркому, что у них возникли какие-то технические проблемы. Прошло 45 минут. Затем ко мне подбежал Принс:

– Билл, папа хочет с тобой поговорить.

Я встал и пошел к креслу мистера Джексона. Он спросил:

– В чем проблема? Почему мы до сих пор не взлетели?

Я отправился в кабину пилота. Тот пояснил, что у них что-то сломалось, какой-то предохранитель, и они ждут, когда привезут запасную деталь. Я передал его слова мистеру Джексону. Ему это не понравилось.

– Ну уж нет, – сказал он, – скажите ему, что мне нужен другой самолет. Я не повезу своих детей этим самолетом. Если с ними что-то случится, я потеряю все, что у меня есть.

Я снова пошел к пилоту и сказал ему, что клиенту нужен другой самолет. Он ответил, что до завтрашнего дня он не сможет достать нам другой.

– Отлично, полетим завтра, – сказал мистер Джексон.

Мы позвонили Джавону, чтобы он забрал нас, провели в Вегасе еще одну ночь и вернулись в аэропорт на следующий день. Нас посадили в новый самолет, и мы наконец-то вылетели. В этот раз все прошло гладко. Детвора бегала по проходам, словно для них это привычное дело. Мистер Джексон сидел в хвосте салона, слушал музыку, немного спал. Его кресло было разложено, спинка откинута. Он выглядел расслабленным.

Когда мы приземлились в аэропорту имени Даллеса, я выглянул в иллюминатор и увидел пять внедорожников. Охрана, которую наняла Раймона, уже ждала снаружи. Я подошел к ним, представился. Затем вывел Грейс с детьми и посадил в машину, а уж потом – мистера Джексона. Остальные занимались нашим багажом. Мы уже были готовы отъехать, как я увидел стюардессу, выбежавшую с самолета и махавшую нам:

– Вы забыли собаку!

Я побежал обратно, чтобы забрать Кению, и когда я вел пса вниз, машины вдруг отчалили без меня. Просто уехали и оставили меня возле самолета. Кортёж отъехал буквально на 50 метров и остановился. Мистер Джексон высунулся в окно:

– Билл, что ты делаешь?

– Я забираю собаку, сэр! – крикнул я ему. Я добежал до машин, запрыгнул в одну из них вместе с собакой, гадая, что только что произошло.

Дорога из аэропорта до Goodstone Inn заняла примерно 45 минут. Поместье состояло из нескольких построек, разбросанных по территории, среди них и главный особняк, в котором поселили мистера Джексона и детей. Вокруг были домики поменьше, где должны были жить мы с Грейс и охрана.

Когда мы подъехали к дому, Раймона и десяток людей, прислуга и горничные, стояли на подъездной дорожке в ряд, для приветствия. Словно мы привезли им особу королевской крови. Я знал, что мистеру Джексону это не понравится. Он не хотел никаких торжественных встреч. Он вообще не доверял незнакомцам. Машины остановились, я вышел и подошел к его машине. Он сказал то, что я и ожидал от него услышать:

– Билл, кто все эти люди? Зачем Раймона все это устроила?

– Понятия не имею, сэр.

– Я не хочу, чтоб они здесь стояли. Избавься от них.

Я пошел к Раймоне:

– Босс не хочет, чтоб все эти люди стояли здесь.

Она сказала им несколько слов, и они стали исчезать. Мистер Джексон отвел меня в сторонку и спросил, привез ли я с собой сканер для обнаружения «жучков». Он хотел, чтобы я проверил, нет ли в доме скрытых камер или еще чего-то. Он также велел поменять замки в его комнате и комнате детей.

Поскольку мы только что прибыли, горничные еще сновали по дому, заправляли кровати. Мне пришлось попросить их всех уйти. А затем стал проверять все комнаты по очереди со сканером в руках и наушниками на голове. Кажется, эти люди решили, что я сошел с ума.

Раймона нашла меня в одной из комнат:

– Билл, что происходит?

– Я должен проверить дом.

– О, не стоит беспокоиться. Здесь все чисто.

– Вы сами хотите сказать это мистеру Джексону? – переспросил я.

Она помолчала с минуту:

– Ладно, сканируй.

У меня ушел час, чтобы все проверить. Я ничего не обнаружил. Мы наконец-то обустроили детей в их комнатах, отвели мистера Джексона в его спальню и принесли багаж, все его личные вещи. Едва мы остались одни в его комнате, он сказал мне:

– Билл, ты видел, что случилось в аэропорту? Мне пришлось приказать им остановить машину. Они попытались оставить тебя там.

Меня это беспокоило с момента отъезда из аэропорта. Я хотел верить, что это была случайность, но к тому времени я стал понимать его паранойю и причины ее появления. Я уже начал вникать во все эти конфликты и противоречивые планы людей в его мире. В Вегасе, что бы ни происходило между Раймоной и Греггом, я старался оставаться в стороне. Я выполнял свою работу и все. Но теперь, когда у меня был такой доступ к мистеру Джексону, мне волей-неволей приходилось во всем этом как-то участвовать. Поскольку на кону стояли многомиллионные сделки, люди старались отпихнуть меня в сторону, чтобы добиться желаемого. Не знаю, передалась ли мне его паранойя, но чем больше я думал об этом инциденте, тем больше мне все это не нравилось. Мистер Джексон тоже это заметил, но постарался успокоить меня:

– Не переживай, я скоро внесу кое-какие изменения.

Что бы это ни значило.

Обустроив его, я спросил у охранников, где я буду жить. Они сказали, что поселились в доме по соседству, а мой дом – дальше вдоль дороги. Мне это не понравилось, но я не хотел поднимать волны, поскольку все еще наблюдал. Было уже поздно, около полуночи. Я отправился к себе в комнату, позвонил Джавону и рассказал ему обо всем, что случилось днем. Он тоже бесился, так как до сих пор торчал в доме на Монте-Кристо безо всякой информации о том, вернемся ли мы туда или нет. И вернемся ли мы в Вегас вообще.

Внезапно мистер Джексон вызвал меня и сказал, что ему нужен врач. То есть, прямо сейчас. У него болело запястье, он недавно упал в своей студии в Вегасе, и теперь травма его сильно беспокоила. Я не знал о его травме, он никогда не говорил мне об этом. Я связался с Раймоной и объяснил, что мистеру Джексону нужен доктор.

– Что, прямо сейчас? – удивилась она.

– Да, прямо сейчас.

– Вряд ли мы сумеем найти доктора в такое время.

Я передал ее ответ мистеру Джексону, а он спросил:

– А почему я не могу поехать в обычную больницу?

Ого, да он на полном серьезе. Раймона переговорила с кем-то и нашла ближайшую больницу в 45 минутах езды от дома.

– Окей, – сказал мистер Джексон, – поехали туда.

И мы поехали. Нас везла местная охрана.

Не скажу, что от вида этой больницы меня бросило в дрожь, но это была типичная сельская больничка в глуши. Поздняя ночь, в приемной несколько пациентов. Я отправился туда первым, отвел доктора в сторонку и объяснил ситуацию. Нет проблем, сказал он. Я привел мистера Джексона, ему сделали рентген, он немного поговорил с врачом. Ему на запястье наложили шину и выписали рецепт на какое-то обезболивающее. Мы пробыли там часа полтора. Утром я попросил одного из охранников отвезти меня в город, купил в аптеке лекарство по рецепту и отдал его мистеру Джексону.

Эта ферма была огромной. Там были олени, коровы, лошади. Достаточно было выйти из дома, чтобы увидеть их. Но даже на таких просторах ребята Раймоны не могли дать мистеру Джексону достаточно свободного пространства. Они парковали свои машины прямо у него под домом. Он любил гулять с детьми по утрам, наслаждаясь природой, но стоило им выйти из дома, эти охранники вылезали из машин и шли за ними. Я бы отошел подальше и не мешал. Но они не умели так работать. Мистер Джексон подозвал меня и сказал:

– Билл, я не хочу, чтобы они торчали у меня под домом. Скажи им, пусть паркуются где-нибудь в другом месте.

Я сообщил им:

– Мистер Джексон считает, что вам не следует парковать машины так близко к его дому. Он бы хотел, чтобы вы отогнали транспорт подальше.

Они не обратили на меня никакого внимания и остались под домом. Мистер Джексон перезвонил мне:

– Билл, разве я не говорил, чтоб эти парни не ставили машины рядом с домом?

– Это люди Раймоны, сэр, – ответил я. – Они не слушают меня.

По его голосу я слышал, что он рассержен. Мне эти ребята тоже не очень нравились. У нас были с собой беспроводные камеры, которыми мы пользовались, когда мистер Джексон останавливался в отеле. Мы устанавливали их возле двери в его комнату, чтобы следить за коридорами и персоналом. Я взял две камеры и установил их над дверью в дом мистера Джексона так, чтобы охрана не знала. Таким образом, я мог наблюдать за ними.

Тем временем, Раймона перезвонила мне и сообщила, что они не будут продлевать аренду дома на Монте-Кристо. Она не сказала, поедет ли мы потом в какой-то другой дом в Вегасе или еще куда. Она просто дала понять, что все вещи из дома нужно собрать и отвезти в хранилище. Я позвонил Джавону и рассказал ему, что ему нужно нанять людей и начать все паковать. Я собирался поручить ему заняться этим самостоятельно, но тут снова встрял мистер Джексон:

– Билл, я хочу, чтобы ты вернулся в Вегас и помог Джавону. Вы должны убедиться, что все мои вещи будут в сохранности. А потом вы оба прилетите ко мне сюда.

Мне не хотелось оставлять его.

– Мы не знаем этих ребят, – сказал я ему. – Я не доверяю им.

– Билл, у меня всю жизнь были охранники. Не волнуйся, со мной все будет хорошо.

– Вы уверены?

– Конечно. Мне нужно, чтобы ты поехал, поскольку я хочу попросить тебя об одной услуге. Это очень важно. Я хочу, чтобы ты кое-что привез мне оттуда. В моей спальне

слева от двери есть гардеробная. Внутри – потайная дверца. За ней ты найдешь серебристый чемоданчик. Я хочу, чтобы ты привез его мне.

Я поразмышлял над этим с минуту, гадая, скажет ли он, что в чемоданчике. Он не сказал. Мне не хотелось наседать, но мне нужно было хотя бы приблизительно знать, что я повезу. Я спросил его, можно ли сдать этот чемоданчик в багаж в аэропорту.

– О, нет, – отреагировал он. – Ты должен все время держать его при себе.

На следующий день я договорился с Раймоной и вылетел в Вегас, чтобы упаковать его вещи.

Джавон:

В доме царил полный бардак. Множество различных повреждений. Стены изрисованы цветными карандашами – определенно, работа Бланкета. В комнате мистера Джексона горами лежали письма поклонников и книги. Повсюду стояли неразобранные коробки с вещами.

Хорошо хоть с мебелью возиться не довелось, дом был полностью меблирован, когда мы въехали. Но он успел закупить массу барахла. Самой серьезной проблемой была библиотека. Книг было какое-то невероятное количество. А еще горы подарков и открыток, которые он получил от поклонников, целые ящики всего этого добра. Нас было десять человек, и мы с утра до ночи занимались упаковкой вещей, сворачивали раскладной танцпол в студии, разбирали батут на заднем дворе, отключали все оборудование, все штучки, которые он купил в магазине электроники The Sharper Image. Он обожал этот магазин и различные технические новинки.

Когда я паковал вещи из кухни, то обнаружил в кладовке соус табаско. Просто *дохренища*. Множество полок, битком набитых этими бутылочками, должно быть, их там было несколько сотен. Я не верил своим глазам. Когда я их увидел, то сразу вспомнил все случаи, когда мы ходили в кино, забывали этот соус, и как мы с Биллом носились по окрестностям будто сайгаки, ища ему этот соус. А здесь, в кладовке, у него были целые соусные залежи. Так почему же он не брал его отсюда?

Билл:

Помню, как Джавон позвал меня через весь дом:

– Билл! Иди сюда, ты просто не поверишь!

– Чего?

– Просто зайди на кухню.

Я зашел и заглянул в кладовку. И увидел там весь этот соус. Опять-таки, видишь подобное и начинаешь раздумывать, что это и зачем.

Как только риэлторы узнали, что мистер Джексон не собирается возвращаться в этот дом, они разозлились. В тот же вечер мне позвонила Раймона и сказала, что все вещи мистера Джексона должны быть собраны до пяти вечера следующего дня, а иначе он потеряет залог в 50 тысяч. И добавила еще, что если мы не успеем, она обязательно расскажет мистеру Джексону, что именно из-за нас он потерял свои деньги. Будто бы это мы были виноваты в том, что у них тут все через задницу. Я знал, что нам придется приехать туда ни свет ни заря и просто свершить очередное чудо.

Джавон:

В Вегасе есть хранилище All Storage. Огромное. Мы арендовали у них самые большие боксы, куда можно было запихнуть целый дом. Мы загнали туда наш трейлер, «бентли» и «роллс-ройс». У нас ушло два полных дня, мы возились там группой из десяти человек, но все-таки успели вовремя. Теперь у нас было пять боксов, набитых вещами. К концу мы валились с ног от усталости.

Билл:

Я сразу же забрал из гардеробной тот серебристый чемоданчик и все время держал его при себе. Он был тяжелый. Я отвез его к себе домой и положил на столик в гостиной. Всю ночь я пялился на него. Какой таинственный чемоданчик. Как в шпионских фильмах. Мне страсть как хотелось его открыть, я изнывал от любопытства. В то же время, мне не хотелось участвовать в таких делах, что бы там ни лежало. Однако, поскольку мне придется объясняться со службой безопасности в аэропорту, я решил, что все же могу заглянуть внутрь. Поэтому и открыл его.

Внутри лежали две статуэтки Оскар. Поначалу мне они показались обычными статуэтками. Я же никогда не видел ни одной так близко. Затем я стал рассматривать их и увидел, что на обеих написано «Унесенные ветром». Один Оскар был за лучший фильм. Я погуглил их в Интернете. Эти две статуэтки оказались самыми ценными Оскарами, когда-либо проданными с аукциона. Мистер Джексон заплатил за них 1,5 млн. долларов в 1999 году. Они даже вошли в Книгу рекордов Гиннеса.

Я сидел и тарасился на эти статуэтки. Черт возьми, у меня тут на столике лежит пара миллионов долларов. Я плохо спал, пока они находились в моем доме. У меня в голове все кипело. Для чего ему эти статуэтки? Единственным логическим объяснением было то, что это могло быть обеспечением кредита. Когда он говорил мне про этот чемоданчик, то сказал, что он *нужен* ему, как бы «на всякий случай». С его финансами явно что-то было не в порядке, а эти статуэтки – отличное вложение средств. Да и для чего кому-то могли понадобиться Оскары за «Унесенных ветром» на конной ферме в Вирджинии? Я решил, что получу объяснения, когда вернусь.

Раймона должна была устроить мой перелет в Вирджинию, но из ее офиса мне так и не перезвонили. Секретарь повторял мне: «Ее нет на месте. Я скажу ей, что вы звонили». Но она не перезванивала. Так прошло два дня. Я позвонил мистеру Джексону, сообщил ему, что в Вегасе мы закончили все дела, а потом мы немного обсудили охрану Раймоны. В его голосе слышалось беспокойство.

– Когда я гуляю с детьми, они постоянно называют Раймоне. Они докладывают ей о каждом моем шаге. Мне это не нравится. Ты же знаешь, я этого не люблю.

Ему казалось, что они все время его фотографируют.

– Я не доверяю этим ребятам. Когда ты вернешься? Ты же полетишь самолетом, да?

– Да, сэр. Я пытаюсь. Но Раймона мне так и не перезвонила.

Он велел мне связаться с Греггом Кроссом, но я не стал это делать. Мне не понравились эти нотки в голосе мистера Джексона, когда он спрашивал о моем возвращении. Я чувствовал, что он тревожится, ведь его детей окружают люди, которым он не доверяет. Когда я находился при нем, он говорил «мне нужно то-то и то-то», и я выполнял. Но теперь я застрял здесь и не мог сотворить очередное чудо. Меня это расстраивало. Поэтому я принял решение. Я отправился к Джавону:

– Знаешь, что? Мы сделаем то, что должны. Мы поедем машиной.

Он поддержал меня:

– Чувак, я с тобой.

Мы взяли оба внедорожника мистера Джексона, погрузили вещи и выехали. Ехали по 16 часов в сутки. Ночевали в мотелях, вставали в 5:30 утра и ехали дальше. Я так и не сказал мистеру Джексону, как мы доберемся до Вирджинии. Я просто дал ему понять, что решу этот вопрос. Мы были в дороге уже сутки, как мне перезвонила Раймона и начала извиняться:

– Ой, прости, я никак не могла с тобой связаться. Мы тут решали всякие финансовые вопросы. Давай-ка я дам тебе данные по авиарейсам.

Она еще не знала, что мы уже в пути. Я вел машину и говорил ей:

– Да-да, конечно. Звучит неплохо.

С меня довольно. Инцидент в аэропорту, все эти новые люди, попытка держать меня в неведении и не говорить, как я полечу обратно. Я знал, что когда мы приедем туда с машинами мистера Джексона, и она узнает об этом, будет скандал. Но мы не собирались сидеть сложа руки. Поэтому сели за руль и выехали.

Отчасти это было из-за нашей преданности мистеру Джексону. Это серьезный мотивирующий фактор. Но отчасти мы так поступили потому, что больше не собирались позволять этим людям так с нами обращаться. Мы отвечали за безопасность и благополучие этого человека и его детей. Это профессиональная ответственность, и мы серьезно к ней отнеслись. Поэтому, когда она попыталась оттеснить нас в сторону, я решил – негушки. Этого не будет. Я не позволю этому случиться. Мы это так не оставим.

Городок Миддлбург в штате Вирджиния, расположенный в часе езды от Вашингтона, давно является любимым местом уединенного отдыха для представителей элиты с восточного побережья. Холмы, окружающие деревушку, усыпаны фермами и загородными поместьями, жители которых развлекаются охотой на лис и скачками с препятствиями. Рекламные материалы этой местности с гордостью именуют ее «Национальной столицей конного спорта и охоты».

Примерно в десяти минутах езды от Миддлбурга расположено поместье Goodstone Inn, которое Майкл Джексон выбрал для своего летнего отдыха. Когда-то здесь была плантация. 640 акров полей и лесных массивов, обрамленных красивой извилистой бухтой. В центре комплекса расположен бывший каретный сарай, принадлежавший некогда хозяину плантации. Теперь в нем обустроили ресторан и главные офисы. По всей территории фермы разбросаны домики и коттеджи, отреставрированные и превращенные в гостевые блоки. Певец и его дети разместились в крупном особняке Manor House с четырьмя спальнями в северной части комплекса.

Для Майкла Джексона самым лучшим в этом поместье была не роскошная обстановка, а то, что ему удалось исчезнуть. Когда он покинул дом на Монте-Кристо, в местных газетах написали, что он переехал в другой особняк в Вегасе. Ходили слухи, что, возможно, он полетел куда-то на восточное побережье. По всему округу Колумбия то здесь, то там всплывали сообщения, что кто-то видел его, но никому так и не удалось обнаружить, где именно он находится. Он исчез с радаров, и это наконец-то позволило ему расслабиться и провести время с семьей.

Билл:

Мы добрались до Миддлбурга примерно в половине двенадцатого ночи. Я никогда не стал бы беспокоить мистера Джексона в такой час, но тут я все же перезвонил ему и сообщил, что мы прибыли.

– О, вы вернулись? Прекрасно. Как долетели?

– Мы не летели самолетом, сэр. Мы приехали машинами. Заодно пригнали ваши автомобили сюда.

– *Машинами?* Вот это да! Здорово!

Джавон:

Утром мы приехали к дому. Охрана Раймоны торчала в своих машинах. Когда они увидели меня и Билла, то определенно не обрадовались. Мы зашли в дом. Мистер Джексон позвал детей:

– Смотрите-ка, кто вернулся!

Дети кинулись к нам обниматься:

– Ура, Джавон, ты вернулся! Мы соскучились!

– Я тоже скучал, ребята.

Это было правдой. Я волновался за них.

Билл:

Мы привезли детям массу их любимых игрушек, которые они оставили в Вегасе, нескольких кукол Пэрис. Они очень обрадовались. Серебряный чемоданчик был со мной. Я хотел как можно скорее избавиться от него. Все утро я думал, что мистер Джексон,

должно быть, очень обрадуется, но когда я протянул ему чемоданчик, он повел себя так, словно это не имело никакого значения. Просто взял его и отложил в сторону. Даже не проверил содержимое.

Мы обсудили нашу поездку. Я рассказал ему, как принял решение ехать машиной, когда Раймона не перезвонила мне. Это рассердило его до предела.

– Эти ребята все передают ей. Я попросил их, чтобы они отвезли меня в город за журналами, и они постоянно названивали ей и рассказывали, где я и чем занят.

Теперь, когда мы доставили сюда машины мистера Джексона, он решил, что люди Раймоны нам больше не нужны.

– Передай ей, что я их увольняю.

Я не хотел говорить ей это. Действительно не хотел. Я знал, что она взбесится, ведь я нарушил все ее планы. Поэтому, когда он попросил меня связаться с ней, я заколебался. Он спросил:

– Хочешь, чтобы я сам сказал ей?

– Да, сэр, так было бы лучше.

– Хорошо, я скажу.

Джавон:

Мы наблюдали, как ее люди покидали дом. Они уходили с высоко задранными носами. Я попытался поговорить с ними, но они даже не стали мне отвечать. Просто собрали все свои вещи и уехали. Мы с Биллом вселились в дом, где они жили, и вернулись к работе. Вот так просто.

Билл:

Впереди было празднование Дня независимости. По всей округе вдоль дорог продавались фейерверки. Мистер Джексон непременно хотел прикупить побольше, и я поехал за фейерверками. Набрал их долларов на пятьсот. В ночь четвертого июля и несколько последующих ночей мы видели, как мистер Джексон с детьми запускали ракеты и римские свечки в полях. Их было видно даже из нашего домика.

Джавон:

По большому счету, они особо ничем не занимались. Дети играли рядом с домом, а мистер Джексон отдыхал внутри. Мы питались в ресторане, в течение дня патрулировали территорию, за всем следили, ездили с поручениями или планировали вылазки в город, если он хотел куда-то поехать.

Билл:

Персонал в Goodstone Inn дал нам список различных достопримечательностей в этом районе, куда можно было бы свозить детей. В округе находилось несколько памятных мест, связанных с гражданской войной, там проводили экскурсии. Неподалеку располагался и парк развлечений Hersheypark. Он тоже был в списке, наряду с полетами на воздушном шаре. Когда я просматривал список, то решил, что полет на воздушном шаре ни за что не заинтересует Мистера Джексона. Выяснилось, что это было первым, что он выбрал из этого списка. Он позвонил мне и сказал, что хочет прокатиться на воздушном шаре с детьми. Я едва верил своим ушам. Я повернулся к Джавону:

– Полет на воздушном шаре? Он ведь знает, что черные братишки этого не делают?

Джавон:

Билл ясно дал понять, что ни в жисть не сядет в эту корзину. Я тоже не собирался туда лезть. Ни за что. Не-а. Никто из нас не хотел туда, но кто-то должен быть с мистером Джексоном. Оставшееся время до поездки мы гадали, кому же из нас выпадет эта нелегкая доля. Кому-то придется подчиниться.

Билл:

Нам пришлось выехать из дома в полшестого утра, чтобы добраться до места запуска к половине седьмого. Полетами на воздушном шаре заведовала семейная пара. Как обычно, они не знали, кого повезут. Они думали, что это обычные туристы с детьми. Мы прибыли, и они принялись объяснять детям, как работает воздушный шар, как нужно вести себя в гондоле и все такое. Для семьи даже организовали небольшой завтрак перед полетом.

Когда пришло время взлета, дети были так возбуждены, что лезли в гондолу наперегонки. Их лица украшали широченные улыбки. Мы с Джавоном, переминаясь с ноги на ногу, стояли поодаль, и мистер Джексон спросил:

– Ребята, а вы что, не полетите?

Я посмотрел на Джавона, типа – думаю, Джавон полетит, сэр.

– Не-не, – сказал Джавон, – мне и на земле хорошо.

Воцарилась неловкая пауза. Мистер Джексон улыбнулся:

– Парни, вы боитесь, что ли?

Я не собирался говорить ему, что до смерти боюсь летать на этом чертовом шаре.

– Нет, мы не боимся. Ну, это просто... знаете...

– Да ничего страшного, если боитесь. Просто так и скажите.

– Не-не. Не боимся. Ну просто, как бы... мы того... не очень...

– Ладно, – отмахнулся он, – почему бы вам не остаться здесь и не поехать за нами машиной? Думаю, мы и сами справимся.

– Прекрасная мысль, сэр. Мы будем наблюдать за вами с земли.

И мы поехали за шаром на машине. Они поднялись довольно высоко. Стоял чудесный летний день, ветра почти не было. Но я все равно радовался, что мне не пришлось быть там, наверху.

Когда они приземлились, мистер Джексон подошел ко мне:

– Билл, парень, который управлял шаром... Мне кажется, он нас сфотографировал.

Порой казалось, что он слишком уж усердствует в своей подозрительности. Иногда так и было. Но чаще всего оказывалось, что он прав. Я пошел к тому парню и попросил у него телефон. У него оказался один из новых айфонов. Я пролистал фотки. Естественно, парень пытался их сфотографировать втихаря. Ему удалось заснять только затылок Бланкета, но мистер Джексон терпеть не мог какое бы то ни было вторжение в их жизнь. Даже на отдыхе он никому не доверял. Фотографию я удалил.

Джавон:

Прятать Майкла Джексона в Лас Вегасе – это одно. Город буквально создан для этого. Там множество закрытых домов с охраной, рестораны с закрытыми залами для высоких гостей, которые желают ужинать в уединении. Но передвигаться с ним по сельской местности в Вирджинии – это совершенно другое. Он не вписывался в это окружение. Да и мы не особо вписывались.

Билл:

Однажды он захотел поехать в супермаркет Walmart за покупками. Мы поехали вдвоем. Джавон остался с детьми. Мы пришли в магазин, на мистере Джексоне был шарф, закрывавший лицо, он был одет во все черное. Он зашел первым, а я держался в нескольких шагах позади в гражданском. На входе стоял пожилой охранник. Мистер Джексон прошел мимо него с этим шарфом на лице, и охранник внимательно посмотрел ему вслед. Я услышал, как он сказал кому-то:

– Видели того парня? Он так одет, будто собирается ограбить магазин.

Мистер Джексон взял тележку и пошел вдоль стеллажей, рассматривал товары, просто вел себя как обычный покупатель. Мы находились там уже минут двадцать, когда я услышал звуки рации и увидел, что к нам приближается полицейский. Память об инциденте в Вегасе была еще свежа, и я подумал: «Вот черт. Опять!»

Полицейский подошел к мистери Джексону и что-то сказал ему. Люди стали останавливаться и пялиться в их сторону. Я приблизился к копу и попытался вмешаться со своей обычной речью насчет высокопоставленной особы, мол, я личный телохранитель, блаблабла. Мне совсем не хотелось повторения истории в волшебной лавке. И я не хотел говорить, что это Майкл Джексон, но коп давил на меня.

– Да кто это такой?

И тут мне в голову пришла идея. Я ответил:

– Это Принц.

– Кто?

– Принц.

– Тот чувак, который снимался в «Пурпурном дожде»?

– Он самый, сэр.

– А почему он закрыл лицо?

– Он не хочет, чтобы его узнали.

– О... А мы думали, он собрался грабить магазин.

– Нет, сэр. Мы просто пришли за покупками.

Полицейский передал эту информацию другому полицейскому, а тот рассказал менеджеру, и едва люди услышали, то стали расходиться. Если бы это был Майкл Джексон, уже набежала бы толпа. А Принц... Людям было плевать. Ну, просто так вышло.

Когда мы вернулись к машине, мистер Джексон спросил:

– Что там произошло?

– Я сказал им, что вы – Принц.

– Принц?

– Ага.

Он расхохотался:

– Неудивительно, что они так быстро разошлись.

Джавон:

Раз в неделю детям разрешалось выбрать, куда поехать на прогулку. Одним из их любимых мест был семейный развлекательный центр-ресторан Chuck E. Cheese's. Поскольку Миддлбург располагался у черта на куличках, то ближайший такой центр мы нашли в 45 минутах езды от дома, в Александрии (южная часть округа Колумбия). Мы возили туда детей раза три. Дважды Билл и мистер Джексон оставляли меня и Грейс там

вместе с детьми и ехали за покупками, пока дети развлекались. Но в этот раз мистер Джексон тоже захотел пойти с ними и посмотреть, как они играют там. Сперва я завел внутрь детей. Мистер Джексон зашел следом минут через десять в сопровождении Билла.

Дети играли, а мистер Джексон сидел в уголке, низко надвинув на лоб шляпу и закрыв лицо черным шарфом. Дети знали, что если они с папой находятся на людях, то им нельзя подбегать к нему. Это против правил. Можете себе представить, каково это для детей – не приближаться к своему родному отцу, когда он сидит в другом конце комнаты? Это было очередной мерой предосторожности, как и кодовые имена. Но Пэрис... Она обожала своего папулю. Ей невозможно было приказать: «Не разговаривай со своим папой». Она не хотела с этим мириться. Она забиралась на горку и визжала: «Папочка, папочка, смотри! Папочка! Я сейчас поеду вниз! Смотри!»

Я несколько раз напомнил ей, что так нельзя, но она была в таком возбуждении, что все равно забывала правила. Я не особо волновался. В помещении находилось множество отцов с детьми. Она могла кричать это кому угодно. Но через пару минут она стала играть с какой-то девочкой в большом бассейне, наполненном пластиковыми шариками, потом вдруг выскочила оттуда, кинулась к отцу, обняла его, а затем стянула с него шарф, чтобы поцеловать его в щеку. И побежала обратно.

Малышка, с которой играла Пэрис, внимательно следила. Она стояла посреди этого моря пластиковых шариков с изумленным выражением лица, уставившись на человека в шарфе. Она словно перестала дышать. Но спустя мгновение она пришла в себя, указала на него пальцем и завопила:

– Мама! Мама, это Майкл Джексон! Мама, там Майкл Джексон! Майкл Джексон!

Билл:

В комнате воцарилась тишина. Все головы повернулись в ту сторону. Мистер Джексон вскочил на ноги и быстро вышел за дверь. Он не бежал, просто быстро шел, но было заметно, что он торопился. Я пошел следом, велел Джавону остаться с детьми. Когда я вышел на улицу, мистер Джексон уже подбежал к нашей машине, но не мог открыть ее, поэтому присел между машинами, чтобы его не было видно. Я подошел к нему.

– Билл, открой мне дверь.

Но я не мог открыть ее. Ключи были у Джавона. Я стоял у дверцы со стороны водителя и тут увидел, как он побежал прочь от машины вдоль по улице и быстро завернул в магазин. Я нервничал, все время оглядывался, боясь, как бы люди не понеслись за ним. Но, что странно, за нами никто не пошел.

Джавон:

В ресторане люди все еще оглядывались, переговариваясь между собой. «Майкл Джексон? Она сказала – Майкл Джексон? Да ну. Не может быть». Сцены не последовало, поскольку никто не поверил. Да и кто бы мог предположить, что Майкл Джексон торчит в Chuck E. Cheese в Вирджинии в рабочий день? Бедная малышка, все решили, что она все выдумала, но она-то точно знала, кого видела. Она все повторяла это своей матери. Наконец, она решилась подойти к Пэрис и спросить:

– Твой папа – Майкл Джексон?

– Ага, как же... Если бы! – ответила Пэрис.

Быстро сообразила.

Билл:

Как-то раз мистер Джексон позвонил мне:

– У Пэрис есть к тебе небольшая просьба. Ты не мог бы зайти в дом?

Я отправился к ним. Пэрис сидела рядом с папой. Он слегка подтолкнул ее:

– Ну, иди же, попроси.

Пэрис сказала мне:

– У Принса есть Кения, но он не дает мне играть с ним. Поэтому мне бы очень-очень хотелось котеночка...

Котенок? Да кто же покупает котенка во время путешествия? Но у Пэрис были огромные зеленые глаза, и она так смотрела на меня, что я не мог отказать ей. Да и поехать купить какого попало котенка я тоже не мог. Мистер Джексон утверждал, что лучше взять котенка из приюта, это важно, потому что нужно помогать всем брошенным животным. Я отправился к Джавону:

– Чувак, нам надо найти котенка.

Мы полезли в интернет и стали искать. В Шантильи, небольшом городке на границе с округом Колумбия, был зоомагазин, в 45 минутах езды. У них был и приют для животных, которым искали новых хозяев. Я распечатал цветные фотографии всех имевшихся у них котят, должно быть, их было около сотни, и отнес все это Пэрис:

– Вот, посмотри, может, тебе понравится какой-нибудь из них.

Через час она перезвонила и сказала, что ей понравился маленький коричневый котенок с белыми полосками.

На следующее утро я выполнил несколько поручений, позавтракал и отправился за котенком. Поздновато выехал, конечно. Но когда я добрался до зоомагазина, мне сказали:

– Простите, сэр, этого котенка уже забрали.

Кто-то взял его всего день назад, и вебсайт еще не успели обновить.

Пэрис трезвонила мне, расспрашивая, взял ли я котенка, и добавила:

– Пожалуйста, купи побольше игрушек и еды!

Она была так взволнована. Я слышал нетерпение в ее голосе. Она так ждала этого котенка, и я знал, что не могу вернуться и сказать ей, что котенка нет. Я посмотрел на остальных котят, надеясь, что среди них окажется похожий, но нет. Тогда я обратился к продавцу:

– Послушайте, моя дочь очень-очень хочет именно этого котенка. Я бы хотел знать, кто его взял.

Он ответил, что не имеет права давать такую справку.

– Ну, может, вы можете перезвонить ему и дать мой номер? – упрасивал я. Продавец поискал и сказал, что у него есть только адрес. Я умолял дать его мне, говорил, что собираюсь предложить этому человеку больше денег. Наконец, он сжалился и дал мне адрес. Я забил его в навигатор и увидел, что это в часе езды. Черт с ним. У меня боевое задание. Я сел за руль и поехал туда.

Хозяином котенка оказался одинокий пожилой мужчина. Немного странноватый. Я объяснил ему ситуацию. Кажется, он был не особо привязан к этому котенку, поскольку тот пробыл у него всего сутки.

– Мы можем как-нибудь договориться, чтобы я мог забрать у вас этого кота?

- Ну, вы можете просто возместить мне его стоимость, – ответил он.
– А сколько вы заплатили?
– Двадцать пять баксов.

Я дал ему триста долларов наличкой. Из своих личных денег. Схватил этого кота, запрыгнул в машину и понесся обратно в Goodson Inn. Я отсутствовал уже больше двух часов, и телефон просто разрывался. Пэрис наяривала мне:

- Ты уже близко? Ты подъезжаешь? Когда ты приедешь?

Она звонила так часто, что я перестал брать трубку. Наконец, я подъехал к дому. Она, должно быть, высматривала меня из окна: едва я остановился, она выскочила мне навстречу с улыбкой от уха до уха, выхватила котенка у меня из рук и кинулась обратно в дом.

Я стал садиться в машину, но тут она выбежала ко мне снова:

- Билл! Билл!

Я остановился, она взобралась на подножку и поцеловала меня в щеку:

- Спасибо, что привез мне Кэти!

Раз это принесло ей столько счастья, значит, все мои усилия были не напрасны.

Джавон:

Самым большим сюрпризом для детей стало трехдневное путешествие в округ Колумбия. Мистер Джексон хотел, чтобы мы посетили Смитсоновский институт и зоопарк. Мы договорились с музеем и зоопарком об утренней экскурсии, до открытия. Мы побывали в музее космонавтики и авиации, в музее естествознания и истории американских индейцев, а затем отправились в зоопарк.

Билл:

Охрана зоопарка провела нас по территории. Один из главных смотрителей устроил нам экскурсию. Там был и какой-то представитель муниципалитета округа Колумбии. Все это устроила Раймона, у которой была масса связей в политических кругах.

Нас возили по всему зоопарку, к обезьяннику, к террариуму с рептилиями. Самое смешное, что у мистера Джексона был свой собственный зоопарк, и наблюдать за этим было забавно. Мы подходили к какому-нибудь вольеру, например, с тиграми, и мистер Джексон начинал беседовать со смотрителем о тигриных заповедниках и инициативах по их размножению, о том, как за ними надо ухаживать в неволе. Смотритель спрашивал, не хотим ли мы пойти посмотреть на такое-то животное, а мистер Джексон отмахивался:

- Нет, этих не хочу. У меня их полно.

Кажется, смотритель пребывал в растерянности, мол, для чего я вообще здесь? Может, пусть сам проводит экскурсию?

Джавон:

Мы подошли к вольеру гиппопотама, Билл шел чуть впереди с мистером Джексонем, Принсом и Пэрис. Они посмотрели на гиппопотама и пошли дальше, а я с Бланкетом отстал. Он был немного возбужден, уж очень ему понравился этот гиппопотам. Он решил, что это самый классный зверь на свете. У Принса уже была собака, Пэрис только что получила котенка, и Бланкет тоже хотел себе домашнего любимца.

- Папа, а я хочу такую зверушку!

Все рассмеялись, включая зрителя. Но я знал, что малыш не шутит. Если бы они еще жили в «Неверленде», думаю, покупка гиппопотама не считалась бы чем-то несбыточным. Поскольку нам доводилось сталкиваться и не с такими просьбами, я уже ждал, что сейчас мистер Джексон скажет мне: «Эй, ребята, найдите Бланкету гиппопотама». Но мистер Джексон начал шутить с ним:

– Ну, это мы еще посмотрим.

Зритель сказал Бланкету, что, раз ему так понравился гиппопотам, то он может покормить его. Ему дали несколько яблок, и он попытался бросить их в вольер, но не мог достать до верха перил. Я приподнял его, чтобы он мог дотянуться туда. Когда он побросал яблоки гиппопотаму, я поставил его на землю и повернулся, чтобы идти за остальными. Не то чтобы я выпустил его из поля зрения, но в следующую секунду он уже забирался обратно на ограждение, пытаясь добраться до перил, чтобы бросить в вольер еще несколько яблок. Он поскользнулся и пытался подтянуться на перилах. С другой стороны вольер был довольно глубоким, метра четыре. И в голове у меня уже промелькнула эта картина. Я видел заголовки: «Сына Майкла Джексона сожрал гиппопотам». Я ухватил его за футболку:

– А ну-ка слезай вниз, пока тебя не слопали, а я не потерял работу.

Билл:

Если бы Бланкет упал туда, нам бы пришлось пристрелить этого гиппопотама.

Джавон:

Были дни, когда мистер Джексон просто хотел покататься с детьми по окрестностям, полюбоваться природой. Мы садились в машину и катались часами. Даже проехали мимо нескольких полей, где проходили сражения во время гражданской войны. Когда мы проезжали их, мистер Джексон на заднем сиденье рассказывал детям исторические факты. Он показывал им что-то из окна и говорил: «Вот здесь Армия федерации сделала то-то и то-то». Или: «А вот тут были убиты пять тысяч солдат Федерации».

Когда дело касалось истории, он знал все. Принс очень интересовался всем этим, все время задавал вопросы. А Пэрис и Бланкету было неинтересно.

Билл:

Три недели, отведенные на каникулы, пролетели быстро, но мы все равно оставались в Вирджинии. В Вегасе у нас уже не было дома, куда можно было вернуться, и никто не обсуждал переезд. Мы не знали, что сказать своим семьям, нас ведь постоянно спрашивали, когда мы вернемся домой. Мы могли им сказать только одно: что мы живем на конной ферме в Вирджинии. Больше мы ничего не знали.

Нам пришлось купить новую одежду на месте, поскольку мы не брали с собой много вещей. Ему тоже. Он говорил: «Мне нужна детская одежда». Давал нам по комплекту одежды для каждого ребенка, чтобы мы знали размер, и мы ехали за одеждой. Для себя он просил только пижамы. Он – Майкл Джексон. Если его не вынуждают обстоятельства, ничего другого он носить не будет.

Джавон:

Хуже всего дело обстояло с поручениями. В Вегасе он отправлял нас в магазин всякий раз, как ему хотелось чего-нибудь. Он не давал нам списки. Просто отправлял нас за тем, что ему только что пришло в голову. Какой-нибудь гаджет для айфона, что-то вкусненькое, да что угодно. Там это не было проблемой, потому что магазины и

рестораны находились в пяти минутах езды. Но здесь ближайшие магазины были аж в Шантильи. Там был единственный зоомагазин, кинотеатр и Макдональдс. Многие места даже не обнаруживались в навигаторе. Мы с Биллом совершенно не ориентируемся в сельской местности. Каждый раз, как он отправлял нас куда-то, мы ухитрялись заблудиться.

Однажды мистер Джексон позвонил и сказал, что он с детьми смотрит кино, и не могли бы мы купить ему немного настоящего попкорна, как в кинотеатре. Ему нужен был не просто попкорн. Именно тот, который продают в кинотеатре. Среда, почти полночь, и мы незнамо где в лесу. Мы обзвонили все кинотеатры в восточных пригородах округа Колумбия. Они уже закрывались на ночь. Тогда мы взяли справочник и стали прозванивать все прочие места. Наконец, нашли какой-то магазинчик, торговавший попкорном, который можно самому приготовить на плите. Мы понеслись туда, набрали его побольше, поджарили его у себя на кухне и отнесли им в больших мисках.

Наутро мистер Джексон поинтересовался:

– Ребята, а где вы взяли этот попкорн?

Нам пришлось признаться, что это был не готовый попкорн, а тот, который нужно готовить самому. Он расхохотался:

– Если вы не могли найти нормальный попкорн, то не страшно, вам надо было просто сказать мне.

Билл:

Он был большим поклонником «Симпсонов». У него были абсолютно все сезоны на DVD. В то лето, в конце июля, вышел фильм «Симпсоны». Естественно, он тут же захотел его посмотреть. Когда мы приехали в кинотеатр, он увидел огромную рекламную экспозицию фильма в холле.

– О-о-о, Билл, я хочу эту штуку. Достань ее мне.

Наверное, из всех странных просьб, полученных от мистера Джексона, эта точно попала бы в пятерку самых нетривиальных. Экспозиция была огромной. Вся семья Симпсонов была изображена в человеческий рост. И они были тяжелые. Ну и куда мы это денем? Мы не могли отослать эту штуку домой, потому что дома у них не было. Неужели он хочет, чтобы мы собрали ее прямо здесь, у него в доме, из которого мы могли уехать в любой момент? Или он собирался тащить ее с собой в следующий отель? Да и что он будет с ней делать? Без разницы. Он хотел ее получить. Я поговорил с менеджером кинотеатра, и она сказала, что отдаст нам этот стэнд за тысячу долларов наличкой.

Джавон:

Она была такой здоровенной, что не влезала в нашу машину. Нам пришлось нанять фургон. Мы погрузили ее и привезли в Goodstone Inn. Когда мы прибыли, он просиял, как ребенок в рождественское утро. Пока мы втаскивали эту штуку к нему в комнату, он чуть ли не подпрыгивал:

– Парни, вы, наверное, думаете, что я чокнутый, что купил это, но вы можете хотя бы представить, сколько это будет стоить через 20 лет?

Билл:

Когда мы только приехали в Вирджинию, ходили разговоры о том, чтобы обустроить здесь студию звукозаписи, и тогда will.i.am и остальные могли приехать сюда и поработать над Thriller-25. Да-да, этот проект все еще не завершился. Но, как и все остальное, эти разговоры ни к чему не привели. Он не хотел работать и писать музыку,

пока был здесь. Единственное, чем он хотел заниматься – это кинематограф. Он хотел снимать фильмы.

Он мечтал об огромном проекте – фильме про Тутанхамона. Причем, хотел снять его не с живыми актерами, а полностью сделать на компьютере, но не как мультфильмы студии Pixar, а больше как «Аватар», который снимается на фоне зеленых экранов. Он все время говорил об этом в машине.

– Я собираюсь снять фильм о Тутанхамоне. Дети будут от него в восторге.

Он говорил об этом и в Вегасе, но теперь стал увлекаться этим все больше. И вот тогда появился Майкл Амир.

Майкл Амир Уильямс состоял в «Нации ислама». Мистер Джексон познакомился с ним через Фельдмана. Они виделись в Лос Анджелесе, когда он возвращался из Японии. Майкл Амир также учился в школе кинематографии при Южнокалифорнийском университете в Лос Анджелесе. Он тоже мечтал снимать фильмы, поэтому они с мистером Джексонном быстро подружились на этой почве. Пока мы были в Вирджинии, мистер Джексон сказал мне, что Майкл Амир приедет погостить и помочь ему с кинопроектами.

Джавон:

Мистеру Джексону нравился Майкл Амир, и тот стал навещать все чаще. Он прилетал на несколько дней, они работали, а потом он уезжал обратно в Лос Анджелес. Мистер Джексон отправлял нас купить различное навороченное оборудование: ноутбуки с программами для монтажа видео, камеры по 15 тысяч долларов, зеленый экран. Мистер Джексон хотел научиться работать со всем этим. Они устроили в доме целую киностудию. Я порой заглядывал к ним, а они зависали там, снимая небольшие ролики.

В Южнокалифорнийском университете преподавал какой-то профессор, китаец. Он был одним из лекторов на курсе Майкла Амира. Кажется, он слыл экспертом по технологиям анимации. Мистер Джексон организовал им перелет в Вирджинию, чтобы обсудить с ними различные проекты. Они приезжали пять-шесть раз.

Билл:

Майкл Амир был не единственным нашим гостем. Приезжали еще два человека, появление которых очень удивило нас. Через пару недель после нашего прибытия мистер Джексон сказал мне, что к нему скоро приедет друг. Я спросил:

– Я должен проверить этого человека?

– О, нет, – ответил он. – Она нормальная.

Следующие пару дней, пока мы обсуждали предстоящий визит, он называл эту женщину исключительно «Подружкой» (Friend).

Джавон:

Билл сказал мне, что ему надо поехать в аэропорт, встретить кое-кого.

– Кто приехал? – спросил я.

– Леди по имени «Подружка».

– Подружка? Ее так зовут?

– Мистер Джексон ее так назвал.

Я сразу понял, что это необычная ситуация. Если кто-то приезжал, мисс Раймона планировала эти поездки и давала нам инструкции. Мистер Джексон не вмешивался. В

этот раз он сам дал нам всю информацию, номер рейса, отель, куда нужно ее отвезти. Видимо, это означало, что больше никто не должен знать об этом.

Билл:

Мы встретили ее в аэропорту Даллеса. У нее был мой номер телефона, и она позвонила нам из терминала, чтобы договориться о встрече. Говорила она с восточноевропейским акцентом, возможно, немецким. Мы подошли к пункту выдачи багажа, встретили ее и помогли ей погрузить чемодан в машину.

Джавон:

Эта женщина выглядела сногшибательно. У нее были темные вьющиеся волосы, красиво обрамлявшие лицо. Миниатюрная, около 1.60м. Красивое тело. Очень стройная. Однако она почти все время молчала. Мы представились, и она едва сказала пару слов в ответ. Пока мы ехали из аэропорта, она сама позвонила мистеру Джексону со своего телефона: – Я приехала. Ребята везут меня в отель.

Для меня это был еще один знак, что она была важной особой. Он купил новый айфон буквально пару недель назад, и нового номера еще ни у кого не было, поэтому сам факт того, что ей был известен этот номер, дал мне понять, что она была ему очень близка.

Она остановилась в отеле в Шантильи, в 45 минутах езды от нашего дома. Мы устроили ее в номере и уведомили мистера Джексона. Мы с Биллом все гадали, почему она остановилась в отеле, ведь обычно мистер Джексон приглашал гостей остановиться в его доме. Но не в этот раз.

Билл:

Я решил, что все это немного странно. Она жила в том отеле одна. Кажется, она провела в городе два дня в одиночестве, прежде чем мистер Джексон поехал повидаться с ней.

Я возил его на эти маленькие свидания. Поздно ночью, когда дети уже спали, Джавон оставался с ними, а я вез мистера Джексона в этот отель. Мы проскальзывали через заднюю дверь, я вел его в ее номер и ждал снаружи, пока он не позовет. Первый раз он провел с ней часа четыре. Он никогда не оставался на всю ночь, всегда возвращался домой до того, как проснутся дети. И он никогда не показывал эту женщину детям.

На следующую ночь мы тоже ездили к ней, и еще пару раз после этого. В один из вечеров я привез им DVD-плеер и помог подключить. Он сказал, что хочет посмотреть с ней кино. Она провела в городе неделю.

Джавон:

Сначала была «Подружка». А потом появилась «Цветочек» (Flower). Буквально через несколько дней после отъезда Подружки мистер Джексон снова обратился к нам с такой же просьбой. Все было в строжайшем секрете, он ни разу не назвал ее настоящее имя. Она остановилась в другом отеле в Миддлбурге, немного ближе к нам.

Подружка была красоткой. Правда. Цветочек же – ну, так, ничего. У нее были светлые волосы и веснушки. Подружка была экзотичной. Цветочек – обычная девчонка, каких полно вокруг.

Билл:

Цветочек тоже приехала из-за океана, но говорила по-английски без акцента. У обеих были вьющиеся волосы. Я уже знал, что ему нравятся женщины с вьющимися волосами.

Возле дома в Вегасе дежурила фанатка с вьющимися волосами, и он никогда не упускал случая прокомментировать, какая она милашка. Поэтому я решил, что у него такая фишка – кудрявые женщины.

У меня сложилось впечатление, что Цветочек ему нравилась куда меньше, чем Подружка. Когда приезжала Подружка, это было целое событие. Он отправлял нас в город за подарками. Как-то раз я даже привез из Tiffany's какое-то украшение с гравировкой, сделанной специально для нее. Они держались за руки, в машине сидели очень близко друг к другу, обнимались, целовались. Отношения между ними явно были более личными, интимными.

Для Цветочка же мы особо ничего не планировали. Он просто ездил к ней в отель. Она вела себя с ним более нахально, явно хотела получить от него больше, чем он мог ей дать. Она часто говорила: «А давай сфотографируемся вместе». Он отвечал: «Не думаю, что это хорошая идея». Она давила и давила на него, но ему были неинтересны ее предложения. Цветочек приезжала только один раз, и больше мы ее не видели. Подружка же прилетела повторно недели через две.

Джавон:

Когда Подружка приехала снова, мистер Джексон сказал нам, что хочет повезти ее в округ Колумбия и показать ей мемориал Линкольна и что-то еще. Мы подготовили машину. Выезжали около полуночи. Грейс осталась с детьми, а мы с Биллом и мистером Джексонном заехали за Подружкой в отель, потом отправились в город. Пока мы ехали, они постоянно шушукались на заднем сиденье. Перегородка была поднята, и мы включили радио погромче, чтобы они могли чувствовать себя посвободнее.

Мы припарковали машину примерно в квартале от Вашингтонского монумента. Дальше нужно было идти пешком. Когда мы остановились, я выключил радио, чтобы сообщить мистеру Джексону, что мы на месте. С заднего сиденья доносились только чмокающие звуки. Похоже, они там обжимались. Мне не хотелось их тревожить, но я слегка кашлянул:

– Э-э... Мистер Джексон? Мистер Джексон, мы на месте.

– А, хорошо, прекрасно. Пошли.

Билл:

Прежде чем выйти из машины, мистер Джексон спросил меня, безопасно ли вокруг. Я осмотрелся. Стояла ночь. Людей почти не было, да и за нами вряд ли кто-то ехал, поэтому я решил, что все в порядке. Мистер Джексон закрыл лицо шарфом, замотал им голову. Он был закрыт, но не настолько, чтобы предположить, что он пытается спрятаться.

Мы пошли к мемориалу Линкольна. Под деревьями было темно, и парочка могла просто гулять без помех. Они бродили по территории, разговаривали, рассматривали мемориал. Он был освещен даже ночью, и девушка сделала несколько фотографий. Похоже, они заранее договорились, что не будут фотографировать друг друга, только памятники.

После этого мистер Джексон захотел посетить памятник ветеранам Вьетнама. Мы пошли туда. Они бродили вдоль стены, разговаривали, читали имена, и он все повторял:

– Позор, позор. Это издевательство. Все эти невинные дети погибли.

Он спросил ее, слышала ли она песню Марвина Гэя «What's Going On». Она не слышала, и он напел ей несколько строк:

War is not the answer, for only love can conquer hate
(война – не выход, лишь любовь может победить ненависть)

После этого мы вернулись к машине. Мистер Джексон хотел еще немного покататься по округе, посмотреть какие-то достопримечательности, Белый дом. К Белому дому уже нельзя так просто подъехать, но мы подобрались к нему со стороны, посмотрели на главные ворота, затем объехали парк Лафайет.

Было очень поздно, и мистер Джексон засобирался домой. Мы уже почти выехали на шоссе, как вдруг услышали сирену и увидели сзади мигалки. Джавон сдал к обочине, надеясь, что машина проедет мимо, но она остановилась сразу за нами. Вторая машина преградила нам путь впереди.

Я посмотрел в зеркало заднего вида и увидел, как из машины вылезает мужчина. На нем была полная форма: сапоги, автоматическое оружие, бронежилет. Еще один занял позицию за машиной, а третий стоял перед нами. Они окружили машину. Это была не полиция. Это секретная служба. Похоже, какой-то антитеррористический отряд. Я понятия не имел, что им от нас нужно, но занервничал. Мистер Джексон и Подружка сидели на заднем сиденье, за перегородкой. Джавон за рулем говорил мне:

– Билл, ты должен разобраться с этим. Чувак, надо что-то делать.

Я опустил стекло. Один из агентов подошел ко мне.

– Добрый вечер, офицер, – сказал я ему.

– Добрый вечер, – ответил он. – Мы остановили вас, потому что у вас номера штата Невада, и мы решили, что черный внедорожник с затемненными стеклами и номерами штата Невада выглядит подозрительно, катаясь вокруг Белого дома в такое время.

– Мы просто на экскурсии.

– Ага. Я уже проверил ваши номера, когда остановил вас. Вы знаете, кому принадлежит эта машина?

– Да, сэр.

– Компьютер показывает, что она принадлежит... Майклу Джексону?

– Да, сэр.

– Тот, который живет на ранчо «Неверленд»?

– Да, сэр.

– Ну, и что вы тут делаете?

Джавон вмешался в разговор:

– Мы проводим предварительную разведку для высокопоставленной особы.

Но я уже понял, что эти парни на такое не купятся. Агент посмотрел на Джавона, потом на меня:

– Могу я взглянуть на ваши документы? Страховка, регистрация?

– Конечно, сэр.

Я достал документы из бардачка и протянул ему. Он спросил, кто за перегородкой.

– Там мой клиент, сэр, – ответил я.

– Кто ваш клиент?

Я заколебался.

– Можно мне выйти из машины, сэр?

– Конечно.

Я вышел и объяснил ему все, от начала и до конца, рассказал, кто сидит на заднем сиденье, и что мы здесь на отдыхе.

– Вы хотите сказать, что у вас там Майкл Джексон? – изумился он.

– Да, сэр.

Он отошел и заговорил с другим агентом. Я стоял у машины, просчитывая варианты. На заднем сиденье сидит женщина, о которой вообще никто на свете не должен знать. Мне все это не нравилось. Затем агент вернулся ко мне, отдал мне документы и кивком велел мне садиться в машину. Второй агент, видимо, что-то сказал ему. Похоже, они отпускали нас. Я сел обратно, но едва мы завели двигатель, он снова велел мне остановиться:

– Еще кое-что...

– Да, сэр?

– Как вы думаете, он не мог бы дать нам автограф?

– Сейчас спрошу.

Я слегка опустил перегородку:

– Мистер Джексон, эти джентльмены спрашивают, не дадите ли вы им автограф.

– Конечно, – ответил он. – Только дайте мне ручку.

Агент передал мне ручку и листок, вырванный из блокнота. Мистер Джексон опустил перегородку, взял ручку и листок. Этот парень потерял дар речи. Мистер Джексон подписал бумажку и протянул агенту. К нам тут же подбежал второй:

– Ух ты! Ух тыыыы! А можно мне тоже?

Стекло в окне опустилось. Мистер Джексон поздоровался и дал автограф второму агенту. Они поблагодарили нас, пожелали спокойной ночи и, когда они уже отходили, один сказал другому:

– Блин, чувак, вот это да! Мы только что видели Майкла Джексона! Это куда круче, чем повстречаться с президентом.

В восьмидесятых, будучи одним из богатейших артистов мира, Майкл Джексон тратил деньги с шиком, поскольку мог себе это позволить. Но даже несмотря на то, что он отдавал ужасающие суммы на постройку своего собственного парка развлечений и на многое другое, он все равно был известен тем, что тщательно отслеживал каждый цент. Он проверял все счета, чтобы убедиться, что никто не воспользовался положением, и увольнял любого, кому, как он считал, он не мог доверять. Однако со временем этот Майкл Джексон перестал существовать. Он уже не проверял все документы сам, доверился не тем людям, и его богатство стало испаряться.

После скандала с Чандлерами в 1993 году прибыли Джексона начали падать, чего не скажешь о его чрезмерных тратах. Помимо ежегодного содержания ранчо «Неверленд», Джексон продолжал тратить несколько миллионов в год на частные самолеты, антиквариат, картины, отели и прочие личные нужды. Если бы он тратился только на себя, вероятно, смог бы позволять себе это и дальше, однако певец также продолжал инвестировать значительные суммы в свою карьеру.

Дабы добиться воплощения своего видения в клипах Thriller и Bad, Джексон финансировал значительную часть этих проектов самостоятельно. Эти инвестиции окупались с лихвой. В девяностых он продолжил эту практику, выбрасывая десятки миллионов долларов на различные кино- и видеопроекты. И только сейчас, когда продажи его альбомов упали, эти инвестиции уже не окупались так, как прежде. Советники и финансовые менеджеры все больше вмешивались в дела певца и задействовали его средства в спорных сделках, которые приносили больше юридических проблем, чем прибылей. И хотя Джексон все еще стоил сотни миллионов долларов на бумаге, он очень быстро оказался в жесткой ситуации, когда наличные деньги просто закончились.

В 1995 году Джексон продал компании Sony 50% музыкального каталога ATV за 100 млн. долларов. В 1998 году, в условиях все возрастающих задолженностей, Джексон взял кредит в Банке Америки на 140 млн. долларов под залог своей доли каталога. К 2000 году кредитный лимит Джексона был поднят до 200 млн. долларов, вдобавок, он сильно задолжал Sony, которая продолжала выдавать ему авансом крупные суммы в счет будущих прибылей. Тех прибылей, которые неуклонно падали.

К моменту начала суда выплата процентов по кредиту (помимо затрат на личные нужды и юридических гонораров) составляла более 4 млн. долларов в месяц. Во время суда Джексон пропустил несколько месячных выплат, и банк продал его заем компании Fortress Investments Group, фонду комплексного инвестирования, специализировавшемуся на проблемных активах. К концу 2005 года Джексон погряз в долгах по уже рефинансированному кредиту, и Fortress угрожала, что потребует возврат средств. Это беспокоило директоров Sony. Если певец не выплатит задолженность, его доля в каталоге Sony/ATV, оцененном на то время в 1 млрд. долларов, будет выставлена на аукцион и продана тому, кто предложит наивысшую цену. Это могло бы привести к появлению у компании нежелательного партнера. Кризис был частично отсрочен в апреле следующего года. Fortress согласилась реструктурировать задолженность, чтобы позволить Джексону остаться на плаву. В рамках рефинансирования он заложил ранчо «Неверленд» на сумму 23 млн. долларов.

Несмотря на то, что Майкл Джексон вынужден был подчищать все закрома для выплаты задолженностей, он все равно зарабатывал миллионы долларов в год, по большей части благодаря продажам своих собственных альбомов. Но, поскольку его звукозаписывающая

компания выступала одним из его основных кредиторов, деньги, заработанные Джексоном, удерживались руководством компании для покрытия его долгов. Остальные кредиторы не получали вообще ничего, что в итоге вылилось в целую серию исков, еще больше подорвавших его финансовое положение. Продюсер Марк Шаффел, одолживший Джексону миллионы долларов наличными за время их сотрудничества, подал на певца в суд осенью 2004 года и выиграл 900 000 долларов. Prescient Capital, финансовая группа, предоставлявшая брокерские услуги при заключении сделки между Джексоном и Fortress, также подала иск, требуя невыплаченные комиссионные. Джексон урегулировал этот иск за 3 млн. долларов в июне 2007 года, незадолго до отъезда из Лас Вегаса.

Пока он был в Вирджинии, судебные разбирательства продолжались. Дитер Визнер, менеджер Джексона, заведовавший его делами в годы, предшествовавшие суду, подал иск, утверждая, что ему задолжали 30 млн. долларов за сделки, которые он заключил в бытность менеджером певца. Джексон был вынужден проводить день за днем, давая показания в офисе юридической фирмы Гаса Венабла в Вашингтоне. Шейх Абдулла из Бахрейна угрожал ему судом на 7 млн. долларов, которые он инвестировал в Джексона, пока тот жил за границей.

Более десяти лет кредиторы и менеджеры Джексона способствовали его чрезмерным тратам и усиливали его склонность к неприбыльному вложению средств. Все старались удержать певца в бизнесе, чтобы иметь возможность доить его и дальше, хотя бы еще один день. В итоге годы недобросовестного управления привели его на самый край пропасти. Его миллиардная финансовая империя рушилась под клювами стервятников и гнила изнутри. И Джексон, к ужасу своей новой охраны, не делал ничего, чтобы это остановить.

Билл:

В Вегасе наши платежные чеки всегда приходили с задержкой. Сначала они опаздывали на пару дней, иногда на неделю. Но едва мы прибыли в Вирджинию, они вообще перестали приходить. Нам полностью обрубали зарплату.

Первые пару недель это выглядело обычной задержкой. Но потом задержка увеличилась до трех недель, четырех, пяти, шести. Мы звонили Раймоне, и каждый раз она выдавала нам одну и ту же речь. Она, видите ли, ждала заключения какой-то сделки. «Деньги мистера Джексона вложены в проекты». Дескать, она понятия не имеет, как будет платить своему персоналу, и так далее. Но для нас это казалось сведением личных счетов. Другим людям продолжали платить. Грейс. Охрана в «Неверленде». Я видел множество его финансовых документов, и его адвокаты никогда не переставали получать свои гонорары на пятизначные и шестизначные суммы. Позднее я узнал, что Раймона платила самой себе по 30 тысяч долларов в месяц, да плюс еще квартира, которую она арендовала для себя в Вегасе.

Так что для других людей деньги были, их не было только для нас с Джавоном. А мы ведь работали на мистера Джексона круглосуточно. Вдобавок, нам немного задолжали еще за наши услуги в Вегасе. По сравнению с тем, что получали другие, это было мелочью. Джавон был более вспыльчив, чем я, быстро взрывался. Он видел эти документы на гигантские денежные переводы и говорил: «Вот дерьмо, а мы даже не можем купить себе поесть!»

Джавон:

Все, что у нас было – это суточные. 75 долларов в день, и это должно было покрыть стоимость нашего питания. Ну что нам оставалось делать? Мы брали эти деньги и

покупали лапшу быстрого приготовления, хот-доги, хлеб для сэндвичей. И питались этим. А остатки суточных отправляли домой. Больше мы ничего сделать не могли.

Билл:

Суточных не хватало. К середине августа мне позвонила дочка: «Папа, у нас в доме отключили электричество!»

Когда я куда-нибудь уезжал по работе, с моей дочерью в доме оставались другие члены семьи или друзья, чтобы присматривать за ней. У меня также была установлена система безопасности и камеры по всему дому, поэтому я мог проверить по интернету, все ли в порядке. Однако с отключенным электричеством я уже не мог это сделать – камеры погасли. Меня это беспокоило. Не работал и кондиционер, а температура воздуха в Вегасе достигала 40 градусов и даже выше. Я сказал ей: «Хорошо, детка, я разберусь». Позвонил нескольким приятелям, и они все исправили.

Джавон:

У меня тоже отключили электричество, сразу после Билла. Дома у меня был новорожденный ребенок. Раймона перестала отвечать на наши звонки. У меня уходило несколько дней, чтобы пробиться к ней. Когда я, наконец, дозвонился, она сказала, что может дать мне номер кредитной карты, чтобы я заплатил за электричество, но с зарплатой ничего поделаться не может. Когда я позвонил поставщику электричества, чтобы выплатить задолженность, карточку, которую мне дала Раймона, не приняли. Через пару недель после этого у меня отобрали машину. Поскольку я не мог выплачивать проценты по кредитам, банк забрал автомобиль прямо с моей подъездной дорожки.

Билл:

Когда мы решили ехать в Вирджинию машинами и убрали охрану Раймоны, я знал, что она взбесится. Грейс мне не раз говорила об этом. Она сказала:

– Раймоне очень не понравилось, что ты заставил тех ребят уйти. Они ведь уволились со своей основной работы, чтобы охранять нашего босса.

– Очень жаль, – ответил я.

Раймона никогда не говорила: «Эй, ребята, а я не буду вам платить, потому что вы выставили меня идиоткой». Но это было очевидно.

Джавон:

В Вегасе мистер Джексон всегда был категоричен насчет того, чтобы мы не сообщали Раймоне о его перемещениях. Теперь же, в Вирджинии, он велел нам вообще игнорировать ее. Он говорил: «Если я захочу что-то сказать Раймоне, я вам сообщу, чтобы ей позвонили. Не отвечайте на ее звонки».

Она попыталась запугать нас. Звонила и говорила: «Мне тут звонят с радиостанции и говорят, что мистера Джексона только что видели в Шантильи в одной пижаме. Почему он ходит в пижаме посреди города? Я должна знать, где вы, чтобы я могла как-то отреагировать на это сообщение».

Она говорила мне все это, а мистер Джексон тем временем сидел в машине рядом со мной, одетый вовсе не в пижаму, и уж конечно мы были далеко от Шантильи. Она пыталась спровоцировать нас, чтобы разузнать, где мы находимся. Думаю, она всегда боялась того, что мистер Джексон начнет ходить на деловые встречи без ее ведома.

Билл:

Может, мы с Джавоном и не стояли так высоко, как Раймона, но она вела себя с нами так, будто мы мешали ей быть главной. Все эти игры сводились к одному: тот, к кому в данный момент прислушивается мистер Джексон, контролирует финансы.

Нам стало ясно, к чему она стремится. Она хотела заморить нас голодом, не давая нам ни копейки денег. Она хотела поставить нас в настолько некомфортные условия, чтобы вынудить нас уволиться. Она и не пыталась как-то скрыть это. Через пару недель своих обычных отговорок она вдруг сказала:

– Знаете, мистер Джексон реально поставил вас в ужасные условия. У него столько долгов. Я бы никогда не смогла работать так долго, не получая зарплату. Да на вашем месте, парни, я бы давно уволилась.

Услышать от нее такое... Это нам-то уволиться и уйти от него? Я решил, что она хочет вернуть обратно своих людей, и сразу сказал об этом мистеру Джексону. Он знал, что мы и раньше нерегулярно получали зарплату, и всегда извинялся за это, но я не думаю, что он осознавал весь ужас этой ситуации, и мы не очень-то хотели поднимать этот вопрос. Знаменитости ведь не сидят с калькулятором и не высчитывают, сколько часов проработали их сотрудники. Для этого есть менеджеры и бухгалтеры. С клиентом нельзя обсуждать денежные вопросы. В нормальной здоровой организации мы бы давно сумели договориться с Раймоной. Но поскольку это не срабатывало, я решил, что мистеру Джексону следует об этом знать. Как-то раз мы ехали куда-то, я выключил радио и обратился к мистеру Джексону:

– Сэр, можно мне сказать вам кое-что?

– Конечно, Билл. В чем дело?

– Мы говорили с Раймоной о том, когда же, наконец, получим зарплату, и она сказала нам, что ваша финансовая ситуация сейчас не из лучших, и если бы она была на нашем месте, то давно бы уволилась.

Он *страшно* занервничал.

– Билл, не делай этого. Ты не можешь этого сделать.

В его голосе слышалась реальная тревога, словно он и впрямь решил, что мы подумываем об уходе.

– Парни, продержитесь еще немного. Я сделаю все, чтоб вы получили деньги.

В машине несколько минут было тихо, а затем он взорвался:

– Да как она смеет?! Как она смеет говорить вам бросить меня и моих детей?!

Я наблюдал за ним в зеркало заднего вида, качая головой. Он был в бешенстве.

Но на этом не закончилось. Я получал все его электронные письма и посылки. И никогда особо не рассматривал, что это было. Бывало, просматривал первую страницу, чтобы узнать, от кого это, ведь мне надо было сказать ему что-то, когда я передавал ему бумаги. От Раймоны регулярно приходили пакеты, и пока мы были в Вирджинии, она прислала заявку на получение кредита. На сумму 300 млн. Она прислала ее мне, чтобы мистер Джексон подписал этот документ, затем перезвонила и сказала:

– Если заставишь его подписать это, я смогу расплатиться с вами.

Когда доходило до чего-нибудь, что мистер Джексон должен был утвердить лично, он обычно подписывал все, что совали ему под нос. Его юристы говорили: «Мистер Джексон, вот этот документ нужен, чтобы сделать то-то и то-то». И он подписывал. Неважно, что это было. Он крайне редко спрашивал, что это и для чего. Я никогда не

слышал, чтобы он говорил: «Нет, это неправильно, я хочу сделать все по-другому». Он просто подписывал. Что бы ни возникло перед ним, он хотел, чтобы оно исчезло.

В Миддлбурге доступ к нему был только у меня. Я чувствовал, что Раймона стала шантажировать нас зарплатой, чтобы мы попытались повлиять на бизнес-решения мистера Джексона в ее пользу. Она и Грег Кросс все еще ссорились из-за того кредита, о котором я слышал, пока мистер Джексон был в Вегасе. Я начал получать от них обоих документы, заявления от разных банков. Грег присылал мне что-нибудь, а Раймона звонила и говорила:

– Не давай ему подписывать это! Пусть подпишет мое.

В то же время Грег звонил мне и говорил:

– Что бы там Раймона ни прислала, не давайте ему подписывать. Я сначала должен сам это просмотреть.

У Грега не было прямого контроля над нашей зарплатой, но он всегда добавлял:

– Парни, я же пытаюсь выбить вам деньги.

Насколько я мог понять, этот кредит был необходим, чтобы разрешить финансовые проблемы мистера Джексона, и тот, кто уговорит его подписать документ, получит контроль над этим займом и его распределением. А там были миллионы долларов.

Это тянулось неделями. В середине августа я получил от Раймоны электронное письмо, в котором говорилось, что мистер Джексон дал добро выдать нам с Джавоном премию в размере 25 000 долларов, чтобы компенсировать наши старания, и мы получим эти деньги, как только будут завершены «несколько основных операций». Это выглядело как взятка. Вот мы с Джавоном, живем на макаронах и хот-догах, а она крутится вокруг меня со своим «заставь его подписать, и все получают свои деньги, а ты получишь еще и 25 штук премии».

Джавон:

Сегодня Грег и мисс Раймона ссорились с Биллом, а завтра пытались его умаслить. Я старался не вступать. Меня учили держать рот на замке. Биллу приходилось терпеть все это, но он не тот человек, которого можно подкупить. Он старался держаться от всего этого как можно дальше, насколько это было возможно. Получая документы от Грега и Раймоны, Билл просто отдавал их мистеру Джексону с запиской: это от мисс Раймоны, а это от Грега Кросса. Он не пытался влиять на решение босса. Мы всегда считали, что мистер Джексон – взрослый человек и может сам решить, что именно подписывать.

Билл:

Эта тягомотина с кредитом все не заканчивалась, и, наконец, дошло до того, что мне нужно было обратиться за разъяснениями хоть к кому-нибудь. Что происходит? Что мне делать дальше? Я поговорил с Грейс. Она согласилась, что мне не следовало участвовать во всем этом. И вот тогда я познакомился с Питером Лопезом.

Питер Лопез и мистер Джексон давно знали друг друга. Лопез был крутым адвокатом в музыкальном бизнесе, его женой была актриса Кэтрин Бэтч, игравшая роль Дейзи в сериале «Придурки из Хаззарда». Он дружил с Арнольдом Шварцнеггером, который дал ему должность в Калифорнийском государственном спортивном комитете. Мистер Лопез был одним из юристов, занимавшихся различными направлениями бизнеса мистера Джексона. Время от времени они беседовали о делах, но их отношения больше

напоминали дружеские, а не отношения адвоката и клиента. Их разговоры были довольно личными, они расспрашивали друг друга о семье и детях и все такое.

Я знал, что мистер Джексон доверяет мистеру Лопезу, поэтому обратился к нему и рассказал о своей проблеме. Пока мы говорили, у меня сложилось впечатление, что это было не впервые, и у мистера Джексона такое случалось и раньше. Он сказал:

– Билл, поверь, я знаю, каково тебе. Но лучше всего поговорить с Майклом.

Да ведь я уже говорил с ним. Мы уже намекали мистеру Джексону об этой проблеме, и до сих пор ничего не решилось.

Джавон:

Он стал подмечать, что мы подавлены. Как-то мы были в дороге, и он спросил:

– Ребята, а вы ничего не хотите мне рассказать? Вы вроде как не в себе.

Мы полностью открылись перед ним.

– Мистер Джексон, у нас накапливаются неоплаченные счета. Мы верны вам, мы приехали сюда ради вас, но нашим семьям очень тяжело.

– Что? Вам что, до сих пор не заплатили?!

– Нет, сэр.

– Но я ведь велел Раймоне заплатить вам. Я сказал ей! Билл, а ну-ка, набери мне Раймону.

Он позвонил ей прямо в нашем присутствии и включил громкую связь:

– Раймона, мои ребята в плохом настроении. Что там с их чеками? Когда ты собираешься им заплатить?

Он набросился на нее как лев. Она начала что-то бормотать, попыталась втюхать ему ту же отговорку:

– Я разберусь. Мы просто ждем, когда тут закроются кое-какие сделки, я разберусь.

Он начал кричать на нее:

– Раймона... Раймона! Ты должна заплатить этим ребятам. Они защищают меня и мою семью. А без меня этот механизм не будет работать!

– Я заплачу им. Заплачу на этой неделе.

– Когда именно на этой неделе? Вот они здесь со мной. Они слышат все по громкой связи. Когда именно?

Дело было во вторник. Она сказала:

– Я заплачу в четверг.

Пришел четверг – а денег так и не было. И мы были потрясены. Да вы что, шутите?! Тогда мы поняли, что мистер Джексон совсем не контролирует свои же собственные деньги. Он давал ей четкие указания, а она отмахивалась от него. Он постоянно за это извинялся:

– Ребята, ну вы же знаете, что это не моя вина.

– Да, мистер Джексон, мы знаем.

– Я велел ей заплатить вам. Она говорит, что скоро заплатит. Но вы же знаете, что это не моя вина, правда?

Билл:

Он действительно не был в этом виноват. Но, думается мне, он вряд ли понимал всю глубину проблемы и то, что происходит, когда такие люди, как мы, не получают зарплату, когда у нас отключают электричество и телефон. Он не понимал этого.

Джавон:

Мы могли отличить, когда кто-то вешал нам лапшу на уши и когда говорил искренне, и он был искренен в том, что не мог повлиять на это. Но мы все равно были расстроены. Нам хотелось схватить его за шиворот и сказать: «Но послушай, все это *может быть* под твоим контролем. Почему же ты не возьмешь управление в свои руки? Почему ты не можешь руководить своими же людьми?»

Билл:

Он сказал мне:

– Все готово. Они заключили крупную сделку, и вам, ребята, заплатят на этой неделе.

Неделя прошла. Чеков не было. Он позвонил мне:

– Билл, прости. Вам бы заплатили, но так вышло, что моя задолженность фирме Грега была больше, чем я думал, поэтому все деньги ушли в уплату этого долга.

Какого хрена, подумал я. Адвокаты работают на тебя. Как это так – твои деньги сначала приходят не тебе, чтобы ты сам мог распределить их? Грег выполнял работу и ожидал платы. Я это понимал. Но мы оказались в такой же ситуации – и мы были фактически на мели.

Майкл Джексон был миллиардной корпорацией, работавшей 24 часа в сутки 7 дней в неделю, и никто ею не руководил. Не было организации, не было менеджерской компании, просто различные люди с различными планами, каждый в своей нише. У него даже не было офиса. Офис обычно располагался там, где он находился в этот момент. Рабочий телефон? Любой, который ты давал ему в руки. У него не было адреса электронной почты. Большинство его писем отправлялись Раймоне. Люди отправляли ей всякие предложения, а она пересылала их мне, где бы мы ни были. Поклонники, знавшие меня, отправляли свои письма для него на мой домашний адрес.

Мистер Джексон считал, что Раймона руководит офисом его компании в округе Колумбия. Как-то раз я поехал к ней за каким-то пакетом по адресу, который она мне дала. Это оказался обычный жилой дом. Она вела весь бизнес из своего дома. Позднее я услышал, как он говорит, мол, Раймона управляет его офисом. И я сказал ему:

– Сэр, у Раймоны нет офиса.

– Конечно, есть. Она работает в моем офисе в округе Колумбия.

– Нет, мистер Джексон. Она там живет. Она работает на дому.

– То есть, у меня нет офиса?!

У него не просто не было офиса. Он даже не знал, что у него его нет. Вот насколько он был оторван от своих же дел.

Больше всего я взаимодействовал с Грегом и Раймоной, но были и другие: юристы, бухгалтеры, ассистенты и просто подхалимы. Некоторые имели право выписывать чеки. Были люди, которые заключали контракты от его имени. Но кто кому подчинялся, кто за что отвечал – неясно. Ни в чем не было смысла.

Частично, как мне думается, эта проблема возникла из-за того, что он доверял не тем людям. Он хотел верить им, а они пользовались этим. Однако отчасти это была просто апатия. Его изрядно потрепало. Он просто хотел быть со своими детьми, заниматься творчеством, а на все остальное просто забил. Я занимался его почтой месяцами. Ему лично ничего не отправляли – все через меня. Поэтому я достоверно знаю, что ему никто

не присылал никаких ежемесячных финансовых отчетов, никаких выписок, ничего. У него не было своей чековой книжки. Он не приглашал своих бухгалтеров на регулярные сверки и не следил, что и как делалось.

Всю свою жизнь он был так богат, что, кажется, никогда не думал, что он может обанкротиться. Он всегда думал, что деньги будут. У него всегда были наличные. В доме в Вегасе он везде прятал наличку, сотни тысяч долларов, заныканных по углам, и я знал, что какая-то часть этих денег у него была здесь, в Вирджинии. Для него это были реальные деньги, деньги, которые он мог пощупать руками и купить на них то, что ему было нужно. И пока у него были эти деньги, вряд ли он думал об остальных, обо всех своих инвестициях и правах на песни. У меня сложилось впечатление, что его менеджеры об этом знали. Они знали, что если дать ему пару сотен штук в руки, он не будет обращать внимания на то, что происходит с остальными деньгами. Так и было.

Однажды я вез его в Вашингтон, и в дороге он говорил с Питером Лопезом по телефону. Я слышал часть их беседы, мистер Джексон сказал ему:

– Питер, я понятия не имею, где все мои деньги. И сколько их у меня. Ты можешь мне помочь?

Сам факт того, что он мог говорить такие слова, ужасал меня. Он сам создал все эти проблемы, игнорируя свои финансы и поручив кому-то другому управлять ими. Майкл Джексон притягивал сотни исков. В любой день в судах разбиралось множество дел. Некоторые из них вызывали смех. Например, требования сталкерши признать, что он отец ее ребенка. Но многие были очень серьезными претензиями на миллионы долларов. Поскольку его бизнес разваливался на части, и никто им не управлял, людям не платили. Условия сделок не выполнялись.

Этих персонажей был целый вагон. Бывшие менеджеры и ассистенты, утверждавшие, что участвовали в таких-то проектах и не получили деньги, или что им принадлежали права на что-либо. Люди, работавшие над его альбомами и клипами и утверждавшие, что им не выплачивают роялти. Одна проблема перетекала в следующую. Мне присылали все эти документы, которые он должен был подписать, поэтому я видел, что огромные деньги буквально уплывали сквозь пальцы. Он урегулировал все эти иски за сумасшедшие суммы – четверть миллиона, полмиллиона, сколько угодно, только бы они отстали. Люди обычно подают в суд, если считают, что могут что-то получить. Все знали, что, если подать в суд на Майкла Джексона, дело будет урегулировано за деньги. Он притягивал сумасшедших, требовавших от него алиментов на их детей. С такими разговор был короткий, они уходили ни с чем. Но если претензия была настолько серьезной, что могла привести к полноценному судебному разбирательству, он просто платил истцу, чтобы тот убрался. После всего, что ему довелось пережить в 2005 году, он не собирался снова попадать в зал суда.

Джавон:

Во время нашего пребывания в Вирджинии мы возили его на дачу показаний в офис Грега Кросса в округе Колумбия. Несколько таких мероприятий было и в Вегасе, а некоторые пришлось провести здесь. Он боялся туда ехать.

Обычно эти допросы затягивались на целый день. Безостановочный марафон. Они сажали его на стул, и юристы со стороны обвинения допрашивали его часами без перерыва. Там же сидела и команда мистера Джексона, каждый получал сотни долларов в час. Обычно они приносили с собой обед, поскольку процедура была долгая. В конференц-зале накрывали небольшой стол с сэндвичами, закусками и фруктами. Как-то Грег предложил

перекусить и нам, и мы с Биллом пошли туда. Мы накладывали еду на тарелки, делали себе бутерброды и переговаривались: «Блин, сколько мы тут уже торчим? Я бы уже убрался отсюда». Затем мы услышали из дальнего угла комнаты какие-то звуки. Обернувшись, мы увидели мистера Джексона.

– Привет, парни, – сказал он.

– О, мистер Джексон!

Меня это застигло врасплох. Они просто бросили его здесь одного, словно ребенка, поставленного в угол в наказание за провинность. Клянусь вам, так оно и выглядело. Когда обед закончился, они снова забрали его, усадили на стул и допрашивали еще несколько часов.

Когда мы возвращались домой, он взорвался. Всю дорогу жаловался:

– Я так устал от всего этого дерьма! Я устал! Я устал давать показания. Эти ребята задают мне одни и те же идиотские вопросы, снова и снова! Я хочу поехать домой к своим детям.

Билл:

Было заметно, что для него это чересчур. В такие дни у него снова наступала бессонница. В Миддлбурге мы патрулировали территорию по ночам. Все огни были выключены, светились лишь окна домов. Его дом и наш были единственными в округе, поэтому обычно в этой части поместья было темно, хоть глаз выколи. В одну из ночей патрулировал я, было примерно полтретьего утра. В небе светила полная луна, поэтому вокруг было светлее, чем обычно. Я объезжал территорию и тут увидел, как кто-то бредет по дороге. Поначалу я не рассмотрел его. На нем была зеленая куртка с капюшоном, под курткой – пижама. Я решил, что, возможно, это кто-то из соседей. Я ехал чуть позади него пару минут, затем направил на него луч фонарика. Он даже не обернулся. Просто шел дальше, спрятав руки в карманы. Поэтому я поравнялся с ним и позвал:

– Эй, кто здесь?

Парень поднял голову, и я увидел, что это босс. Это было неожиданно.

– Эй, мистер Джексон, все в порядке?

– Да, все нормально.

– Хотите, я вас подвезу?

– Нет, спасибо, – ответил он, – я лучше пройдуся.

Я не знал, что делать. Да, я был удивлен. Но он выглядел и вел себя нормально, поэтому я решил, что, видимо, с ним все в порядке.

– Хорошо, сэр. Доброй ночи.

Я выключил свет, сдал назад и наблюдал за ним издалека до тех пор, пока он не вернулся в дом.

Джавон:

Он часто говорил нам: «Ребята, вы понятия не имеете, как вам повезло». Или: «Ребята, вы даже не знаете, насколько у вас все хорошо на самом деле». Поначалу, когда он говорил нам подобное, мы думали: «Что? Да ты же Майкл Джексон». Но со временем мы поняли, что он имел в виду.

Как-то раз мы ехали из Миддлбурга, и дети увидели из окна машины игровую площадку. Естественно, они захотели поиграть на ней, поэтому стали уговаривать папу остановить машину и пойти поиграть там с ними. Мы сказали, что это небезопасно; на площадке

было несколько детей с родителями, у нас не было с собой масок для детей, и кто-нибудь мог их сфотографировать. Мистер Джексон сказал, чтобы мы шли без него, а он подождет в машине, тогда дети смогут поиграть, и их никто не узнает. Мы повели детей на площадку, а мистер Джексон остался сидеть в машине, наблюдая за ними из окна.

Билл:

Вот ты отец, у тебя дети. И каково тебе наблюдать за своими детьми сквозь тонированное стекло, в то время как они играют на площадке с незнакомцами? Я никогда не променял бы то, что у меня было с моей дочерью. Я не согласился бы поменяться с ним местами даже за все деньги в мире.

Джавон:

Мы были личной охраной Майкла Джексона. Нам полагается быть такими здоровенными громилами. Чтоб все боялись подходить. Не показывай свои эмоции, то-се, но порой это было тяжело. Было трудно не сочувствовать, не испытывать его боль вместе с ним. Если бы я не знал его и слышал бы, как по радио о Майкле Джексоне говорят, будто бы он жалуется, что не может пойти с детьми на игровую площадку, мне бы, наверное, было все равно. Я бы решил, что ему пора спуститься на землю. Но когда видишь это своими глазами и понимаешь, каково ему – это совсем другая ситуация.

Порой это проявлялось в совершеннейших мелочах. Мы ездили в округ Колумбия, и у нас появилось немного свободного времени между встречами, поэтому он попросил нас немного покатасть его по городу. На пути в Джорджтаун мы остановились на светофоре перед ирландским пабом. Люди как раз шли с работы и заходили туда выпить. Мистер Джексон понаблюдал, как они заходят и выходят, и сказал:

– Когда-нибудь я зайду в бар, сяду за стойку и скажу: «Эй, бармен, кружку пива!» Однажды я просто это сделаю. Я зайду и закажу себе выпить.

Он говорил это как двенадцатилетний мальчишка, который мечтает вырасти и стать космонавтом. Словно это недостижимая мечта, но когда-нибудь он ее реализует. Когда он сказал это, мы с Биллом начали подбадривать его: мол, конечно, сэр, не проблема, и мы тоже выпьем с вами пива. Вас ничто не должно останавливать. Ваши деньги ничем не хуже, чем у других, и если вы захотите расслабиться, почему бы нет. Мы вас прикроем.

Мы подбадривали его довольно долго. Но он все равно боялся заходить в бар:

– Все эти люди не позволят мне побыть там.

Билл:

Он не доверял незнакомцам. Оказавшись в толпе, он начинал сильно нервничать. Как-то мы поехали в торговый центр. Джавон пошел за машиной, а мы с мистером Джексонем ждали у выхода в компании местной охраны. Кто-то узнал его, и тут же образовалась небольшая толпа. Он дал людям несколько автографов, махал им рукой. Все держались довольно дружелюбно. Когда Джавон подъехал и открыл перед мистером Джексонем дверцу, кто-то из-за спин людей выкрикнул:

– Гребаный педофил!

Я услышал. Очень четко. И посмотрел на Джавона. Он тоже слышал. Мы молились, чтобы мистер Джексон не разобрал слов. Но едва мы сели в машину и отъехали, он наклонился вперед и спросил:

– Ребята, а вы ничего такого не слышали, пока мы стояли в толпе?

– Нет, сэр, – ответил я. – Я ничего не слышал. Джавон, а ты?

– Нет, сэр, – покачал головой Джавон.

– Мне показалось, что кто-то выкрикнул какую-то гадость, – сказал мистер Джексон. – Клянусь, я слышал это. Ребята, вы ведь мне не врете, нет?
– Нет, сэр.

Мы не хотели врать ему, но мы знали, что произойдет, если мы подтвердим его подозрения. Услышать, как кто-то обзывает его педофилом? Да он после этого полностью замкнется в себе. Он закроет дверь и спрячется у себя в спальне на неделю. Мы не хотели, чтобы это произошло.

Минут 10-15 мы ехали молча, затем с заднего сиденья послышалось:

– Я бы *никогда* не причинил зла ребенку. Да я бы скорее вскрыл себе вены, чем навредил детям.

Лично я никогда не верил во всю эту чушь. Я же был давним поклонником Jackson 5 и его самого, и я не верил в это. В детстве я отождествлял себя с этой семьей. Его братья и сестры, его родители напоминали мне мою собственную семью. Они казались обычной семьей чернокожих, выбравшихся из гетто. Мы все пытались это сделать в те времена. Думаю, многие афроамериканские семьи ощущали то же самое.

После альбома Thriller все начало меняться. Мы все еще любили Майкла, но теперь он поднялся до такого уровня, где мы уже не могли отождествлять себя с ним. Мы видели, что он порой делает странные вещи. Он тусуется с Вебстером. С Брук Шилдс. У этого парня ручная обезьяна. Мы знали, что он иной, но я никогда не считал, что он настолько стал другим, чтобы причинить зло ребенку. Я не поверил в первый раз, не поверил и во второй. Однако когда грянули повторные обвинения, а затем и суд, уже не имело значения, во что ты веришь. На суде общественного мнения все уже было решено. Он стал чудовищем и чудачком.

Джавон:

Если ты работаешь комедиантом, и тебе нужен какой-нибудь легкий материал, достаточно лишь упомянуть Майкла Джексона и детишек – и первые пять рядов в зале будут хохотать. Люди не осознавали, насколько ему было обидно это слышать.

Поскольку я вырос в Южном Централле, то смеялся над этими шутками вместе со всеми. Я был из другого поколения, которое не испытывало к Джексонам такого почтения. Я был из поколения хип-хопа. Мы любили музыку мистера Джексона, но для нас он был всего лишь эксцентричной рок-звездой. Нам нравились его песни, но, когда дело касалось его личной жизни – все смеялись. Теперь же... Когда я слышал всякие шутки про босса в исполнении комиков, мне уже не было смешно. Я начинал злиться. Все равно что слышать, как кто-то рассказывает неприличный анекдот о твоём друге или матери.

Билл:

Джавон мгновенно взрывался, мгновенно был готов наброситься на обидчика. Мы случайно увидели какой-то сюжет, в котором Катт Уильямс высмеивал мистера Джексона, и Джавон начал орать в экран телевизора. Он сказал:

– Если я когда-нибудь встречу Катта Уильямса, я выбью из него все дерьмо за то, что он такое говорит про босса.

В тот день, в торговом центре, когда кто-то выкрикнул «педофил», Джавон мгновенно связался со мной по радиопередатчику:

– Я вижу парня, который это выкрикнул. Я вижу его. Хочешь, я его завалю?

– Нет, Джавон, – пришлось сказать мне.

Он говорил всерьез. И это расстраивало меня. Мы не могли повлиять на то, как люди воспринимают мистера Джексона. Как и в случае с Подружкой и Цветочком. Когда речь идет о ком-то другом, и вы слышите, как какой-то парень прокрадывается в отель с шикарной моделью, вы не станете задавать вопросов. Тем не менее, в случае с Майклом Джексонном люди бы решили, что это странно. Но я-то видел совсем другое. Я видел, что под всем этим эксцентричным поведением прячется простой парень, который отчаянно хочет быть обычным человеком. Едва ты оказывался рядом с ним и заводил какие-то личные отношения, то осознавал, что все эти сплетни и обвинения – наглая ложь. Это невозможно. Я ведь тоже отец. Да если б я хоть на миг усомнился и подумал, что он был виновен и что-то делал с детьми, я бы сам надрал ему задницу.

Джавон:

Едва ты знакомился с ним поближе, твое восприятие менялось. То же самое касается его отношений с детьми. Нам постоянно говорят: «Бланкет больше похож на него, чем Принс и Пэрис, как думаете, они все его биологические дети?» Когда мы только начали работать на него, мы и сами задавали себе эти вопросы. Что происходит? Действительно ли это его дети? Но когда проводишь с ними больше времени и видишь, как он ведет себя с ними, то вообще перестаешь заморачиваться. Это его дети. Он – их отец. Они – семья. Точка.

Билл:

Каждый день по всему миру многие супружеские пары прибегают к услугам суррогатных матерей. Люди на что только не идут порой, лишь бы обзавестись семьей, и никто не подвергает сомнению легитимность такой семьи. Никто не тычет в них пальцем: «Ага, это не твои дети!» Но, поскольку это Майкл Джексон, люди оспаривали его право быть отцом. Знаете, исходя из всего, что я видел, он и его дети были куда лучшей и более любящей семьей, чем многие другие мои знакомые семьи. Мне больше нечего добавить.

В один из уикендов мы возили детей в округ Колумбия и решили заночевать в отеле Four Seasons, а не ехать обратно в Миддлбург. Мистер Джексон вызвал меня и сказал, что дети хотят поплавать в бассейне. Я связался с менеджером, и он согласился закрыть бассейн на пару часов, чтобы мистер Джексон мог воспользоваться им. Мы все тщательно проверили, чтобы удостовериться, что внутри безопасно. Вокруг бассейна были размещены три камеры службы безопасности, но я внимательно осмотрел их и все отключил. Затем мы провели мистера Джексона и малышей к бассейну через лестницу черного хода. На детях были купальные костюмы, с собой они несли плавательные круги, надувные манжеты и прочие штуки для купания. Грейс тоже была с нами.

Мы пришли к бассейну, Принс и Пэрис сразу прыгнули в воду. Они умели плавать. Бланкет ждал, пока Грейс надует ему плавательный круг, и тогда он тоже сможет присоединиться к ним. Пока дети купались, мистер Джексон бродил вокруг бассейна, напевая какую-то мелодию, полностью увлекшись ею. Он вел себя немного странно, был более возбужден, чем обычно, более энергичен. Он начал мурлыкать про себя, а через какое-то время уже пел вовсю и отщелкивал ритм пальцами. Я посмотрел на Джавона. Он – на меня. Мы решили, что сейчас он чувствует себя комфортно. Я пошел еще раз проверить раздевалку и спортзал, чтобы лишний раз убедиться, что там пусто, и туда никто не забрел.

Джавон:

Все было прекрасно, пока мистер Джексон вдруг не поднял голову и не увидел одну из камер. Он словно лишился рассудка. Он завопил:
– Я же предупреждал вас! Черт вас побори, я же предупреждал!

В нем словно что-то взорвалось. Он кинулся к камере, подпрыгнул, ухватился за нее и стал выдирать ее из стены.

Билл:

Я услышал, как Грейс кричит: «Билл! Билл!», и бросился обратно к бассейну. Мистер Джексон каким-то образом допрыгнул до камеры и повис на ней, дергая ее, чтобы оборвать. Я подскочил к нему:

– Мистер Джексон! Она отключена! Она не работает! Она не работает!

– Мне плевать! Плевать!

Он вырвал крепления, и теперь камера висела на нескольких проводках. Он подпрыгнул еще раз, дернул ее снова и вырвал ее из стены. Вырвал голыми руками и изо всех сил швырнул ее об пол. И стал орать на нее:

– Ненавижу! Ненавижу!

Я подбежал к нему. Он посмотрел на меня. Глаза у него были покрасневшие. Руки – в крови, он сильно порезал пальцы, когда рвал провода. Он накричал на меня:

– Вы должны были следить за этим! Вы должны были все проверить! Это мои дети! Я не хочу, чтобы кто-то их снимал!

Я снова попытался объяснить ему, что камера не работала. Бесполезно. Его поведение напугало меня. Я было подумал, что, возможно, он принял что-нибудь. Я никогда раньше не видел его в таком состоянии. Для меня это было в новинку. И, да, я испугался.

Джавон:

Все затихли. Мы не знали, что сказать, что сделать, как отреагировать, как себя вести. Наконец, он успокоился и все же решил остаться возле бассейна. Билл принес аптечку, чтобы обработать порезы на его руках и заклеить их пластырем. Менеджер отеля выставил ему счет за разбитую камеру на 8 тысяч долларов.

В такие моменты мы чувствовали себя паршиво. Собственно, нам было паршиво почти всегда. Защищать его было нашей работой, но мы не могли защитить его от того, что уже случилось. От того, что уже причинило ему боль.

Билл:

Как-то он позвонил мне посреди ночи, пока мы были в Вирджинии. Чуть раньше он попросил меня купить ему бутылку вина. Я принес вино в его комнату, и на этом мои поручения на день закончились, я мог идти спать. В три часа ночи зазвонил телефон. На экране высветился номер комнаты мистера Джексона. Я взял трубку, решив, что, наверное, что-то срочное. А он сказал:

– Билл, ты спишь? Я тебя не разбудил?

– Я в порядке, сэр. Что-то случилось?

Он ответил, что просто хочет поговорить. И мы стали говорить. О его детях, о Раймоне. Он сказал:

– Иногда меня просто тошнит от всего этого.

– От чего, сэр?

– Да от всего, – ответил он. По его голосу было слышно, что он едва сдерживает слезы. – Ну почему люди не могут просто оставить меня в покое? Я ведь не цирковой клоун. Я не животное в зоопарке. Я хочу, чтобы меня оставили в покое. Почему люди не могут этого понять?

Наша беседа не была двусторонней. Он говорил. Я слушал. На многое из того, что он сказал, у меня не было ответа. Мне никогда не приходилось сталкиваться с тем, что пришлось пережить ему, поэтому я не собирался притворяться, что понимаю. И я знал, что он звонит мне не для того, чтобы услышать мое мнение. Он хотел выговориться.

– Я просто хочу, чтоб мои дети жили лучше, чем я, – продолжал он. – Я не хочу, чтобы они проходили то же, что и я. Каково бы вам было, ребята, если бы ваши дети просили у вас что-то, и вам нужно было кого-нибудь послать в магазин, чтобы это привезти? Парни, я действительно ценю то, что вы делаете для моих детей, но ведь я их отец. Это я должен делать все эти вещи, но я не могу сесть в машину и поехать в магазин. Я многое не могу для них сделать, потому что люди не дадут мне это сделать. Вы понятия не имеете, как я себя чувствую. Вы никогда не смогли бы понять. Я просто хочу жить своей жизнью вместе с детьми.

– Я понимаю, сэр, – ответил я. – Вы это заслужили.

Я до сих пор помню, как стоял в своей комнате, смотрел на свое отражение в зеркале и не верил, что это происходит со мной. Что я слушаю, как Майкл Джексон изливает мне душу по телефону. Мне было трудно сдерживать эмоции. Хорошо что мы говорили по телефону, а иначе он бы увидел, как расчувствовался его охранник.

Я ощутил всю тяжесть того, что свалилось ему на плечи. К этому моменту вся моя жизнь свелась к тому, чтобы защищать его. Я был в Вирджинии не потому, что хотел там быть. Я был там, потому что он был там. Если завтра он захочет поехать в Мэриленд, мы поедем в Мэриленд. Я шел туда, куда шел он. Его мир стал моим миром. И я не могу сказать, что его жизнь была приятной. Она была невеселой. Да, мы порой веселились, но его жизнь не была веселой. Она не была радостной. Вокруг всегда хаос, всегда какие-то войны. Постоянная тревога. Не знаешь, кому можно доверять.

Тот факт, что он звонил своему телохранителю в три часа ночи, говорил о многом. Если он звонил мне, значит, больше позвонить было некому. Мы с Джавоном прочувствовали это. Полная изоляция. По крайней мере, мы с Джавоном могли поговорить, поделиться друг с другом своими проблемами. Но мы не могли поговорить с семьями, с друзьями. Нам приходилось придумывать какие-то отговорки о том, почему нам не платят. Все должно было храниться в секрете, все под замком. Ты носишь все это в себе, и оно пожирает тебя изнутри. Поэтому, когда он говорил, что его тошнит от всего этого, я понимал, что он имеет в виду. Я жил так всего 7-8 месяцев, и это уже начало истощать меня. А он так жил с десятилетнего возраста.

Мы поговорили еще немного. Он все извинялся и извинялся за этот звонок.

– Мне не хотелось бы беспокоить тебя со всем этим, Билл, – сказал он. – Прости. Прости, пожалуйста.

– Все хорошо, сэр.

– Спасибо тебе. А теперь я пойду спать. Спокойной ночи.

К концу августа менеджеры Майкла Джексона из кожи вон лезли, пытались стабилизировать его финансовое положение, в то время как сам Джексон занимался подготовкой к отъезду в Нью-Йорк. Раймона Бэйн организовала ему две фотосессии для журналов L'uomo Vogue и Ebony. Фотосессия для Ebony входила в передовую статью выпуска, посвященного 25-летию альбома Thriller.

На время пребывания в Нью-Йорке Джексон решил остановиться у своих близких друзей, Доминика и Конни Касио, в Нью-Джерси. Доминик познакомился с Майклом в начале восьмидесятых, когда певец регулярно останавливался в отеле Helmsley Palace на Манхэттене, где Касио работал главным менеджером. Они быстро подружились, и вскоре Джексон стал часто навещать семью Касио в гости. Он также приглашал их вместе с детьми в «Неверленд» на Рождество и другие праздники. Повзрослев, Фрэнк Касио, старший сын семейства, стал работать личным ассистентом певца. Второй сын, Эдди «Энджел» Касио, по настоянию Джексона сделал музыкальную карьеру и стал продюсером. В подвале их дома была оборудована студия звукозаписи.

Когда Джексон приехал к ним осенью 2007 года, семья добавила для него в студии танцевальную площадку и отгородила занавеской угол, в котором певец обычно спал. Принс, Пэрис и Бланкет расположились в гостевых спальнях наверху. Проживание в доме Касио давало Джексону то, чего он не мог получить больше нигде: окно в нормальную жизнь. С годами их дом стал одним из его любимых убежищ, где он мог побыть самим собой.

Билл:

В конце августа мне позвонила Раймона и сообщила, что она арендовала фургон с удобствами и водителем, чтобы отвезти мистера Джексона с детьми в Нью-Йорк. Мы с Джавоном должны были следовать за ними на внедорожниках, а поселили нас в отеле примерно в миле от дома Касио. Грейс с нами не было. Мы пересеклись с ней в Нью-Джерси чуть позже. Там же нас встретила и учительница. Летние каникулы закончились, и детям пришлось время возвращаться «в школу».

Прежде чем уехать, нам пришлось упаковать уйму вещей. Все кинооборудование, которое он приобрел здесь. Множество книг общей стоимостью 4-5 тысяч долларов. Этот гигантский рекламный стэнд с «Симпсонами». Мы упаковали все это и отвезли в хранилище. У Майкла Джексона по всему миру в различных хранилищах лежала масса вещей. В Лондоне, в Калифорнии. В Нью-Джерси у него было четыре авиа-ангара, забитых вещами – декорациями из его клипов и концертов. Были хранилища в Вегасе, и вот теперь в Вирджинии. Он покупал слишком много всякого барахла. Я вам гарантирую, по всему миру до сих пор есть люди, у которых хранятся его вещи. Он покупал что-нибудь на месте, а потом там и оставлял.

Когда мы добрались до Джерси, нам никто не сказал, сколько мы там пробудем и вернемся ли в Вегас, но к тому времени мы уже с этим свыклись. На сегодня план действий такой-то. А что будет завтра – неважно.

Джавон:

Семья Касио жила в небольшом городке Франклин Лэйкс, в типичном доме в пригороде. Они были очень милыми, приятными людьми. С Энджелом мы уже встречались в Вегасе, но всю семью видели впервые. Мы проводили мистера Джексона и детей в дом,

выгрузили их багаж. Миссис Касио предложила нам перекусить. Мы отказались. Мистер Джексон сказал, что в доме он будет в полном порядке, так что мы поехали в отель.

Билл:

Прежде чем мы уехали из Вирджинии, как-то ночью я увидел две машины, подъехавшие к домику Грейс. Это выглядело странно, поэтому я сел в машину и подъехал туда. В дом уже заходили какие-то люди. Я позвонил Грейс:

- Эй, Грейс, что происходит?
- Ничего.
- Все нормально?
- Конечно, а что?
- Да тут какие-то машины приехали.
- А, это просто мои друзья.

Она словно оправдывалась. Я не стал выпытывать детали. Наутро мы с Джавоном завтракали в ресторане, и я увидел там какого-то высокого белого парня, завтракавшего в одиночестве. Раньше я его никогда не видел. Он выглядел чужаком. Не был похож на человека, приехавшего в отпуск на ферму. Я запомнил это.

Через пару недель, когда мы приехали в Нью-Джерси, мистер Джексон сказал мне, что в последнее время у нас явно было слишком много нагрузок, поэтому Раймона предложила ввести в нашу команду третьего телохранителя, парня по имени Майк ЛаПеррук. Он раньше работал в охране на ранчо «Неверленд». Мистер Джексон сказал, что все будет иначе, не так, как было в Вирджинии.

– Майк не собирается заменять вас. Он просто вам поможет. Он раньше работал на меня, так что он знает все мои требования.

Я не думал, что нам это нужно, но если этого хотел мистер Джексон, то пусть будет так.

– Нет проблем, сэр.

Когда Майк ЛаПеррук прибыл на место, он позвонил мне и сказал, что хочет встретиться. Я вышел к завтраку. Тут он зашел, и я увидел, что это тот самый белый парень, который околачивался в Goodstone Inn. Я не сказал ему, что видел его тогда в Вирджинии, а он не упомянул, что был там, но я узнал его.

Позднее, поговорив с мистером Джексонем, я узнал, что Раймона развернула целую кампанию против нас с тех пор, как мы выставили ее охранников. Мистер Джексон сказал, что она постоянно нашептывала ему, будто бы он не должен доверять нам, и поэтому велела ЛаПерруку приехать в Вирджинию в тот вечер, чтобы он встретился с мистером Джексонем. Она хотела убедить его избавиться от нас и поставить этого парня новым начальником его личной охраны, набранной из ее людей. Мистер Джексон добавил, что отказал ей, но он все равно решил, что было бы неплохо иметь под рукой еще одного человека.

Едва мы начали работать вместе, я понял, что этому парню много чего наговорили про меня и Джавона. Он разговаривал с нами так, словно его сюда прислали «разобраться с проблемами». Но если он намеревался разбираться с проблемами, значит, кто-то сказал ему, будто бы здесь возникли проблемы, и опять все дороги вели к Раймоне. Если его прислали шпионить за нами, он не очень-то пытался это скрыть. Он говорил нам:

– Знаете, менеджеры ведь очень важны. Они должны знать, чем занимается клиент, чтобы они могли скрыть это от прессы.

Как угодно. Я бы терпел этого парня, раз мистер Джексон настаивал, но нам так и не выплатили зарплату. Мне до сих пор любопытно, как Раймона объяснила наем третьего охранника, хотя не могла заплатить двум другим, и как она оплатила его перелет в Вирджинию, раз все деньги мистера Джексона были «вложены в проекты». Тем временем, мы с Джавоном все так же жили на суточные.

Джавон:

Затем перестали приходить и суточные. Через три дня после того, как мы вселились в отель в Нью-Джерси, деньги перестали приходить. Мы позвонили Раймоне:

– В чем дело? Каким образом нам питаться?

– Не волнуйтесь. Если вам что-нибудь нужно, пусть это записывают в счет за номер.

Мы жили не в каком-нибудь экстравагантном отеле с обслуживанием номером. Это был скорее отель среднего звена. Из еды у них были только суп и сэндвичи. И все. Этим мы и питались каждый день – суп, сэндвичи и холодная овсянка на завтрак.

Без суточных у нас не было наличных денег, чтобы как следует выполнять дневные поручения. Раньше мы мыли и чистили машины на профессиональных мойках. Теперь у нас на это не было денег, и мы мыли их на маленьких мойках, где нужно было все делать самому. А иногда мы не могли сделать и это. Мистер Джексон с детьми садился в машину, и на заднем сиденье был всякий мусор и крошки от еды. Денег на чистку и глажку костюмов у нас тоже не было.

Билл:

Мы стали терять терпение. Мы устали, были расстроены и голодны. Я старался относиться к ситуации философски и оставаться спокойным. Поскольку я занимался такой работой гораздо дольше, то знал, что это часть профессии. Но для Джавона многое было в первый раз, и ему было куда труднее.

Джавон:

Мы изо всех сил старались не показывать мистеру Джексону, как мы расстроены, но он порой улавливал наше настроение. Иногда он звонил нам и давал какое-нибудь срочное поручение: «Ребята, мне надо, чтоб вы кое-что купили». Шесть тридцать утра, мы вылезали из постелей, надевали костюмы, и вся наша выдержка куда-то девалась. Мистер Джексон это замечал.

– Эй, Джавон, в чем дело? Не вижу улыбок.

Он делал это так мило, что это мгновенно разоружало нас. Было совершенно невозможно злиться после его слов.

Билл:

Мне не давали никаких мелких денег, и я полностью исчерпал кредитный лимит в своих кредитных карточках, но он делал покупки так, словно у него не было никаких проблем. Мы ездили в антикварные магазины на Парк и Лексингтон Авеню. Он выбирал целую охапку всяких вещей и отправлял меня договариваться о покупке.

В Нью-Джерси есть торговый центр, Mall at Short Hills. Мы были там несколько раз. Возле одного из входов стояло огромное колесо обозрения. Мистер Джексон стал разглядывать его, когда мы шли мимо, а затем, на обратном пути к машине, сказал:

– Билл, узнай, кто изготовил это колесо обозрения. Узнай, сколько оно стоит. Я хочу себе такое.

Можете себе представить, о чем я подумал в тот момент? За каким хреном ему нужно это колесо, куда он его денет? У него даже нет дома – он жил в подвале у друзей. Позднее я вернулся в торговый центр и сфотографировал табличку с данными производителя, а потом пошел искать информацию. Эта штука стоила примерно 300 000 долларов. Я передал ему данные. Слава Богу, он больше не возвращался к этой теме.

Труднее всего было осознавать, что у него были наличные, и он мог бы заплатить нам. У него с собой было достаточно налички, и он мог полностью оплатить наши услуги в любое время. Но мы не просили, а он не предлагал. Мы знали, что ему нужны были эти деньги. Это деньги для него и его детей. Он не считал их частью финансов, необходимых для бизнеса. И это расстраивало. Он давал нам тысячу долларов, поскольку ему нужно было что-то купить. Что-нибудь идиотское и совершенно не нужное. Он звонил и говорил: «Билл, я оставил у задней двери немного денег. Мне нужен телевизор с плоским экраном и кое-какие устройства для айфона». Мы ехали и покупали, что бы он ни просил. Несколько раз, доставив покупки в дом, мы попытались оставить сдачу себе. Чтобы купить хотя бы что-нибудь поесть. Но он всегда просил нас вернуть сдачу ему.

Джавон:

Злость, враждебность, разочарование... Все это мы с Биллом начали вымещать друг на друге. Мы ездили с поручениями и не разговаривали друг с другом без необходимости. Помню, как-то ночью мы едва не подрались. Я давно уже стирал свои рубашки вручную, сам чистил костюмы и сушил постиранную одежду феном. Мы застряли в этом дешевом отеле и жили на одном супе и крекерах. И я отправился к Биллу, чтобы сказать ему, что я так больше не могу. Но он не захотел меня выслушать. Я колотил в его дверь и орал на него около часа, прежде чем он впустил меня. Было видно, что он зол. Я сказал ему:

– Мне надо отправить костюм в чистку, и мне на это нужны деньги. Тебе надо позвонить Раймоне и сказать ей об этом.

Билл взорвался:

– Какого хрена?! Мне тоже нужно почистить костюм! Почему все сводится только к твоим проблемам?

– Ну а какого черта мне делать? Это ведь ты общаешься с Раймоной!

Мы орали друг на друга еще минут двадцать.

– Я выгреб все свои кредитки подчистую!

– Я тоже!

Мы перебрасывались всякими жалобами и обвинениями, но все то, что переживал один из нас, переживал и другой. У меня дома был новорожденный. Билл в одиночку растил дочь. Нам надо было успокоиться. Почему мы ссоримся друг с другом? Мы просто устали. Нам бы немного выпить, но мы не могли себе этого позволить.

Были дни, когда мы настолько злились, что просто умоляли о появлении возможности выплеснуть это на кого-нибудь. Вот пусть бы кто-нибудь попытался причинить боссу вред. Пусть бы кто-нибудь напал на нас. Мы отметили бы его до полусмерти. У меня был станер, выдававший заряд под 950 000 вольт в секунду. И я все повторял Биллу, что у меня буквально руки чешутся применить его.

– Пусть бы кто-нибудь сказал мистеру Джексону какую-нибудь гадость или подошел к нему не так, как положено. О, пусть только кто-нибудь переступит черту!

Билл:

Нам хотелось надрать кому-нибудь задницу прямо на глазах у Майкла Джексона. Чтобы он видел, как мы сердимся. Мы хотели, чтобы он это видел. Мы бы и ему дали отлупить кого-нибудь, поскольку у него тоже накопилось множество личных обид. Типа, эй, мистер Джексон, идите-ка пробейте с ноги, задайте этому ублюдку как следует.

Джавон:

Нас все время спрашивают, почему мы не уволились. Почему остались. Это звучит странно, но мы считали, что продолжать охранять его было не просто нашей профессиональной обязанностью. Это было самым практичным решением на тот момент. Мы знали, сколько денег он задолжал другим. Если мы уйдем, мы окажемся в самом конце очереди, вместе со всеми. И тогда уж точно не увидим своих денег.

Билл:

Мы решили, что, как бы тяжело ни было, мы не выпустим мистера Джексона из поля зрения. Пока мы здесь, рядом с ним, рано или поздно нам заплатят. Это практическая часть. Но, с другой стороны, я могу наверняка назвать личную причину того, почему мы остались. Мы остались ради детей. Ради Пэрис, Принса и Бланкета. Их нельзя просто взять и бросить. Мы знали, как они жили. В полной изоляции. В одиночестве. Что с ними будет, если с мистером Джексонем что-то случится? В Вирджинии он ведь уже говорил мне: как бы он ни любил их, есть вещи, которые он не может сделать для них сам. Мы жертвовали временем и отношениями со своими детьми, чтобы дать этим троиц все, что им было нужно, и мы боялись, что на наше место придут люди, которые не будут относиться к детям с таким же вниманием и заботой.

Джавон:

В какой-то мере мы нарушили протокол. Нельзя так привязываться к своему клиенту. Но мы проводили с ними по шестнадцать часов в сутки, и иначе не получалось. Если мы и начинали думать о том, чтобы уехать, дети всегда радовались, когда мы привозили им что-то из магазина, и начинали благодарить нас: «Спасибо, Джавон! Спасибо!». И мы таяли.

Мы всегда чувствовали себя нужными. Мы ощущали, что делаем что-то важное, а не просто какую-то обычную работу. Мы везли их куда-нибудь, и мистер Джексон говорил нам: «Ребята, я так горжусь вами, и дети вас очень любят. Вы здорово работаете. Я не хочу, чтоб вы думали, будто я не ценю вас». В такие моменты нам становилось так хорошо. Сам Майкл Джексон говорит нам это. Мне плевать, что говорят другие, пока Майкл Джексон считает, что я хорошо выполняю свою работу. Это уже не похоже на обычную рабочую рутину. А когда нам наконец-то заплатили, он радовался не меньше нас, настолько ему хотелось, чтобы мы чувствовали себя комфортно, работая на него.

Через пару недель после приезда в Нью-Джерси он поехал на фотосессию для итальянской версии журнала Vogue. Руководство журнала разместило нас в отеле The Carlyle на Манхэттене. Съёмки проводили в студии на 53-й или 54-й улице, в огромном павильоне, который раньше служил складом. Там был лифт таких размеров, что в него можно было закатить оба наших внедорожника, поэтому мы поднимались вверх, не выходя из машин, и припарковались рядом со съёмочной площадкой. У них было множество вешалок с костюмами и огромная подборка дорогих украшений для мистера Джексона.

Мистеру Джексону, сидевшему перед зеркалом, как раз делали макияж, когда появилась Раймона. Она принесла с собой целую пачку писем и пакетов для него. В этой пачке было два конверта для нас с Биллом. Когда она протянула ему все это, он *остановил* работу. Он

остановил все. Он выскочил из своего кресла, не закончив макияж (а в волосах у него все еще торчали бигуди), и кинулся через все помещение, размахивая этими конвертами:
– Билл! Джавон! А у меня для вас сюрприз!

Его лицо расплылось в широченной улыбке, когда он протянул нам конверты:
– Вот видите? Вот! Я же говорил! Я обещал. Простите, что это заняло так много времени, и спасибо, что вы остались со мной. Другие бы уже давно уехали.

Мы поблагодарили его, и он добавил:
– Ну, а теперь мы можем вернуться к работе, да? Мне хочется, чтобы у вас было хорошее настроение. Теперь-то вы будете мне улыбаться?

Он говорил искренне. Он очень гордился собой, что наконец-то выбил нам плату. Мы тоже радовались. Но затем мы открыли конверты.

Билл:

Там была только половина. Раймона выплатила нам половину задолженности. Она подошла к нам сразу за мистером Джексоном:
– Ну, парни, вы довольны?

Словно она делала нам одолжение. Это нас реально взбесило. Я сказал ей, что мы обсудим это позже.

Когда съемки закончились, мы сели в машину, и мистер Джексон поинтересовался:
– Ну как, все довольны? Ребята, вы довольны?

Я выдавил из себя улыбку:
– Да, сэр. Все в порядке.

Ничего не было в порядке. Я был страшно зол. Я злился, что не получил все причитающиеся мне деньги. Но я видел по его лицу, как он радуется – ведь он старался для нас. *Он* был счастлив, а мы так редко видели его счастливым. Ну что же я, отниму у него эту радость?

Джавон:

В тот вечер мы вернулись в отель, и я наткнулся на Раймону и двух ее коллег в ресторане. Она помахала мне:
– Джавон, иди к нам! Да иди же! Как дела?

Раймона всегда была со мной приветливее, чем с Биллом. Ведь я не встречал между ней и мистером Джексоном, поэтому для нее я был лишь мальчиком на побегушках. Я подошел к ней, стараясь улыбаться, но она, должно быть, видела, что улыбка фальшивая.
– Куда идешь? – спросила она.
– Хочу пойти поужинать, – сказал я.
– Ой, а садись с нами, выпей чего-нибудь.

Я не хотел создавать больше проблем, чем мы уже создали, поэтому я ненадолго подсел к ним. Когда принесли чек, я увидел сумму. 2 300 долларов на пятерых. Видимо, они пили какое-то дорогое вино. Я сидел, смотрел на этот чек и думал: «Черт побери, это почти та же сумма, которую они задолжали мне».

– Джавон, какие-то проблемы? – спросила Раймона.

Я считал, что мне не следует поднимать скандал в присутствии чужих людей, поэтому ответил:

- Все нормально. Я просто не в настроении. Я пойду к себе в номер.
- Ладно, спокойной ночи.

Билл:

Кажется, она решила, что мы идиоты. Будто мы не видим, что она тут пытается устроить, притащив в команду Майка ЛаПеррука. И как она арендовала квартиру в Вегасе под носом у мистера Джексона. Мы ведь возили ее туда. Вероятно, она считала, что мы не способны сообразить, что к чему. Мистер Джексон явно не доверял ей. Так почему она все еще здесь? Мы не знали.

К счастью, нам не пришлось долго волноваться из-за ЛаПеррука. Не успев прийти в команду, он тут же заслужил неодобрение мистера Джексона. Через пару дней после фотосессии для Vogue мы ехали домой из торгового центра. В машине были я, мистер Джексон и Майк. По радио объявили, что в Лас Вегасе арестовали О-Джея Симпсона. Его взяли за вооруженное ограбление, когда он пытался украсть свои же собственные спортивные сувениры у каких-то людей в отеле. Когда это передали в новостях, Майк ЛаПеррук сказал:

- Ну, наконец-то они его взяли! Наконец-то они поймали О-Джея!

Мистер Джексон, сидевший на заднем сиденье, переспросил:

- Что? Что там насчет О-Джея?
- Его наконец-то поймали, – ответил Майк.
- Что ты имеешь в виду?
- Да его арестовали в Вегасе.

Мистер Джексон не особо отреагировал, только многозначительно хмыкнул. Когда мы остановились, и Майк побежал за чем-то в магазин, мистер Джексон сказал мне:

- Билл, мне это не понравилось.
- Что именно, сэр?
- Мне не понравился этот комментарий об О-Джее. Мы с ним дружили. Никто этого не знает, но он жил у меня в «Неверленде» после того, как его оправдали.

«Чегоооо?!» – подумал я. Я никогда раньше не слышал об этом. Я так и не понял, считает ли он О-Джея виновным или нет, но, кажется, он симпатизировал О-Джею, поскольку его тоже преследовали, даже после того, как ему вынесли оправдательный вердикт. Люди все никак не оставляли его в покое. Мистер Джексон сказал, что понимает, каково сейчас О-Джею.

- Ему следовало уехать из страны. Он должен был уехать и никогда не возвращаться, – добавил он.

Услышав такой комментарий об О-Джее от Майка, мистер Джексон уже не считал его подходящим для работы в команде. Нам быстро стало известно, что Майк точно так же передает Раймоне информацию, и мистеру Джексону это тоже не нравилось.

- Это уже не тот парень, который когда-то работал со мной, – поведал он нам.

Однако он не уволил Майка. Тот остался на работе, но отныне мы везде ездили без него.

Через неделю после фотосессии для Vogue он устроил вторую, для Ebony. Это было грандиозное событие. Нас поселили в отеле Four Seasons. Съемки проходили в

Бруклинском музее. Его полностью закрыли для посетителей на целый день. Мы привезли туда мистера Джексона к восьми утра. У него была своя гримерная и множество вешалок с дизайнерской одеждой. Вокруг него все кипело. На фотосессии присутствовали главные редакторы журнала и многие сотрудники редакции.

Видеть, как к нему с криками пытаются прорваться фанаты – это одно. Когда речь идет о поклонниках, ты должен быть буфером между ними. Ты защищаешь его. Здесь же я не пытался кого-либо отталкивать и просто наблюдал, как люди подходили к нему и как выказывали ему свое почтение. Там было множество успешных людей, важных шишек, но все они преклонялись перед ним. Все вертелось вокруг него. Куда бы он ни пошел, его присутствие мгновенно ощущалось.

Когда пришло время фотографироваться, он был очень взволнован. Он принимал свои знаменитые позы, хватался за промежность и танцевал, а фотографам лишь оставалось снимать. В какой-то момент он крутнулся на каблуках так резко, что у него порвались брюки. Он повернулся и стал дорывать их специально, и в итоге едва не остался без них. Его подбадривали со всех сторон криками. Он полностью переключился в режим «артист». Для меня, мальчишки, выросшего на музыке Jackson 5 с журналом Ebony подмышкой, это было потрясающее зрелище. Настоящая фотосъемка для журнала. Майкл Джексон. Thriller. У меня мурашки бегали по коже.

В тот день я увидел ту его грань, которую мне еще не доводилось наблюдать. Когда он очутился перед камерами, в нем словно вспыхнул яркий свет. Его поведение, отношение – все полностью изменилось. Так я впервые встретил Короля поп-музыки. До этого я работал на Майкла Джексона. И я понял, что это два разных человека. У Короля поп-музыки были дизайнеры и стилисты. Майкл Джексон сам стирал свою одежду. До этого мы с Джавоном видели его только в пижаме, с детьми. Мы знали того парня. Но этот парень, этот Король поп-музыки был нам совершенно незнаком.

Джавон:

После съемок для Ebony мы собрались ехать домой. Вроде бы все важные дела были уже закончены. Но мистер Джексон захотел остаться. Каждое утро мы везли учительницу в дом Касио для занятий с детьми и оставались неподалеку от дома на случай, если мистеру Джексону что-нибудь понадобится. Мы катались по району, высматривая случайных папарацци. Но здесь не возникало никаких проблем, поскольку квартал был очень тихий. По большей части мистер Джексон сидел дома и отправлял нас с поручениями. Порой мы не получали от него известий по 3-4 дня.

Было видно, что с Касио у него давние дружеские отношения. Он был расслаблен и счастлив. Я вспоминаю эти дни как одни из лучших моментов – когда он жил в хорошем месте и чувствовал себя комфортно в присутствии других людей. Мы никогда раньше не видели его таким довольным. Я знал, что он счастлив; как-то днем мы снова куда-то ехали, и, когда он сел в машину, я сказал ему:

– Мистер Джексон, а вы, кажется, даже слегка поправились. Отлично выглядите.

– Да, Джавон, я хорошо питаюсь, – ответил он. – Из-за матери Энджела я скоро растолстею. Они кормят меня всевозможными итальянскими блюдами. Дети постоянно требуют добавки.

Билл:

Мистер Джексон также использовал это время для работы над музыкой. У Энджела Касио была студия в подвале, и они вдвоем проводили там много часов. Были и встречи по поводу выпуска Thriller-25. Питер Лопез устроил мистеру Джексону встречу с певцом Не-Йо, а затем и с Канье Уэстом. Они обсуждали ремикс Billie Jean для юбилейного выпуска.

Джавон:

Когда Канье Уэст встретился с мистером Джексон, он повел себя как самый настоящий фанат. Встреча проходила в доме Лиора Коэна, президента компании Def Jam Recordings. Мы с Биллом ждали снаружи у машины, когда увидели двух ребят – низенького и высокого, идущих по улице. Когда они подошли поближе, мы увидели, что низеньким был Канье. Ого, подумали мы, да это же Канье Уэст! Мы провели его в дом, и едва Канье увидел мистера Джексона, он потерял голову. Его словно прорвало:

– О, Господи, мистер Джексон, я так рад видеть вас, это такая честь для меня, вы и понятия не имеете, я же ваш самый большой поклонник, я обожаю вас!

– Да благословит вас Бог, – ответил мистер Джексон. – Спасибо. Мне тоже очень нравится ваша работа.

Все это время Канье вел себя как ребенок в магазине сладостей. Я никогда не видел его настолько непритязательным. Это было невероятно. Все ведь знают, что Канье может быть довольно высокомерным, и вот он стоит в одной комнате с мистером Джексон и сам изумляется этому. Когда Не-Йо познакомился с мистером Джексон, он точно так же благоговел перед ним. Бедняга так нервничал, что его буквально трясло. Когда видишь подобное, то сразу вспоминаешь, насколько особенным мистер Джексон был для людей.

Билл:

Как-то мистер Джексон позвонил мне и попросил зайти в дом. Когда я приехал, он сказал мне:

– Я хочу попросить тебя об одной услуге. Этот пакет нужно отвезти одному моему другу в город.

– Конечно, сэр.

– Билл, я хочу, чтобы ты был подготовлен к этой встрече. Он пережил ужасную трагедию. Когда он был ребенком, его отец поджег его. Его зовут Дэвид. Возможно, ты о нем слышал. О его жизни сняли фильм.

– Да, сэр.

– Билл, когда ты увидишь его, то наверняка будешь в шоке. Поэтому ты должен подготовиться, чтобы он не заметил, насколько ты шокирован.

– Хорошо, сэр.

Он протянул мне пакет, что-то завернутое в газету и обмотанное клейкой лентой. Пакет был толщиной не менее 3 см. По размеру и ощущениям я понял, что внутри деньги. Много денег. Вместе с пакетом он дал мне номер телефона Дэвида и сказал, что тот будет ждать моего звонка, когда я прибуду в город.

Пока я ехал через мост Джорджа Вашингтона на Манхэттен, я все думал, что же случилось с этим Дэвидом и как он выглядел. Может, он инвалид? В инвалидной коляске? Я не знал. Я позвонил ему, и мы договорились встретиться напротив Мэдисон Сквер Гарден. Я подъехал туда, припарковался, вышел из машины и позвонил ему снова. Он сказал, что находится в квартале от меня. Через пару минут я увидел, как ко мне идет невысокий худой белый парень в зеленой шляпе, надвинутой низко на лоб и скрывавшей его лицо. Подойдя поближе, он позвал меня по имени:

– Билл?

Я изо всех сил старался не пялиться на него. Его лицо было полностью покрыто шрамами от ожогов. Уши, нос и руки деформированы. Могу только представить, каково ему было появляться на людях.

– Привет, Дэйв, как дела?

– Спасибо, хорошо. А как Майкл?

– У него все отлично.

Я протянул ему пакет.

– Спасибо, – сказал он, – и передайте Майклу, что я люблю его.

– Конечно, передам, – я обнял его и добавил, – берегите себя.

Он снова надвинул шляпу пониже и направился в метро. Я же сел в машину и поехал назад в Нью-Джерси.

Помимо этого события мало что происходило. Мы торчали у дома Касио почти два месяца, ездили с поручениями и за покупками в торговый центр. Думаю, мистер Джексон чувствовал себя там очень уютно. Он не хотел уезжать. Стабильность их семейной жизни была для него редкостью. Однако было ясно и то, что мы не уезжаем, потому что у нас нет ни копейки денег. К концу октября проблемы возникли не только с нашей зарплатой. Деньги просто закончились. Точка.

Как-то утром Джавон встал, как обычно, и пошел в спортзал при отеле, позаниматься. Когда он вернулся, то не смог войти в свой номер. Он спустился к администратору, чтобы узнать, в чем дело, и ему сказали, что с карточкой, заявленной для оплаты за номер, возникли какие-то проблемы. Оплата за номер снималась автоматически в какое-то конкретное время. Когда она не поступила, дверь заблокировали. Джавон позвонил мне, и я тоже спустился вниз, чтобы поговорить с менеджером. Мне сказали, что за номер уже образовалась задолженность, которую необходимо оплатить. Они не могли впустить нас обратно в наши комнаты, пока не поступят деньги.

Этим счетом занимался офис Раймоны, она лично отвечала за оплату. Менеджер отеля сказал мне, что они уже говорили с ней. Я позвонил ей. Естественно, она не брала трубку. И она ведь знала, что я звоню по важному делу, потому что буквально только что говорила с менеджерами отеля. В итоге я поговорил с каким-то ассистентом из ее офиса и услышал обычную отмазку: «Все деньги мистера Джексона вложены в проекты».

Мы просидели в вестибюле пару часов, после чего нам сообщили, что мы можем вернуться в свои комнаты. Я справился у менеджера, чья карточка была использована для оплаты. За нас заплатила какая-то женщина из офиса Раймоны, обычный рядовой сотрудник. Она использовала свою личную кредитку, чтобы оплатить счета Майкла Джексона.

Джавон:

Поначалу я решил, что мисс Раймона просто затянула с оплатой своим сотрудникам. Что это временно. Но затем до меня начала доходить суровая реальность. Все это беспокоило меня. Да что же там происходит? Нас выкинули из номеров на час или мне уже паковать вещи, чтобы ехать домой? Почему меня вышвыривают из отеля, если я работаю на Майкла Джексона?

У нас была корпоративная карточка, по которой мы заправляли машины. Ее тоже отрезали, примерно в то же время. Билл стал закладывать свои личные деньги за бензин. Мы и без того были в яме, а он ежедневно тратил по 50 долларов на каждую машину, чтобы мы могли работать. Я сказал ему, что он сошел с ума.

– Билл, это не твоя ответственность. Нам следует сделать это показательным примером. В следующий раз, когда мы соберемся на какую-то важную встречу, надо сказать мистеру Джексону, что у нас нет бензина, и мы не можем за ним приехать. Тогда им придется как-то решать ситуацию.

Билл сказал, что не может это сделать, поскольку это выставит нас в нехорошем свете. Он вел себя как солдат, которому дали важное боевое задание. Такой у него характер. Если другие люди не выполняют свою работу, это не значит, что и ты не должен. Он все повторял:

– Да ничего, я сам заправлю машину.

Уж не знаю, откуда он брал деньги, у кого занимал. Мне он говорил только одно: «Я все устроил».

Билл:

Мы едва сводили концы с концами. В последнюю неделю октября мы с Майком ЛаПерруком повезли мистера Джексона в город на ужин с Питером Лопезом. Они ужинали в китайском ресторане на Лексингтон-авеню. Я не присутствовал при их разговоре, но, думаю, эта встреча была связана с тем телефонным звонком в Вирджинии, когда мистер Джексон попросил его: «Ты можешь помочь мне узнать, куда деваются мои деньги?»

Джавон:

После съемок для журнала Ebony мы везли мистера Джексона обратно в отель. Неподалеку от магазина Apple на 57-й улице мы увидели на огромной афише рекламу фильма, в котором играла Дженет Джексон – «Зачем мы женимся?» Мы остановились на светофоре, мистер Джексон взглянул на афишу и спросил:

– Это что, моя сестра? Что это такое? Какая-то пьеса?

– Нет, это ее фильм, сэр. Она снялась в фильме.

– А когда он выходит?

Фильм вышел несколько месяцев назад. Афиша была уже старой и порванной по краям. Но я не хотел говорить ему это, поэтому сказал:

– Да он вышел совсем недавно, сэр.

– А-а, – сказал он тихо, почти шепотом. – Интересно, почему мне никто ничего не сказал.

Мы с Биллом переглянулись, потрясенные. Как это, он даже не знает, что его родная сестра снялась в таком известном фильме? Мы знали, что он одинок. Мы знали, что у него было мало друзей. Но как так вышло, что за все эти месяцы никто даже в обычном дружеском разговоре не упомянул: «Эй, Дженет классно сыграла в этом фильме»? Да почему же он настолько отрезан от всех?

Когда мы двинулись дальше, он сказал:

– Интересно, что это за фильм, хороший ли.

– Я его смотрел, сэр, – ответил я. – Отличный фильм.

И больше мы к этому не возвращались. Он ни разу не заговорил об этом снова.

Билл:

Увидев тогда, в каком беспорядке находятся его дела, я думал, что они всегда были в таком состоянии. Теперь же, оглядываясь назад, я верю, что, если бы его отношения с семьей были лучше, если бы он относился к ним так же, как к семье Касио, его жизнь была бы совсем другой. В этом вся проблема.

Мы иногда говорили с Грейс о старых временах, когда его жизнь была более организованной. Помню, она рассказывала, что во времена брака мистера Джексона и Лизы Мари Пресли все было прекрасно. Грейс считала, что Лиза по-настоящему любила его, и он тоже любил ее. У них были доверительные отношения, и поэтому все его дела были в порядке, Лиза Мари следила, чтобы люди не использовали его и не настраивали его против других. Во всяком случае, она пыталась это сделать. Если ты находишься в таком положении, как Майкл Джексон, у тебя должен быть кто-то, кто прикрывает твои тылы. Кто-то, кто остается с тобой не ради чеков и зарплаты. Кто-то, у кого нет корыстных планов насчет тебя.

Когда мы только пришли на эту работу, и мистер Джексон не пускал свою семью в дом без предварительной договоренности, я решил, что это полный бред. Но, поскольку нам много чего нехорошего рассказывали про них, это выглядело довольно логично. Мы слышали, что семья пытается использовать его и выкачивает из него деньги, что они хотят контролировать его. Мы слышали, что они намеревались похитить его. Какие бы мерзости ни всплывали в таблоидах, мы всякий раз слышали, что именно кто-то из семьи слил эту информацию прессе.

Если честно, понаблюдав за всем и познакомившись с его семьей, я не ощутил ничего такого, никакой гнильцы. Рэнди? Да. Рэнди – это Рэнди. У него с Майклом произошли разногласия из-за бизнеса. Джермейн тоже казался приветливым, но когда он звонил или приезжал, то вечно заговаривал о каких-то сделках, которые хотел заключить. Когда-то Джермейн первым покинул группу; он хотел сделать сольную карьеру, но у него ничего не получилось. Вероятно, здесь была замешана ревность или даже зависть. Джермейн также пытался продать книгу во время суда, и, думаю, мистер Джексон так и не простил ему это. Джермейн был не настолько близок с Майклом, как думают некоторые. По крайней мере, по моим наблюдениям этого не было видно.

Но все остальные? Джеки, Ребби, Тито и прочие? Я никогда не замечал за ними ничего плохого. Они всегда вели себя почтительно и дружелюбно. Единственное, что я ощущал от них – это беспокойство и забота. Они волновались за брата. И даже Джо Джексон. Хоть он и вел себя со мной паршиво, когда мы пересекались, а в прессе про него ходили жуткие истории. Люди хотели превратить его в негодяя, но все было намного сложнее и запутаннее. И было еще кое-что, сказанное Грейс, что я запомнил особенно хорошо. Она сказала, что единственным человеком, который никогда не крал у Майкла Джексона, был *его отец*.

В семье я был младшим из шести детей. Мои отношения с отцом нельзя было назвать лучшими. Он бывший военный и привык к жесткой дисциплине. Мне не раз доставалось. В те времена такое случалось во многих семьях чернокожих. Мир не всегда был безопасен для чернокожей молодежи. Банды. Преступность. Проблемы в школе. И если ты где-то накосячил, старшие применяли ремень. Вот так это бывало. Мистер Джексон даже как-то упомянул об этом, когда мы обсуждали наши семьи. Он сказал, что не понимает, почему пресса до такой степени раздула то, как его отец наказывал их и призывал к порядку. В те времена это считалось обычным делом. Вдобавок, он вывел семью из Гэри и поднял их на

невиданный доселе уровень. Думаю, трудно судить Джо Джексона, если не прожил его жизнь. Если бы он не был таким, кто знает, узнал бы мир когда-нибудь о Майкле Джексоне или нет.

Я понимал, почему он не очень-то дружил с некоторыми братьями. Но чтоб не дружить со всеми? Со всей семьей? Это было странно. Восемь братьев и сестер, множество племянников, племянниц и двоюродных родичей. Ну не могут же они все быть плохими. Это невозможно. Однако нам дали четкие инструкции, что ни один член семьи не должен приближаться к нему, кроме его матери. Только у нее одной был его номер телефона, но его братья постоянно выпрашивали у нее этот номер. После того как я зарегистрировал ему новенький айфон, мне пришлось четырежды поменять его номер за первые полгода. И каждый раз он делал это только для того, чтобы скрыться от своей семьи.

Его мать могла приезжать и звонить когда угодно, но иногда она звонила мне и не просила позвать его к телефону. Может, она просто не хотела его беспокоить. Не хотела, чтобы он думал, будто она вмешивается в его дела. Поэтому она звонила мне, я спрашивал, не хочет ли она поговорить со своим сыном, а она отвечала отказом. Она просто расспрашивала меня:

– У него все в порядке? Он кушает?

– Да, мэм. У него все хорошо. Он сейчас смотрит с детьми фильм.

– А, хорошо. Спасибо.

И все. Она просто проверяла, как у него дела. Как любая мама.

Такое же ощущение у меня было и от большинства членов его семьи. Они проверяли, как у него дела. И поэтому у меня возникла мысль, что его отношения с семьей пострадали из-за всех этих менеджеров. Поскольку рядом с ним не было никого из семьи, слишком многие люди могли запускать лапы в его карманы, тащить оттуда деньги или манипулировать им, пока он находился в таком уязвимом состоянии. У него не было никого, кто мог бы защитить его. Да, у него была охрана, чтобы оберегать его физически. У него были лучшие юристы в стране, занимавшиеся его контрактами и каталогами прав на песни. У него были все эти люди. Но чего здесь не хватало, так это людей, которым Майкл Джексон в самом деле был *небезразличен*.

После двух месяцев в Нью-Джерси Майклу Джексону нанесли два сильных удара подряд. В октябре шейх Абдулла из Бахрейна, устав требовать урегулирования дела у адвокатов Джексона, подал на певца в суд в Лондоне на сумму 7 млн. долларов, которые он вложил в так и не изданный альбом и мюзикл, обещанные по контракту с компанией Two Seas Records. В отличие от всех прочих глупых претензий, отнимавших у Джексона столько времени, этот иск мог нанести серьезный урон. По условиям контракта, подписанного Джексонем и Абдуллой, шейх получал права на любые новые записи или живые концерты певца. Джексон утверждал, что его обманом заставили подписать этот контракт, не объяснив ему все нюансы и условия. Абдулла же заявлял, что его использовали и оставили ни с чем. Как бы там ни было, а Джексон не мог работать, пока над ним висел этот иск.

Буквально через несколько дней после сообщений о претензиях Абдуллы компания Fortress Investment Group инициировала процедуру изъятия ранчо «Неверленд», поскольку кредитная задолженность так и не была выплачена. 22 октября компания оформила уведомление о невыполнении обязательств и намерении продать ранчо. Джексон задолжал всю сумму залога ранчо, 23 млн. долларов, плюс 212 963 доллара процентов. У него было всего девять дней, чтобы решить этот вопрос, иначе «Неверленд» пойдет с молотка.

Осенью 2007 года Майкл Джексон оказался в безвыходном положении. Он жил в подвале дома Конни и Доминика Касио, не имея больше никаких ресурсов. Как и во многих случаях до этого, едва попав в трудную ситуацию, он обратился за помощью к богатому и могущественному лицу.

Билл:

Как-то вечером мы забрали мистера Джексона из дома Касио и повезли его на встречу с Лонделлом Макмилланом, очередным крутым юристом в сфере шоу-бизнеса. Лонделл вел дела Принца, Стиви Уандера, Лил'Ким и улаживал некоторые проблемы Джексона в прошлом. Я знал о Лонделле от других клиентов, с которыми работал раньше, но в тот вечер впервые услышал его имя от мистера Джексона.

Они встретились в торговом центре Westfield Garden State Plaza. Мы припарковались на стоянке, а Лонделл поставил свою машину рядом с нашей. Было около девяти вечера, уже стемнело и начинало холодать. Лонделл подсел к мистеру Джексону, а мы с Джавоном вышли из машины и стояли на улице, пока они обсуждали дела. Они подписали какие-то документы. Встреча продлилась менее получаса.

После этого я стал слышать имя Лонделла везде, где раньше слышал имя Раймоны. Раньше все говорили: «Позвони Раймоне». Теперь же было: «Позвони Лонделлу». Я понял, что Раймону начали отстранять от дел.

Джавон:

Пока мы были в Вирджинии, к мистеру Джексону в гости приезжал Джесси Джексон. Он был давним другом семьи. Он пригласил мистера Джексона на свой день рождения, празднование которого было запланировано на первую неделю ноября в Лос Анджелесе. До нашего приезда в Нью-Джерси мы больше об этом не слышали. До праздника оставалось 2-3 недели, и мистер Джексон заявил, что хочет пойти, поскольку обещал это Джесси Джексону.

Билл:

Поездка в Лос Анджелес стала отдельной историей. Поначалу мистер Джексон захотел ехать автомобильным транспортом. Он намеревался арендовать комфортабельный автобус-люкс и провести в дороге несколько дней. Я занимался этим по его поручению. Он также попросил меня посмотреть дома, предложенные в аренду в Вегасе, и настоял, чтобы я не говорил об этом Раймоне. Я обзвонил риэлторов, получил от них кое-какие предложения и распечатал их для мистера Джексона. А затем планирование поездки было полностью заморожено. Я позвонил Раймоне, чтобы обсудить маршрут, а она сказала:

- Все отменяется. Я не знаю, как вы собираетесь возвращаться на западное побережье.
- То есть, вы хотите сказать, что не знаете, как мы доберемся до Джесси Джексона, или же вы не знаете, как нам уехать из Нью-Джерси? – спросил я.

Она ответила, что он не может себе это позволить, что денег на отправку всех членов команды у него нет. Возможно, у них хватит денег, чтобы отправить самолетом только мистера Джексона и детей, без охраны, учительницы и всех остальных. Когда я сказал об этом мистеру Джексону, он рассердился:

- Что за глупости? Какая же она идиотка. А как же вы, ребята? Кто будет защищать моих детей? Нет, ни за что.

Он велел мне позвонить Лонделлу. Теперь все проблемы решал Лонделл. Я позвонил ему и поведал о проблеме. Лонделл перезвонил Джесси Джексону, и тот согласился дать нам денег на переезд и проживание в Лос Анджелесе. За три дня до праздника был организован перелет для нас, Майка ЛаПеррука, мистера Джексона, детей, его стилистки и учительницы.

Мы летели коммерческим рейсом. В аэропорт Кеннеди мы добрались на машине, я договорился со знакомыми, чтобы они встретили нас в аэропорту и отогнали машины к дому Касио. Планировалось, что позднее их отправят в Лас Вегас, когда мы вернемся туда. Собаку Принса тоже пришлось оставить, чтобы ее потом переправили нам. Кошку можно было взять с собой в самолет в переноске, но собака оставалась у Касио. Принс расплакался, когда узнал, что собаку нельзя взять сразу. Он проплакал всю дорогу в аэропорт. Я спросил мистера Джексона:

- С ним все в порядке?
- Да, он просто расстроился, но я сказал ему, что вы позаботитесь о Кении. Вы же организуете отправку собаки, да?
- Конечно, сэр.

В аэропорту нас встретила местная охрана и несколько менеджеров. Они знали о нашем приезде, поэтому мистера Джексона и детей сразу пропустили в самолет. Джавон и ЛаПеррук проводили их к выходу. Я остался с багажом. Мистер Джексон сказал мне:

- Билл, пожалуйста, пересчитай все сумки, а то в аэропортах у меня постоянно пропадают вещи.
- Да, сэр.

Сумок и чемоданов было около тридцати. Особенно я следил за чемоданчиком с Оскарами. Среди багажа также был чемодан от Луи Вюиттона и еще одна кожаная сумка с его драгоценностями и косметикой. Сотрудники управления транспортной безопасности пропускали каждую сумку через сканер. Я следил и считал. Чемодан от Луи Вюиттона был последним. Когда они просканировали его, то обратились ко мне:

- Сэр, наш сканер не показывает, что внутри. Нам нужно открыть его.
- У меня нет ключа, и я не знаю комбинации, – сказал я.
- У нас есть ключи. Можно?

– Конечно.

Они открыли этот чемодан. Я не видел, что внутри, поскольку они стояли по другую сторону сканера, но они открыли его, а затем переглянулись и уставились на меня широко распахнутыми глазами. Я разнервничался. Я понятия не имел, что в чемодане, и уже собирался сказать: «Это не мое». Но тут они подозвали меня:

– Сэр, подойдите, пожалуйста, сюда.

Я никак не мог вытащить все свои вещи из карманов, поскольку еще не прошел металлодетектор, но они отмахнулись:

– Не волнуйтесь о карманах, сэр, просто идите сюда.

Я обошел сканер, и они развернули чемодан ко мне. Внутри лежали как минимум 300 000 долларов, в пачках по 10 тысяч. Сплошные сотки. Эти парни ведь не знали, с кем я летел. Мистер Джексон прошел контроль отдельно от нас. Они решили, что это мое. Моим первым порывом было бежать. Я ведь вырос в гетто, помните? Я чернокожий, в аэропорту, с чемоданчиком, набитым бабками. Я не знал, как себя вести.

– Вам придется заполнить декларацию, – сказали они.

И пока они объясняли мне, что я должен сделать и кому позвонить, к пункту контроля вернулась женщина-менеджер, которая провожала мистера Джексона в самолет. Я помахал ей:

– Мэм, пожалуйста, вы можете объяснить им, кого я сопровождаю?

Она посмотрела на чемодан:

– А, вы же с...

Запнувшись, она махнула рукой в сторону выхода:

– Я поняла. Все в порядке.

Повернувшись к агентам, она приказала им:

– Пропустите его. Ему можно проходить.

Они пропустили меня, я взял ручную кладь и пошел к выходу. Сказать, что я чувствовал огромное облегчение – значит, ничего не сказать. Я уж было решил, что меня сейчас задержат.

Мы прилетели в Лос Анджелес, и там нас встретила пара охранников Джесси Джексона на арендованных автомобилях. Учительница, стилистка и я поселились в отеле возле аэропорта. Мистера Джексона с детьми приняли у себя дома какие-то друзья Джесси Джексона в Беверли Хиллс. Майк ЛаПеррук был из Лос Анджелеса, поэтому поехал к себе домой. У Джавона здесь тоже были родственники, он остановился у своей бабушки. Я отвез мистера Джексона и детей к дому, где они будут жить, а затем уехал в отель.

Празднование состоялось в отеле Beverly Hilton через два дня. Я связался с людьми Джесси Джексона, чтобы обсудить организацию нашего прибытия. Когда мы прибыли, Джесси Джексон встречал нас у дома. Там было множество звезд. Ларри Кинг. Дон Корнелиус из шоу Soul Train. Мы вышли из машины, и на нас со всех сторон обрушились вспышки фотоаппаратов. Кляц-кляц-кляц! Они были везде. Мы заходили в дом так, словно шли по красной дорожке какой-нибудь церемонии награждений.

Пока я вел мистера Джексона к его столику, то увидел Берри Горди. Я знал, что он оказал огромное влияние на развитие карьеры мистера Джексона, но никогда не слышал, чтобы мистер Джексон упоминал о нем, поэтому не знал, дружат ли они. Я шепнул мистеру Джексону: «Сэр, там Берри Горди». Едва мистер Джексон увидел его, то чуть не сбил с ног какую-то женщину, пока бежал к мистеру Горди. Подскочив к нему, мистер Джексон схватил его в объятия.

Они обнимались как настоящие друзья. Когда я увидел это, мне полегчало. После праздника мы поднялись вверх в номер-люкс, где проходила частная вечеринка, и мистер Джексон все время беседовал с Берри Горди. Я не слышал, о чем они говорили, но по их лицам понял, что разговор был серьезный. До меня долетели слова мистера Джексона: «Спасибо, я тоже соскучился. Мне не помешала бы твоя помощь». Возможно, он рассказывал о своих проблемах. Я не мог сказать наверняка, но все равно был рад, что он может поговорить с кем-нибудь, каким-то старым другом. Когда вечеринка закончилась, мы подготовили машины, Джесси Джексон провел его к выходу и поблагодарил его за визит.

Наутро мне позвонили из администрации отеля:

– Вы собираетесь выезжать сегодня?

– Не думаю, – ответил я.

– У вас оплачено только за три дня, поэтому, если вы не уезжаете, мне нужен номер кредитной карты, чтобы продлить ваше проживание.

Я позвонил мистеру Джексону и объяснил ему ситуацию. Он велел мне перезвонить Лонделлу. Я так и сделал, и Лонделл удивился:

– Ребята, а почему вы до сих пор здесь?

– Не знаю. Мне никто ничего не говорил.

– Отель оплачен только на три дня. Он уже должен был уехать из того дома, где остановился.

– В самом деле?

– Да. У тех ребят другие гости. Мы сказали им, что мистер Джексон пробудет в доме только три дня.

И добавил:

– Разбирайтесь сами.

Я снова позвонил мистеру Джексону и передал ему слова Лонделла, объяснив ему, что тот ничего не может сделать, и нам надо выехать из отеля.

– Хорошо, – ответил мистер Джексон, – я вам перезвоню.

Это было в полдень. Через час я все еще торчал в своем номере и ждал. Я прождал до трех часов дня, пока служащие отеля не велели мне покинуть комнату. Учительница и стилистка были со мной, их тоже выставили из номера.

На моей карточке было немного денег, чтобы оплатить один номер на еще одну ночь, поэтому я снял комнату для учительницы. Ей надо было где-то переночевать, а у нас было множество багажа, который надо было где-то оставить. У стилистки были здесь друзья, она поехала ночевать к ним. Я решил, что теперь и мне надо решить, куда податься. Я пару раз позвонил мистеру Джексону, но он не отвечал. Я начинал злиться. Если он не перезвонит мне к семи, я свалю отсюда, подумал я. Я просидел в вестибюле отеля с сумками весь день, затем, в половине восьмого вечера, в последний раз позвонил мистеру

Джексону. Включился автоответчик. Я ничего не понимал. Мне надо было как-то попасть домой. Я давно не видел дочку. Я разорен. Все, я готов уехать.

У меня уже не было кредитки, но оставалось немного наличных, поэтому я созвонился с приятелем и попросил его взять для меня напрокат машину, чтобы вернуться в Вегас. Затем я позвонил Джавону и рассказал ему о своих планах.

Джавон:

Билл злился, мол, я не собираюсь тут торчать, если все разъехались, все, я тоже уезжаю.

Я сказал, что побуду в Лос Анджелесе еще немного, но потом мне тоже придется ехать обратно к семье. Я спросил Билла:

– Что мне делать? Нужно ли мне проверять, как у него дела?

– У него есть твой номер, – ответил Билл. – Если он до сих пор не позвонил, значит, с ним все в порядке.

Я наврал моей семье обо всем, что произошло. Я сказал им, что мистер Джексон просто дал мне небольшой отпуск, поскольку мы долго путешествовали. Я не хотел говорить бабушке, что я остановился у нее, потому что у меня нет денег на отель. Я не хотел, чтобы она начала паниковать из-за того, в какой заднице я оказался.

Билл:

Я знал, что позже они все поедут в Вегас, а поскольку до сих пор неясно, где мистер Джексон будет жить, мне все равно придется ехать туда и искать варианты. Мне нужно было что-то придумать. Поздно ночью я добрался до Вегаса и на следующее утро уже сидел за компьютером, рассматривая дома. Зазвонил телефон. Это был мистер Джексон:

– Билл, мне нужно, чтобы кто-нибудь из вас купил мне магнитофон. У меня тут в доме нет никакой музыки.

И ни слова о том, что случилось вчера. Учительница. Выселение из отеля. Словно этого и не было.

– Мистер Джексон, я в Вегасе, – сказал я ему.

– В Вегасе? А что ты делаешь в Вегасе?

– Мистер Джексон, я вчера звонил вам, помните? Я говорил вам, что меня выселили из отеля, поэтому я вернулся сюда, чтобы поискать вам здесь дом.

– А кто же здесь остался, чтобы охранять меня и детей?

– Джавон и Майк.

– А когда я еду в Вегас?

– Вот как раз сейчас я и пытаюсь это выяснить.

– Ладно. Узнай, где мы будем жить, и перезвони мне.

А затем он повесил трубку. Я почувствовал себя Алисой в Стране Чудес. Я понятия не имел, что происходит.

Джавон:

Я провел в Лос Анджелесе 4-5 дней, и мистер Джексон ни разу мне не позвонил. Я решил, что пора ехать домой, и попросил сестру купить мне билет на самолет.

Я был рад оказаться, наконец, дома, особенно когда увидел своего малыша. Но все это отдавало горьким разочарованием. Я не хотел говорить своей девушке, что случилось на самом деле. Она видела, что я вернулся расстроенным. Меня не было так долго, и я

приехал с пустыми руками. Мне следовало бы приехать с подарками, но у меня была с собой только небольшая сумка с вещами и все.

Смех сквозь слезы. Я был рад снова видеть свою семью, но очень расстроен, поскольку с работой все снова зависло. Я смотрел на пачку скопившихся счетов и думал: стоит ли терпеть дальше или искать другую работу? Может, если я позвоню на свою старую работу, они примут меня обратно? Приближалось Рождество, а я ничем не мог порадовать близких. До меня стало доходить: в этом году для моих детей не будет Рождества. Билл все повторял мне, чтобы я потерпел еще немного, но я не был уверен, что сумею продержаться. Все было плохо.

Билл:

Прошел День благодарения. Приближалось Рождество, а мистер Джексон все еще торчал в доме в Беверли Хиллс, в том самом, который ему давали только на три дня. Он каким-то образом уговорил хозяев не выгонять его еще три недели. Я ездил по Вегасу, смотрел дома, отели, пытаюсь придумать какой-то план. Я звонил Раймоне и пытался что-нибудь выведать у нее. Она не хотела мне помогать.

– Билл, я ничего не знаю, – говорила она.

Ладно. Я позвонил Питеру Лопезу, но не смог дозвониться, его не было в стране. Затем Лонделл. Он пообещал помочь и переключил меня на свою ассистентку. Я рассказал ей об отеле Green Valley Ranch, в котором мы останавливались, когда нужно было на время покинуть дом на Монте-Кристо.

– Хорошо, – сказала она, – значит, везите его туда. Мы оплатим кредиткой Лонделла, а вы потом возместите затраты.

Мы арендовали автобус, чтобы отвезти мистера Джексона и детей в Вегас. Я позвонил ему и рассказал, что мы поедem в Green Valley Ranch. Когда он останавливался там раньше, его всегда селили в президентский люкс. Там даже был бассейн. Детям там очень нравилось. Мистер Джексон сказал, что хочет тот же номер. Я перезвонил Лонделлу, и тот спросил:

– А сколько он стоит?

– 2500 в сутки.

– Какого хрена?!

– Эй, чувак, я просто передаю тебе его пожелания.

Лонделл разбушевался. Он начал кричать, что мистеру Джексону пора умерить свои запросы.

– Я не собираюсь селить его в номере по две с половиной штуки за ночь! Поселите его в обычный номер. Он должен знать, что его финансы в глубокой заднице!

Мы еще немного поговорили о тратах. Наконец, он согласился оплатить номер на две недели, но не президентский люкс. Я снова перезвонил мистеру Джексону и сказал, что тот номер был занят. Он спросил меня о Майке ЛаПерруке:

– А Майк едет с нами в Вегас?

– Да, насколько мне известно.

– Ну... Я бы не стал с этим торопиться. Мы можем послать за ним позже.

Я уже знал, что это значит. Больше мы Майка ЛаПеррука не видели.

Джавон:

Мы прожили в Green Valley Ranch пару недель. У нас с Биллом были комнаты прямо напротив комнаты мистера Джексона, но большую часть времени я проводил в номере у Билла, поскольку именно там мы установили мониторы нашей системы слежения. Мы по очереди дежурили и патрулировали коридоры. Мистер Джексон почти не покидал номер. Грейс с нами не было, у детей были зимние каникулы, поэтому не было и учительницы. Через несколько дней доставили собаку Принса. Дети очень обрадовались.

Все это время мистер Джексон усиленно делал вид, что просто прохлаждается здесь, прежде чем въехать в тот огромный особняк, стоивший 55 миллионов. Он говорил о нем так, словно это был его дом, и сам верил в то, что говорил.

– У меня вот-вот закроются кое-какие сделки, я куплю этот дом, и у вас, парни, все будет великолепно. Не переживайте.

Мы ездили за покупками, и он говорил нам:

– Поищите мне гольф-мобили. Нам они понадобятся, когда мы переедем, вы будете на них патрулировать территорию.

И мы думали: как он собирается платить за все это? Как? Но кто мы такие, чтобы думать, будто бы у Майкла Джексона на носу не было никаких серьезных сделок? Он же Майкл Джексон. Мы уже вложили во все это столько сил и времени, что хотели в это верить. Нам нужна была причина, чтобы остаться с ним. Мы должны были убедиться, что все налаживается.

Билл:

У учительницы была небольшая квартира, арендованная на год, поэтому ей было где жить. Грейс путешествовала. Она пробыла в Джерси три дня, а затем уехала, и с тех пор я ее не видел. И тут я вспомнил о ее квартире в Тернберри Тауэрс, а затем и о квартире Раймоны. Я не знал, вернется ли Грейс, но квартира Раймоны сейчас явно пустовала. И я сказал мистеру Джексону:

– Почему бы вам не пожить в квартире Раймоны?

– У Раймоны была квартира в Вегасе? – изумился он.

– Да.

– Где?

– В Тернберри Тауэрс.

Он не знал, где это. Я пояснил, что это шикарный многоквартирный комплекс с охраной.

– Билл, пожалуйста, узнай, кто за это платит.

Я позвонил менеджеру комплекса, и тот сказал:

– Я не могу дать вам эту информацию.

– Если квартира снята на имя Майкла Джексона, то уж ему-то вы точно можете рассказать, – настаивал я.

Он подтвердил, что может, поэтому я передал трубку мистеру Джексону, и таким образом ему стало известно, что квартира оплачивалась со счета, которым Раймона управляла от его имени. Он пришел в ярость. Он сказал, что хочет получить обе эти квартиры, и Грейс, и Раймоны.

– Я хочу, чтобы одну квартиру отдали моей матери, а я буду жить в другой.

Я сказал, что займусь этим, и перезвонил Раймоне:

– Мистер Джексон хочет получить квартиры.

– Какие квартиры?

– В Тернберри.

Кажется, ее это застигло врасплох. Она забормотала, что эти квартиры уже не наши, что эту квартиру в ее распоряжение предоставил какой-то друг.

Я ничего не ответил. Мне стало ясно, что я должен прикинуться шлангом, и пусть они разбираются сами.

Через несколько дней она прилетела в Вегас, поскольку ситуация накалялась. Первое, что она сказала мне по дороге домой из аэропорта, было:

– Билл, эти квартиры уже не принадлежат нам. Я не знаю, с чего он решил, что они наши и что мы платим за них его деньгами.

Я не стал с ней спорить. Ей не следовало оправдываться передо мной. Ей придется объясняться с мистером Джексонем. Я отвез ее на встречу с ним. О чем они разговаривали, я не знаю, но больше мы об этих квартирах ничего не слышали. Их не было. Возможно, истек срок аренды. Возможно, мистер Джексон просто забыл о них. Это не удивило бы меня. Нам ничего не объяснили, но то был последний раз, когда я видел Раймону Бэйн или слышал о ней.

Через две недели мне позвонил менеджер Green Valley Ranch:

– Мистер Витфилд, нам нужна другая кредитка. Карточка, заявленная вами к оплате, недействительна.

Я связался с Лонделлом. Он подтвердил, что больше не будет платить своей картой, что мы договаривались на две недели, и он не может бесконечно оплачивать наш отель. Он ясно дал понять, что мы теперь сами по себе.

Я отправился к мистеру Джексону:

– Сэр, кредитка, заявленная к оплате за отель, недействительно. Нам нужна другая карточка.

– Хорошо, – ответил он. – Так дай им другую.

Как будто у меня в карманах залежи кредитных карт.

– Сэр, у меня нет других карточек.

У него не было ответа. Он ждал, что я позвоню кому-нибудь и решу эту проблему. Я снова пошел к менеджеру отеля и попытался выбить у него какую-нибудь отсрочку. Он не соглашался. Мы должны были убраться оттуда к концу дня, иначе нас просто выселят. А если об этом прознают таблоиды? Я не мог этого допустить. Джавон уже паковал наше оборудование и загружал его в машину, пока двери в номер не заблокировали.

Я не мог позвонить Раймоне. И Лонделлу тоже не мог. Наконец, я дозвонился до Питера Лопеза. Он пообещал найти какой-то выход. Через пару часов он перезвонил:

– Ребята, перебирайтесь в отель Palm.

Питер дружил с Джорджем Малуфом, владельцем отеля, и тот согласился приютить мистера Джексона с детьми на пару дней.

У нас оставалось несколько часов, чтобы выехать из Green Valley Ranch. Паковать его вещи всегда было настоящим испытанием. Майкл Джексон не паковал свои вещи сам. Когда он готовился к отъезду, он сгребал все свое барахло на середину комнаты и

оставлял там, чтобы мы сложили все это сами. Собирая его вещи, я заглянул в ванную, чтобы проверить, не забыл ли он чего-нибудь. Открыв дверь, я увидел, что вся ванная комната была залеплена плакатами Брюса Ли. Рядом с умывальником лежали стопки книг о Брюсе Ли и его фотографии в рамках. На крючке висело кимоно с драконом. Он украсил ванную как китайский ресторан. Я даже не знал, откуда все это взялось. Фотографии Брюса привлекли мое внимание, позы кун-фу напоминали некоторые движения мистера Джексона в видеоклипах. Он что, занимался здесь танцами? Или медитировал? Мне оставалось лишь гадать.

Поздно ночью мы перебрались в Palms. Я сообщил Джорджу Малуфу, когда мы приедем. Он занимался организацией нашего приезда лично. Мы поднялись на служебном лифте. Мистера Джексона поселили в номере «Хью Хефнер». Огромный двухэтажный люкс, пентхаус, изумительный вид на город. Обычно такой номер стоил 20 тысяч долларов в сутки. Джордж Малуф предоставил его мистеру Джексону бесплатно.

Питер Лопез должен был встретить нас там. Я буквально падал с ног, поскольку работал с самого утра. Обычно при вселении в номер я должен был провести предварительную проверку, везде все рассмотреть, проверить комнаты по соседству, узнать про постояльцев и т.д. Но я просто не мог себя заставить это сделать. Я бродил по номеру и смотрел на город. Теперь я был совсем один. У Джавона были проблемы в семье, и он взял несколько отгулов.

Джордж Малуф пришел в номер, чтобы поговорить с мистером Джексоном и показать ему, где что. Позвонил Питер Лопез и сказал, что сейчас придет с Эйконом. Мистер Джексон хотел немного поработать с ним в студии. Было уже за полночь, а они собирались идти в студию. Я не знал, что делать дальше, поэтому сказал мистеру Джексону, что буду за дверью, взял стул и устроился в коридоре. У меня с собой был айфон, так что я мог как-то убить время. Через 45 минут пришли Питер Лопез и Эйкон. Я поздоровался с ними и позвонил мистеру Джексону, чтобы он открыл им дверь. Они вошли внутрь. Я просидел в коридоре еще два часа. Аккумулятор в моем айфоне сел, и мне было нечем заняться. Я даже не мог никому позвонить. Было три часа утра. Я умирал от усталости. Что же там делается? Когда они, наконец, пойдут в студию? Я постучал в дверь. Ответа не было, и я решил, что у них все в порядке. Мне оставалось только сидеть здесь, борясь со сном. Наконец, я подумал: к черту. С меня довольно. Поеду домой.

Я встал, пошел к лифту и нажал кнопку вызова. Хватит. Спустился на парковку, сел в машину и поставил телефон заряжаться. Просидел там с минуту, размышляя, действительно ли стоит уезжать. Затем зазвонил телефон. Мистер Джексон. И он был в панике.

- Билл! Где ты?
- Я внизу, мистер Джексон.
- Внизу? Где это – внизу?
- Я просто спустился, чтобы...

Вот дерьмо.

- Я хотел уточнить кое-что у администратора, сэр.
- Билл, ты не можешь бросить меня. Ты не можешь бросить меня и моих детей.
- Да, сэр. Я уже поднимаюсь.
- Хорошо. Мы идем в студию. Ты знаешь, где находится студия?
- Да, знаю.
- Хорошо. Я буду в студии, а ты последи за детьми.

– Да, мистер Джексон.

Когда я поднялся наверх, они уже ушли. Я снова сел на стул, уставший, голодный и злой. Они вернулись обратно только в половине девятого утра. Мне нужно было поехать домой. Мне нужен был отдых. Я позвонил Джавону, но он был занят. Тогда я позвонил мистеру Джексону и сказал, что мне нужно съездить домой и поесть.

– А кто же останется здесь с детьми? – спросил он.

– Я попрошу кого-нибудь из охраны отеля.

– А им можно доверять?

– Да, сэр.

Я знал одного из ребят в местной охране, мы работали вместе несколько раз. Я нашел его и попросил об одолжении, объяснил ситуацию. Он сказал, что ему нужно получить разрешение у начальства. Я ответил, что сейчас все устрою, и позвонил Джорджу Малуфу. Тот сказал, что мы можем делать все, что считаем нужным. Поэтому этот парень отправился наверх, сидеть под дверью у мистера Джексона, а я поехал домой и рухнул в постель. Я проспал почти весь день. Когда я проснулся и взглянул на экран своего телефона, там была масса пропущенных звонков от мистера Джексона. Он наяривал мне с самого утра. Поручения, поручения, то купить, это отвезти.

Пока я просматривал сообщения от него, то в самом деле почувствовал, что с меня довольно. Моя дочь была расстроена и плакала, потому что меня почти не бывает дома. Я даже не мог купить ей подарок на Рождество. Все было плохо. Но я не знал, что еще я могу сделать, разве что вернуться в отель и довести дело до конца. Я принял душ и поехал обратно.

Эйкон все еще был в городе, и они снова пошли в студию. Внезапно вокруг все закружилось, стали приходить факсы и сообщения, документы ему на подпись, гораздо больше, чем обычно. Что-то назревало. Похоже, что он наконец-то заключил какую-то крупную сделку, но что бы там ни происходило, продвигалось оно очень медленно. Приближалось Рождество. Мистер Джексон не хотел проводить праздник в отеле, но было ясно, что альтернатив никаких.

Едва он понял, что придется остаться здесь на Рождество, он сказал мне, что хочет все украсить. Он попросил, чтобы я купил елку, украшения и гирлянды.

– Мистер Джексон, у меня нет на это денег.

– А сколько тебе надо?

– Не знаю. 200-300 долларов.

Он принес мне тысячу долларов. Я поехал в город, купил ему елку, украшения, фигурки оленей, привез в отель, и он украсил номер вместе с детьми.

За два дня до Рождества он попросил меня организовать поездку за подарками для детей. Я позвонил в FAO Schwarz и договорился с менеджером о ночном шоппинге. К этому времени вернулся Джавон. Мы поехали в магазин, встретились с менеджером и поднялись на служебном лифте к заднему входу. Мистер Джексон ходил по рядам, выбирая подарки – паровозики, мягкие игрушки, куклы. За ним следовал ассистент с огромной тележкой. Мистер Джексон сбрасывал в нее все, что выбрал. Я наблюдал за ним и переглядывался с Джавоном. Мы не были в восторге от всего этого. Джавон говорил мне в наушник, что не может себе позволить купить даже подгузники для малыша. Мистер Джексон, рассматривая кукол, взял одну в руки и спросил меня:

– Билл, а ты разве не хочешь купить подарок своей дочке?

– Нет, сэр. Нам еще не заплатили.

– А-а.

И все. Он отвернулся и снова занялся покупками. В тот момент мне захотелось ударить его покрепче. Я буквально видел, как делаю это. Я представлял, как вмажу ему хорошенько и как он рухнет на эту огромную кучу игрушек у него за спиной. И уже видел заголовки в газетах на следующий день: «Телохранитель сбивает спесь с Майкла Джексона».

Но, естественно, я не пошевелился и не сказал ни слова. Бог с ним.

Джавон:

Я стоял в паре шагов и видел выражение лица Билла. Когда мистер Джексон отошел, Билл сказал мне по радио:

– Ну ты прикинь, а? Как он мог спрашивать у меня такое?

– Билл, а давай-ка я спрошу у него, не купит ли он подарок для твоей дочери. Давай я спрошу. Я могу.

Я устал. Я устал обходить острые углы. Я хотел сказать мистеру Джексону: «Послушайте, Рождество ведь и для нас важный праздник. Мы тоже отцы. Мы тоже хотим подарить своим детям подарки, как вы дарите их своим, но мы не можем себе этого позволить. Так что давайте проясним ситуацию. Каким образом нам это сделать?»

Я все думал и думал об этом. Мне было наплевать на все то, что нам задолжали. Я просто хотел получить немного денег, чтобы купить подарки к Рождеству. И я даже не требовал покупки в FAO Schwarz, в этом магазине все равно цены накручены до небес. Но я мог бы отвести детей в магазинчик попроще и купить им что-нибудь. Это все, о чем я прошу. И я был готов подойти к мистеру Джексону и сказать ему об этом. Я устал молчать. Но Билл все повторял: «Я разберусь. Я что-нибудь придумаю. Я поговорю с Лонделлом».

Билл:

Когда Майкл Джексон видел живших в нищете африканских детей или малышей в больницах, умиравших от рака, он глубоко проникался их проблемами. Он мог расплакаться, прочитав письмо от поклонника о том, что какая-то семья едва сводит концы с концами. Он, возможно, был самым заботливым и чутким человеком в мире. За свою жизнь он отдал сотни миллионов долларов на благотворительность. И я не говорю обо всех этих показательных церемониях, когда огромные чеки передаются в благотворительный фонд перед камерами. Он лично помогал нуждающимся. Как было с Дэйвом, этим парнем с ожогами в Нью-Йорке. Были десятки таких людей. В некоторых случаях Майкл Джексон буквально спасал чужие жизни.

Его милосердие и сочувствие были искренними на все сто, это чувствовалось и в его музыке. Поэтому многие его поклонники видели в нем святого, настолько щедрым и любящим был этот человек. Это правда, он таким и был. На том уровне. Но когда речь шла о людях рядом с ним, которым он лично причинил боль – он был слеп и глух. Он не хотел это видеть. Учитывая его жизнь в полной изоляции с юного возраста, казалось, что он так и не приобрел умение устанавливать личные отношения. Поэтому он отрезал их и отказался вдумываться во все это. Когда на тебя работают люди, которым не платят зарплату месяцами, ты мог бы понять, насколько это разрушает их жизнь. Ты бы просто знал. Ты бы заметил. Но он не видел. Он не мог увидеть и понять. И я все повторял себе: «Это не его вина. Это не его вина».

Покончив с покупками, мы отправились к кассе. Мистер Джексон стоял у меня за спиной, пока я следил, как кассир пробивает покупки. Счет был примерно на 10 тысяч долларов. Когда все было посчитано, я повернулся к мистеру Джексону, ожидая, что он даст мне наличку, как обычно. Вместо этого он достал кредитную карту. Я понятия не имел, откуда она взялась. Новенькая кредитка с белой активационной наклейкой, которую еще даже не успели снять. Я отдал кредитку парню на кассе. Он вставил ее в терминал. Карту не отклонили, но на экране высветилось «не авторизовано».

– Мистер Джексон, вы авторизовали карту? – спросил я.

– Конечно, я разрешаю тебе ею пользоваться. *(в английском «авторизовать карту» и «уполномочить» кого-нибудь на ее пользование передается одним словом, «authorize», поэтому у них возник небольшой каламбур, и Майкл не понял, что имелось в виду. – прим. пер.)*

Его лицо было абсолютно бесстрастным. Мол, конечно, Билл, ты можешь пользоваться ею. Он решил, что «авторизовать кредитную карту» означало именно это. Что если озвучить разрешение, случится чудо, и все заработает. Я попытался выяснить у него, звонил ли он по указанному номеру, чтобы активировать карту. Он совершенно не понимал, о чем я говорю. Он никогда не делал этого сам. Лишь повторял:

– Да там же полно денег. Попробуйте еще раз. Попробуйте снова.

Парень снова прокатил ее через аппарат. Ноль. И еще пару раз. Бесполезно. Я перешептывался с мистером Джексонем, уже понимая, что за этим последует. Он сказал:

– Скажи им, что мы заплатим позже.

Он что, в самом деле думает, что его выпустят отсюда с кучей игрушек на 10 тысяч баксов и разрешат заплатить потом? А он еще хочет, чтоб все завернули в подарочную бумагу. Я знал, что этого не случится, но все равно спросил менеджера:

– А можно мы приедем позже и заплатим за все это потом?

Менеджер уставился на меня, мол, ты что, правда думаешь, что я могу это позволить? Я попытался как-то договориться с этим парнем, а мистер Джексон тем временем все нашептывал мне на ухо:

– Да я постоянно у них покупаю. Скажи им, что все нормально, я потом заплачу.

Ладно, позвоним Лонделлу. Было четыре часа утра, но мне было все равно. Я позвонил ему и объяснил ситуацию. Лонделл сказал:

– Позови мне менеджера. Посмотрим, может, он примет мою карточку по телефону.

Лонделл дал им номер своей карты, все оплатил, и на этом все закончилось. Подарки завернули, мы отвезли их в отель и разложили под елкой.

После этого у меня уже не было никаких особых дел. Я договорился с охраной отеля, чтобы они подежурили у двери его номера, а мы с Джавоном могли передохнуть. Ребята сменили нас, и я поехал домой. Я был истощен. Мне нужно было кому-то выговориться. Поскольку Лонделл уже несколько раз вытаскивал нас из всяких передраг, я решил, что можно поплакаться ему. Я позвонил ему, чтобы обсудить какие-то нюансы, и заодно рассказал ему о том, как мы с Джавоном влипли. Он был в ужасе.

– Ребята, как долго вам уже не платят? Чем я могу помочь? Что вам сейчас нужно?

Слава Богу, он сам все понял, и мне не пришлось просить о помощи и унижаться. Он прислал нам 2500 долларов, чтобы мы могли хотя бы устроить нашим семьям праздник. Это было огромным облегчением.

Рождество прошло без происшествий. Я позвонил мистеру Джексону, пожелать ему и детям счастливого Рождества, и он вдруг спросил меня:

- Ты купил своей дочке подарок?
- Да, сэр. Все в порядке.
- А у нее есть айфон?
- Нет, сэр.
- Купи ей айфон и скажи, что это от меня. Я верну тебе деньги.

Мне было приятно слышать подобное от него. Возможно, до него начало немного доходить все то, что мы пережили. Я купил своей дочери айфон, упаковал его, словно это был подарок от него. Он действительно вернул мне деньги. Через пару дней я говорил с ним по телефону:

- Сэр, моя дочь хотела бы поблагодарить вас за айфон.
- Да, конечно.

Я дал ей трубку, и они поговорили пару минут. Она сказала ему спасибо, он ответил «пожалуйста». Я видел, каким счастьем светилось лицо моей дочери, когда она говорила с ним. Она просто поверить не могла, что разговаривает по телефону с Майклом Джексонном. Это был один из немногих позитивных моментов тех дней.

Сразу после Рождества нас попросили переехать в другие номера. В город на Новый год приехала какая-то большая шишка, и администрация хотела поселить в этом номере постояльца, который все-таки платит за проживание. Мне позвонил Питер Лопез:

- Билл, нам надо переселить мистера Джексона в другой номер.

Мы перебрались в номер поменьше в другом конце коридора.

Пока мы занимались переселением, курьерская служба доставила ко мне домой три больших коробки. Аккаунт мистера Джексона на eBay был зарегистрирован на мой адрес, поэтому все его покупки доставляли мне. Я перезвонил ему и сказал, что прибыли его посылки. Он очень обрадовался и попросил меня привезти их ему.

Я отвез коробки в отель и поднял их в номер. Мистер Джексон был в восторге:

- Прекрасно! Прекрасно!

Я взял нож и стал вскрывать коробки. В первой оказались чьи-то огромные пластмассовые ноги в красных туфлях. Странно. Затем я открыл вторую коробку. Там лежало туловище с крыльями на спине. Когда я вытащил эту штуку, то решил, что она похожа на Тинкербелл. Но не может же это быть Тинкербелл? Она маленькая, а это что-то огромное. А затем мы открыли третью коробку.

Точно. Это Тинкербелл, чуваки.

Мы собрали ее, и я устался на эту двухметровую феечку. Мистер Джексон радовался как ребенок. Он даже отвел ей особое место в комнате.

- Здорово! Здорово!

Это был тяжелый момент. Я чего только не придумывал, чтобы вытащить его из всего этого болота, а он продолжает заниматься той же ерундой, из-за которой попал в трясины. Он не может заплатить за номер, в котором живет, но продолжает покупать всякую ерунду с eBay. В чем-то я винил его, в чем-то оправдывал. Бывало, я считал, что именно он в ответе за эту ситуацию, и злился на него. А, бывало, думал, что все это из-за жадности других людей; я понимал, что это несправедливо, и злился на них. Были дни, когда я чувствовал, что понимаю, каково ему, но были и такие, когда я совершенно не мог его понять.

Джавон:

Сильней всего я злился в день той поездки в FAO Schwarz. Но даже тогда я не мог сердиться на него больше 10 минут. Кажется, он сказал мне что-то по дороге домой, от чего я сразу же забыл все свои неприятности. В его поведении, в манере держаться всегда было что-то такое. Он был такой милый добряк. Если ты злился, его хорошее настроение и энергетика мгновенно передавались тебе, и ты успокаивался. Он знал, что нужно сделать, чтобы люди любили его. Он всегда разговаривал с нами так, что мы верили: все его слова – от чистого сердца.

Я не раз видел, как этот человек вызывал улыбки у всех окружавших его людей. Любой, кто вступал с ним в контакт (от звезд до простых ребят), сразу начинал сиять. И мы не могли понять, почему он не в состоянии поставить руководить своим бизнесом тех, кому может довериться. Мы не верили, что при всей его гениальности люди могли настолько эксплуатировать его. Нам было страшно жаль его и детей. Они жили на чемоданах. Идти им было некуда. Нам хотелось защитить их и удостовериться, что с ними не случится ничего плохого. И поэтому для нас это давно перестало быть работой. Это было скорей миссией.

Вот посмотришь на его наивность в подобных ситуациях и думаешь: этот парень даже не может сам авторизовать кредитку. Он так привык, что вокруг есть кому о нем позаботиться. Это и впрямь не его вина, что нам не дают зарплату. В то же время, он ухитрился провернуть эту проверку, подослал ко мне папарацци, чтобы посмотреть, можно ли мне доверять. Для меня это значит, что человек прекрасно разбирается в ситуации и знает, что происходит. Так каким же он был на самом деле?

Мне было труднее, чем Биллу. Я сильнее расстраивался, а Билл все время успокаивал меня: «Мистер Джексон не виноват». А я говорил: «Билл, но ведь где-то он допустил промах». Да, вокруг него была масса народу, которая использовала его, но именно он нанял всех этих людей. И даже при всей виновности этих людей, если в твоей жизни творится беда, и ты ничего не делаешь, чтобы приструнить виноватых, то это уже твоя личная ответственность. Именно поэтому нам так хотелось тряхнуть его и сказать: «Мистер Джексон, будьте мужиком! Пришло время взять то, что вы создали, под свой контроль. Вы просто обязаны вмешаться». Но он не мог это сделать. Он боялся отдавать приказы. Он едва ли не на цыпочках обходил своих собственных работников. Я не мог этого понять.

Билл:

Когда я слышу все эти разговоры о том, что Майкл Джексон лишился детства и не мог побыть обычным ребенком, я воспринимаю их не так, как большинство людей. Он хочет играть в игрушки, кататься на каруселях, устраивать ночевки с друзьями в спальниках, тоссе. Ладно, у него в детстве этого действительно не было. Это в самом деле часть того, что мы называем детством, но в детстве есть и многое другое. «Убери в своей комнате». Это детство. «Вынеси мусор». «Извинись перед сестрой». Это детство. Детство – это не только

игры и веселье. Детство не значит просто быть ребенком. Это процесс взросления. Вскоре ты повзрослеешь, хочешь ты этого или нет.

Он обожал сказки о Питере Пэне. Но порой я размышлял, правильно ли он понял эту историю. Думаю, он взял из нее только то, что хотел взять. Ведь в этой книге дети покидают Нетландию («Неверленд»), возвращаются к своим родителям и вырастают. В этом вся суть. Это реальность. Тебе приходится взрослеть. Но что если люди, окружающие тебя, никогда не требовали от тебя этого? Что если никто не обучил тебя всему, что ты должен знать? У тебя не будет необходимых навыков для жизни в реальном мире. Упустил ли Майкл Джексон свое детство? Еще и как упустил.

Пришел канун Нового года, а мы все еще торчали в отеле Palms и ждали неизвестно чего. В тот вечер Джавон уехал домой к своей семье. Я приехал в отель один. У его двери сидела охрана, но я все равно хотел быть поблизости, на всякий случай. Всякое может произойти. Новый год в Palms – это дурдом. При отеле расположены 2-3 ночных клуба, и все они набиты гостями.

Я устроился в одном из ресторанов внизу и заказал себе ужин. Там я провел большую часть вечера, размышляя, наступят ли когда-нибудь лучшие времена. Если положение будет ухудшаться, мне придется пойти на все, чтобы позаботиться о моей семье. Я уже изрядно покопался в себе, чтобы понять это. Наступила полночь, я пробирался сквозь толпу в вестибюле, праздновавшую наступление нового года. Я стоял среди всех этих смеявшихся, пивших шампанское и развлекавшихся людей. И понимал, что я не был счастлив. Я не был счастлив, поскольку света в конце тоннеля не наблюдалось.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

THIS IS IT

-15-

В январе 2008 года Майкл Джексон все еще жил в отеле Palms, круглосуточно работая в студии, чтобы наконец-то закончить треки для Thriller-25. Сдача альбома давно была просрочена, но ему все равно нужно было сдать его, невзирая на сообщения от Sony, что он не получит никакой прибыли от продажи. Компания отказывалась выплачивать ему роялти, чтобы покрыть хотя бы половину административных затрат по управлению каталогом Sony/ATV, поскольку певец и там задолжал.

Помимо работы над альбомом Джексон и Лонделл Макмиллан согласовывали последние нюансы сделки для предотвращения финансового кризиса. Банк Barclays выкупил и рефинансировал 300-миллионный кредит, взятый Джексонем под залог своей доли каталога Sony/ATV. Хедж-фонды HSBC и Plainfield Asset Management дали певцу дополнительный кредит на 70 млн. долларов под залог каталога Mijac, в котором находились все права на музыку Джексона. Sony предоставила обеспечение нового кредита Джексона в обмен на право первой покупки его доли каталога «Битлз» в случае невыплаты. Fortress Investment Group все еще владела залогом на ранчо «Неверленд». Если Джексон не выкупит его до 19 марта, компания намеревалась пустить ранчо с молотка и таким образом получить свои миллионы.

Большая часть этого свежего вливания на сумму 370 млн. долларов никогда бы не попала Джексону в руки. Эти деньги были потрачены на урегулирование исков и претензий, на покрытие задолженностей (к примеру, выплата 300 000 долларов зарплатного долга перед персоналом «Неверленда»). Джексон получил 11 миллионов на проживание, а то, что осталось, было отложено на покрытие процентов по новым кредитам.

Что удивительно, по документам Майкл Джексон не был банкротом. Стоимость его активов – каталогов музыки, недвижимости, огромной коллекции автомобилей и антиквара – все еще превышала сумму его долгов. Но у него по-прежнему не было наличности. Если он не хотел, чтобы все его имущество было ликвидировано, а он сам остался ни с чем и был вынужден уйти из бизнеса, ему нужно было возвращаться на сцену. Он давным-давно знал об этом.

Проведя несколько лет в свободном падении, Майкл Джексон снова становился на ноги, по крайней мере, временно. Однако новое положение вещей создавало столько же дополнительных проблем, сколько и решало. Когда мир считал, что певец был разорен и разбит, большинство людей были согласны оставить его в покое. Теперь же снова пошли слухи, что Король поп-музыки, вероятно, возродится. Во время рождественских праздников, как и подозревали Билл и Джавон, их босс уволил Раймону Бэйн. Ей выплатили значительную сумму, чтобы она отказалась от претензий и просто ушла. В самом сердце его организации у руля снова образовалось пустое место, и люди торопились поскорей занять его.

Билл:

Через пару недель, проведенных в отеле Palms, я услышал о приезде в Вегас Майкла Амира. Он должен был взять на себя кое-какие дела. Изначально его с мистером Джексонем познакомил Фельдман, когда мы жили в доме на Монте-Кристо. Тогда я и

услышал его имя впервые. Он навещался к нам и в Вирджинию. Начинал он как обычный практикант: в его обязанности входило каталогизировать все книги мистера Джексона и занести их в компьютерную программу, помогать мистеру Джексону с кинопроектами и все такое. Когда он приезжал, именно я вез его из аэропорта, поэтому мы довольно часто общались. У нас были дружеские отношения. Мы не создавали друг другу проблем.

Когда Майкл Амир приехал в Вегас, он позвонил мне и спросил, можно ли ему взять одну из наших машин, поскольку босс хотел, чтобы он выполнил несколько поручений. Раньше, если мистер Джексон посылал его купить кинооборудование, либо я, либо Джавон везли его сами. Я не мог просто дать ему ключи от машины. Я не настолько хорошо его знал, и мне все это не очень нравилось. И вдруг, заявившись в Palms, он просит у меня машину и говорит, что босс разрешил. Я справился у мистера Джексона, и тот подтвердил свое разрешение, так что я не стал расспрашивать, что к чему.

Очень скоро Майкл Амир стал общаться с мистером Джексонем каждый день. Поскольку Грейс с нами уже не было, он начал выполнять некоторые ее функции. Я стал замечать, что, приезжая в отель, он уже не спрашивал нас, где находился мистер Джексон, у себя в номере или в студии. Он уже знал и шел сразу к нему. Кажется, они сближались все больше. С одной стороны, я ничего не имел против, поскольку тогда мне не пришлось бы столько бегать по городу. С другой стороны, я подозревал, что он тоже может быть нечист на руку.

Мы все еще искали дом. Нужно было убираться из отеля. Братья Малуф не собирались вечно предоставлять мистеру Джексону бесплатную кров. Когда Питер Лопез договорился с Джорджем Малуфом, мол, Майкл Джексон будет жить в твоём отеле, думаю, Малуф согласился, думая, что Майкл Джексон будет обедать в его ресторанах, ходить в его ночные клубы, и все это привлечет прессу и сделает рекламу. Но мистер Джексон ничего подобного не делал. Он просто работал в студии и пользовался служебным лифтом, чтобы вернуться в номер. Едва стало ясно, что он больше ни для чего не выходит из номера, халява закончилась. Пришла пора выметаться.

В середине января мистер Джексон сказал мне, что нашел дом и собирается переехать. Для меня это было новостью, поскольку я работал над всеми этими вопросами во время праздников. А затем он добавил:

– Позвони Майклу Амиру. Он все тебе расскажет.

Майкл Амир?

Ну вот. Он занял это место. Это случилось чуть ли не в один день. Он перестал быть обычным ассистентом. Теперь он отдавал нам с Джавоном распоряжения от имени мистера Джексона. Мистер Джексон прислушивался к нему. Он взял на себя поиски дома, даже не уведомив меня. Это напрягло меня. Не потому, что мне не нравился этот парень, нет, у нас с ним никогда не было проблем. Но я всегда становился подозрительным, когда люди начинали маневрировать и секретничать рядом с мистером Джексонем. Я уже видел, как это происходило с Грейс, Раймоной и Фельдманом. Но кто я такой, чтобы оспаривать желания мистера Джексона? Я позвонил Майклу Амиру, разузнать, как прошли поиски дома.

Едва он описал мне дом, я сразу понял, где это. Я несколько раз проезжал мимо него и видел, что он свободен, но никогда не рассматривал его всерьез, поскольку знал, что мистер Джексон не выбрал бы его. Дом был в стиле испанской гасиенды и располагался в

Паломино, севернее от дома на Монте-Кристо. Я знал этот район. Не слишком хороший. Соседние дома нависали прямо над ним, да и улица чересчур оживленная – слишком много транспорта и посторонних взглядов.

Он также стоял через дорогу от начальной школы. Я увидел это и подумал: это что, шутка? Да ему никогда этого не спустят. Я знаю, что Майкл Джексон не растлевал детей, но вокруг полно людей, которые думают иначе. Едва он там поселится, родители начнут жаловаться с первого же дня, утверждая, что очень опасно отдавать ребенка в школу, рядом с которой живет Майкл Джексон. Эти новости были по всему Вегасу. Зная, как он дорожит своим уединением, для чего было подвергать его такому, поселив его в этом доме? Вдобавок, это просто издевательство над Принсом, Пэрис и Бланкетом. Через дорогу играют дети, и они будут слышать это каждый день. Ужасная идея. Но меня никто не спрашивал.

Мы с Джавоном даже не помогали им с переездом. Обо всем договаривался Майкл Амир. Он позвал 6-7 ребят из «Нации ислама», они упаковали все его вещи и перевезли в дом. Едва мистер Джексон оказался там, пошли слухи, что эти парни будут заниматься охраной в доме, а нам с Джавоном придется работать с ними и организовывать поездки мистера Джексона по городу. Это удивило меня, поскольку он был недоволен их работой во время суда. Именно поэтому меня и взяли тогда на эту должность.

Джавон:

Наблюдая за тем, как ребята из «Нации ислама» организывают его переезд в Паломино, я не чувствовал, что нас оттесняют в сторону. Наоборот, я ощутил облегчение. Мне нужен был перерыв после непрерывных разъездов по стране. Вдобавок, для нас с Биллом все равно оставалось полно работы. У нас были контакты со всеми ресторанами и кинотеатрами, в которые он любит ходить, поэтому мы решали все вопросы с его пребыванием вне дома. В этом ничего не изменилось. К тому же, я знал, что «Нация ислама» будет хорошо защищать его. Они очень преданы своей работе. Они солдаты. С ним ничего не случится, пока они на дежурстве. Пока они следили за домом, наша работа на мистера Джексона снова вернулась к нормальному графику, с 9 до 5. Приходишь на работу, выполняешь, что должен, и едешь домой. Меня это устраивало.

Билл:

В новом доме мы так и не поставили трейлер для охраны. Нам всегда говорили: «Он не пробудет здесь долго». Интересно, означало ли это, что он действительно не пробудет здесь долго, или они просто не хотят, чтобы мы здесь были? Может, они пытаются вытеснить нас? Я звонил Питеру Лопезу и спрашивал: «Что происходит? Какую работу я должен выполнять? У меня вообще есть работа?»

Питер отвечал: «Билл, не переживай. Он любит вас, ребята. Все прекрасно. Сейчас столько всего происходит, масса изменений, но вы остаетесь на месте».

Я снова занял наблюдательную позицию, но вокруг действительно все менялось. Все эти факсы, письма и документы уже не шли через меня. Многого теперь шло через Майкла Амира. Мы с мистером Джексонем никогда особо это не обсуждали. Просто сегодня я еще выполнял все эти обязанности, а завтра уже нет.

Майкл Амир стал новым Фельдманом, и я ничего не имел против. Пусть будет так. Правда. Я устал быть «тем самым парнем». У всех нас бывают начальники, которые мотают нам нервы. Майкл Джексон был моим начальником, и порой он тоже мотал мне нервы. Это было в мелочах. Звонки. «Хочу это». «Хочу то». «Купи мне колесо

обозрения». Я больше не хотел общаться с его адвокатами и менеджерами, не хотел участвовать в этой политике подсиживания. Если кто-то хочет этим заняться – прекрасно. Забирайте. Позвоните мне, когда я понадобится для охраны. Если мне звонил Грег Кросс или кто-то еще и говорил, что им нужно отправить факс, я просто говорил: «Подождите, я дам вам номер Майкла Амира». Больше я этим не занимался.

Да и атмосфера была другой. Фанаты к этому дому не приходили, а именно от них зависела львиная доля хорошего настроения мистера Джексона. Время от времени приезжали несколько человек, но не в таких количествах, как возле дома на Монте-Кристо. Этот район не годился для уединения. Здесь не было частной территории. Возле ворот даже не было тротуара, где они могли бы расположиться. Вдобавок, никто не позволит фанатам торчать целый день под школой.

Многие поклонники не знали, куда он переехал. Поскольку Раймона ушла, то больше не пересылала ему почту от них. Ее адрес был единственным известным для поклонников. Я понятия не имел, куда они теперь слали письма. Офиса не было. Вероятно, почта просто терялась. Некоторые поклонники, знавшие меня, связывались со мной. Они что-то слышали, будто бы он готовит какое-то шоу. Я мало что знал об этом. Они присылали мне открытки и просили передать ему. «Передайте ему, что нам его не хватает. Скажите ему, что мы любим его».

Я также получал множество вопросов о Thriller-25. Юбилей выпуска был в конце прошлого ноября. Планировалось множество мероприятий, спецпрограмм и выступлений, но ни один проект так и не был реализован, потому что ему все это не нравилось. Он считал, что альбом идеален. Нельзя просто взять и добавить в Thriller хип-хоповские биты. Это классика, и трогать ее не надо. Но ему сказали, что он должен это сделать.

Джавон:

Sony велела ему идти в студию с молодыми артистами и сделать ремиксы, чтобы «освежить» звучание и быть в тренде. Но он занимался этим без энтузиазма. Это было заметно. И поэтому все их сессии в студии отеля Palms проходили в самый последний момент. Он все откладывал и откладывал, а работа над ремиксами все затягивалась. Мы прожили в Palms целый месяц, и мистер Джексон практически не покидал отель, потому что все время работал в студии. Мы с Биллом проводили большую часть времени в вестибюле студии с охранниками will.i.am.

Билл:

Пока не вышел этот альбом, мы с Джавоном даже не знали, что мистер Джексон, оказывается, объявил нам благодарность в буклете диска. Он не говорил нам, что сделает это. Мы узнали об этом от друзей, купивших альбом и увидевших наши имена. Когда я купил себе диск и увидел это, то очень обрадовался. Это было приятно, особенно после всего, что мы пережили. Наш маленький вклад в общее дело оценили по заслугам.

Джавон:

Когда я увидел в буклете свое имя, это был один из самых радостных моментов в моей жизни. Никто не сможет отнять его у меня. Этот альбом уже не скопировать. Он переживет моих детей и внуков моих внуков. В условиях распространения Интернета ни один альбом уже не продаст 100 млн. копий, а это значит, что этот альбом – номер один за всю историю. И теперь мое имя тоже там есть. Это стоило всех потраченных усилий.

Билл:

Когда альбом вышел, то сразу стал номером один в Штатах и во многих других странах. Пресса без устали писала о юбилее, вокруг была вся эта шумиха, но внутри этого вообще не ощущалось. Мы думали, что он, наверное, обрадуется, но, если честно, он никогда не говорил, что считает это чем-то особенным. Я слышал в его голосе куда больше восторга, когда он говорил о «Человеке-пауке 3».

После переезда из отеля потекли несчастливый дни. Снаружи все выглядело как обычно, бизнес и все такое, но в доме царил мрачная атмосфера. Каким бы проблемным ни был дом на Монте-Кристо, он хотя бы пытался сделать его уютным, устроил там библиотеку, танцевальную студию, классную комнату для детей. Здесь, в Паломино, ничего этого не было. Ни студии, ни библиотеки. Это не было их домом.

На дни рождения детей больше не было праздников. Никаких клоунов и батуты. Люди вокруг него не обладали нужной энергетикой. Поскольку мы с Джавоном и сами были отцами, в нашей работе присутствовало это ощущение. Мы знали все, что нужно знать родителям, которые растят детей в этом городе. Если он хотел клоуна, мы находили ему клоуна. Батуты, украшения и торты – пожалуйста. Команда, работавшая на него сейчас, не жила в Вегасе. Они были из Лос Анджелеса. Если бы мистер Джексон попросил их найти клоуна, они бы понятия не имели, откуда начать.

Джавон:

Новая команда не настолько много времени провела с семьей, чтобы понять все их привычки и потребности. Что можно делать и чего нельзя. Мы знали, какие хлопья любит каждый из детей, все до мелочей. Но теперь мы не присутствовали в доме постоянно, чтобы проехать лишней квартал в поисках нужных им вещей. Мы занимались поездками и охраной, когда он покидал дом. Да и случалось это не так уж часто. Где все эти ночи, когда мы катались по Стрип и рассматривали людей? Ничего подобного теперь не происходило. Он сидел в доме. А поездки с детьми в кафе и парк аттракционов? Ну, может, пару раз за все время.

Билл:

Его поведение и настроение тоже изменились. Он все больше молчал, больше ушел в себя. Он по три дня не связывался со мной, а ведь раньше он названивал мне по 4-5 раз в день. Поэтому я стал звонить ему сам:

– Привет, мистер Джексон. Это Билл.

– Привет, Билл.

– У вас все в порядке?

– Да, я в порядке. Какие-то проблемы?

– Нет, сэр. Никаких проблем. Просто давно вас не слышал и хотел удостовериться, что у вас все хорошо.

– Конечно. Спасибо, что позвонил.

И все. Я не мог понять, что не так. Но я чувствовал, что что-то случилось. По детям это тоже было заметно. Когда он перебирался в незнакомое место или был окружен чужаками, то всегда держал детей поближе к себе. Те дни, когда он позволял им больше свободы на Монте-Кристо или в Вирджинии, закончились. Мы уже не возили их гулять. Дети теперь всегда были у него под крылом, а это значило, что он чего-то опасается.

У меня появилось нехорошее предчувствие. Все двигалось в каком-то странном направлении. Целый год до этого он не совершал ни одного действия без меня. Как-то в конце февраля или, может, в начале марта мне позвонил Питер Лопез:

– Билл, Майкл интересуется, куда вы пропали.

- Что значит – куда мы пропали?
- Почему вы, ребята, до сих пор не в Лос Анджелесе?
- А он что, в Лос Анджелесе?!
- Ага.
- Мистер Лопез, мы даже не знали об этом.

Вторая команда увезла его в Калифорнию и даже не сообщила нам. Питер, казалось, тоже пребывал в замешательстве.

- Билл, что происходит?
- Понятия не имею. Поговорите с Майклом Амиром.

Через пару дней мистер Джексон позвонил мне сам:

- Билл, да куда же вы оба подевались? Почему вы не в Лос Анджелесе?

Сейчас я буду выглядеть некомпетентным, но мне было нечего ему сказать, кроме правды.

- Сэр, я даже не знал, что вы в Лос Анджелесе. Мне никто не сказал.
- О... А я думал, ты знаешь. Поговори с Майклом Амиром и узнай, когда я возвращаюсь в Вегас.

Чего?! Узнать, когда он возвращается в Вегас? Мне хотелось заорать: «Почему бы тебе *самому* не сказать мне, когда ты возвращаешься? Как такое может быть, что ты сам этого не знаешь? Почему не ты решаешь это?» Но он и вправду ничего не решал. Он вообще не контролировал то, что вокруг него творилось.

Он исчезал вот так еще пару раз, а я даже не знал, что он в Лос Анджелесе. Позднее я узнал от Лопеза, что всякий раз, когда мистер Джексон просил связаться со мной и Джавоном, ему говорили, что нам невозможно дозвониться. Но на моем телефоне не было никаких пропущенных звонков. У Майкла Амира был мой номер. Он знал, где я нахожусь. Он просто не звонил. Очень скоро дошло до того, что я уже не мог сам позвонить мистеру Джексону – у меня уже не было его прямого номера. Те айфоны, которые я подключил на свое имя для него и его матери, были заблокированы, так как счета за звонки достигли пары тысяч долларов и не были оплачены. Миссис Джексон звонила мне, поскольку не могла связаться с ним. Мне пришлось дать ей номер Майкла Амира, поскольку это был единственный способ поговорить с ним.

Иногда я сам звонил Майклу Амиру:

- Послушай, мне надо поговорить с боссом.
- Конечно, я передам ему, что ты звонил, – отвечал он таким тоном, словно пытался избавиться от меня.
- Ладно. Скажи ему, пусть перезвонит мне.

Но я больше чем уверен, что эти сообщения до мистера Джексона не доходили.

Это было странно. Майкл Амир перенял то же чрезмерно покровительственное отношение, которое некогда было у Фельдмана. И как бы я ни был счастлив избавиться от функций секретаря, мне не нравилось то, что меня держали в полном неведении. Возможно, я немного ревновал, но я ведь знал, что мистер Джексон легко поддавался внушению. И я понял, что ему опять что-то нашептали.

Все это началось еще в отеле Palms. Именно тогда появились деньги. Сразу после Рождества он закрыл крупную сделку. Это было последним, что я видел, пока все документы шли через меня. На счет поступила огромная сумма. Я думал, что, может быть,

это аванс за концерт или часть сделки Thriller-25, но позднее узнал, что это был кредит. Тот самый, о котором так спорили Раймона и Грег Кросс. Благодаря этим деньгам он смог переехать в Паломино. И мне с Джавоном наконец-то перепало немного денег. Не все, что нам задолжали, но хотя бы зарплата за три месяца. Достаточно, чтобы мы могли поверить в лучшее.

Однако даже с этим кредитом наши чеки все равно приходили нерегулярно. Мы могли не получать деньги два месяца, а потом внезапно нам выплачивали какую-то часть задолженности. Проходил еще месяц – и еще немного денег. Никакой организации. Я пытался как-то договориться с Лонделлом и Майклом Амиром, но слышал то же, что мне когда-то говорила Раймона: «Чувак, тут все так запущено. Мы пытаемся разгрести эти завалы. Мы пытаемся организовать выплаты».

Как угодно. Я не особо настаивал, поскольку уже понял, что бесполезно. Но вряд ли они подозревали, что я знал обо всех этих деньгах, приходивших на счета. Когда мы уезжали из отеля, мистеру Джексону прислали факс на подпись – им требовалось его разрешение на кое-какие банковские переводы после того, как пришли эти деньги по кредиту. Документ насчитывал пять страниц, множество имен – юристов, менеджеров, кредиторов, банков. Похоже, в этом списке были все, кому мистер Джексон задолжал. И всем им надо было заплатить.

Большая часть этой суммы была потрачена на выплату по предыдущим кредитам. 5 миллионов ушли в Transitional Investors, 1,3 млн. – в Signal Hill Capital. Много ушло на юридические гонорары. 1,35 млн. – для фирмы Грега Кросса. 1,5 млн. – для фирмы Лонделла и 276 000 для самого Лонделла. 413 700 долларов – для консалтинговой фирмы Раймоне. Самой Раймоне – 487 570 долларов. Именно эту сумму она потребовала, чтобы уйти без скандала. Был еще и платеж на сумму 775 000, ее потратили на выплату его налогов, начиная с 2006 года. Оказалось, тот, кто занимался тогда его деньгами, вообще не платил налоги.

56 миллионов вылетели из его кармана одним росчерком пера. И это лишь один документ. За один день. Вероятно, это было лишь верхушкой айсберга. И это ведь деньги не из его прибылей, а очередной кредит. Там перезанять, чтобы там переотдать. Когда выгнали Раймону, пришли новые администраторы и придумали такой план: сначала решить все старые дела, чтобы потом начать новые.

Вокруг все чаще говорили о концерте, о том, сколько денег это принесет и где лучше всего его провести. Эти разговоры случались и раньше, но не в таких объемах. Теперь они становились все громче. Обсуждались *детали*. Внезапно заговорили все: Майкл Джексон возвращается к работе. Снова все активизировалось. И едва начали открываться двери, как в них ринулись люди. Множество лиц. Множество звонков. Откуда ни возьмись всплыл Кенни Ортега, хореограф. И этот парень, Фрэнк Дилео, работавший менеджером мистера Джексона в восьмидесятых. Раньше я о нем ничего не слышал, но теперь он снова стал частью общей картины. В зарплатной ведомости появились новые имена. Этому нужно 30 тысяч залога, чтобы начать работать. Тому – пятнадцать тысяч, чтобы войти в команду. Пирог снова в духовке, и все хотели оторвать себе кусок.

Я видел, что он снова пребывает в стрессовом состоянии. Словно ему на плечи взвалили непомерный груз. Помню, как он сказал мне кое-что, пока мы еще жили в отеле. Я только что привез его в отель, мы поднимались в номер. Он был на какой-то встрече, заключая крупную сделку. Вероятно, это был тот самый кредит или что-то подобное. И пока мы

ехали в лифте, на лице у него застыло такое странное выражение, словно он готовился к чему-то, что уже было ему знакомо, но чего он страшно боялся.

– Тебя раньше здесь не было, Билл, – сказал он, – поэтому ты еще не видел. Но скоро увидишь.

– Что увижу, сэр?

– Стервятников, – ответил он. – Вот теперь они слетятся. Все хотят урвать себе часть, и никто не будет верить друг другу. Ты сейчас увидишь всю мерзость, какая только есть в людях. Вот погоди немного – и увидишь.

Когда пошли разговоры о возможном возвращении Майкла Джексона на сцену, на горизонте все так же маячил конечный срок для спасения «Неверленда» от продажи за долги. Срок этот истекал 19 марта. За несколько дней до этой даты адвокат Джексона Лонделл Макмиллан сделал заявление для Associated Press о «секретной сделке» для предотвращения продажи. На самом деле эта «сделка» заключалась в очередном продлении срока: Джексон получил еще два месяца для поисков инвестора, желающего проспонсировать его.

В апреле брат Майкла, Джермейн, познакомил его с человеком по имени Томе Томе, ливанским бизнесменом неизвестного происхождения. Томе представлялся «доктором Томе Томе», хотя определенно не имел никакой докторской степени и уж точно не был врачом. Томе выступал посредником в переговорах, у него были обширные связи, благодаря которым он мог устроить любые сделки в сфере недвижимости и развлечений. После встречи с Майклом Томе воспользовался своими связями и свел певца с миллиардером Томом Барраком, владельцем и исполнительным директором частной фирмы Colony Capital.

Баррак и Джексон встретились в Лас Вегасе и договорились о выкупе задолженности Джексона на сумму 23 млн. долларов в обмен на 50% прав собственности на ранчо. Баррак считал, что при надлежащем восстановлении «Неверленд» может стоить до 60 млн. долларов или даже больше. Colony Capital брала на себя затраты по восстановлению ранчо, а затем они бы продали его сообща и поделили выручку. Томе Томе поначалу претендовал лишь на комиссионные, причитающиеся посреднику, но вскоре начал требовать куда больше.

Скорость, с которой была заключена сделка по «Неверленду», убедила Джексона, что Баррак и Томе – достойные люди, с которыми можно вести бизнес. В то лето он нанял Томе на место Раймоны Бэйн и сделал его своим менеджером. Увидев состояние финансовых дел Джексона, Томе принялся настойчиво и даже агрессивно подталкивать певца к возвращению на сцену. Том Баррак тоже видел в его возвращении некий потенциал. Он знал, что восстановление имиджа певца повысит стоимость «Неверленда» при продаже. Помимо прочей недвижимости, Colony Capital владела отелем Las Vegas Hilton, где Элвис Пресли когда-то дал серию исторических концертов, вернувшись на сцену в 1969 году после длительного перерыва. Баррак всеми силами проталкивал эту идею, но Джексон отказывался участвовать в этом.

Баррак позвонил своему другу, миллиардеру Филипу Аншутцу, владельцу Anschutz Entertainment Group (AEG), надеясь, что ему удастся свести Джексона и AEG для организации шоу на Арене О2 в Лондоне. Он не знал, что AEG уже обдумывала этот вариант. Промоутер очень хотел заполучить Майкла Джексона, еще с тех пор, когда Раймона Бэйн организовала Джексону встречу с Рэнди Филлипсом год назад. Во время той встречи Джексон сомневался, стоит ли ему соглашаться на предложение AEG. Теперь обстоятельства изменились.

Билл:

Передав все дела Майклу Амиру, я уже не настолько владел информацией о том, что происходит в бизнесе. Я и не хотел знать. Кто был его новым менеджером? Мне все равно. Кто его новый адвокат? Без разницы. Все это меня уже не касалось.

Я пару раз имел дело с этим новым человеком, Томе Томе. Его фирма попыталась заставить меня и Джавона подписать договор о неразглашении. Поскольку мы пришли работать на мистера Джексона в ситуации, когда охраны отчаянно не хватало, никто и не подумал заставить нас подписать этот договор тогда. Очень скоро мы сами подсовывали его другим людям на подпись. А теперь этот Томе Томе пытался всучить его нам и говорил, что иначе мы не получим все, что нам задолжали по зарплате. Наши чеки использовались как рычаг давления. Я не соглашался. Для меня это было признаком неуважения. Я знал, что такой приказ исходил не от мистера Джексона, он бы никогда не потребовал от меня такого. Я считал, что заслужил его доверие, пока работал на него. Поэтому, когда на меня стали давить, я счел это признаком очередных неурядиц в организации: новые люди все так же манипулировали отношениями, чтобы получить контроль, и пытались влезть между мной и мистером Джексоном.

После этого я уже не сталкивался непосредственно с людьми Томе Томе. Всем этим занимался Майкл Амир, но до меня порой доходили кое-какие вещи. В июне мы возили мистера Джексона на встречу с Томом Барраком в Las Vegas Hilton. Они ужинали в японском ресторане «Бенихана». Баррак хотел обсудить планы по спасению «Неверленда» и серию концертов в отеле Hilton. Подобные разговоры о различных отелях в Вегасе велись уже больше года, но в то лето стали говорить не только о концерте в Вегасе, но, возможно, и о туре где-нибудь за границей. Возможно, в Лондоне. Впрочем, к тому времени я уже успел узнать о массе различных планов насчет концертов и всего прочего, которые так и не были реализованы, так что я уже не верил во все эти разговоры.

Джавон:

Я не чувствовал, что он хочет этого. Он не подавал ни единого признака желания возвращаться на сцену. Когда он был с нами, то, казалось, вообще не скучал по всему этому. Он гораздо больше волновался о том, как начнет новый этап в своей жизни, со своими детьми. Он отказался от выступлений в отеле Wynn, а ведь ему сделали очень выгодное предложение. В обсуждениях музыки и танцев он рассматривал их чисто с творческой точки зрения. Едва разговоры касались бизнеса или коммерческой стороны, он терял энтузиазм.

Билл:

Время от времени мы, разумеется, видели эту другую часть него. Например, на той фотосессии для Ebony. Я всегда называл это «режимом Короля поп-музыки». В нем обитали две личности: Майкл Джексон, семейный человек, отец, и Король поп-музыки. Майкл Джексон жаждал уединения. Он хотел жить обычной жизнью; но в то же время, если ты лучший в чем-то, и тебя знают во всем мире, думаю, очень трудно отказаться от этого. Он говорил: «Пусть меня все оставят в покое». Но когда мы везли его в город, нас окружали его фанаты, и он чувствовал их любовь... О, да. Он обожал это. Он буквально сиял. Когда приходил стилист, причесывал его, делал ему макияж, он надевал новый костюм от Роберто Кавалли, мы ехали на ужин в Wynn и шли через казино, а люди вокруг выкрикивали его имя и признавались ему в любви – он наслаждался всем этим.

Джавон:

Как-то вечером, пока мы жили в отеле Palms, он захотел пойти в один из ночных клубов при отеле, но так, чтобы не светиться. Он собирался по-тихому проскользнуть туда, посмотреть на людей. В этом клубе был закрытый балкон, выходящий на общую площадку, поэтому мы договорились с администрацией обустроить его там.

Мы находились в клубе всего пару минут, когда диджей внезапно начал крутить одну из его песен. Он миксовал трек с песнями других исполнителей. Мистер Джексон покачивал головой в такт:

– Классно. Я даже не знал, что они все еще крутят мою музыку.

Мы переглянулись в недоумении.

– Мистер Джексон, они всегда играют вашу музыку. В барах, клубах. Она повсюду.

– Правда? – удивился он. Казалось, это и впрямь изумило его. Думаю, он считал, что его все забыли или что он уже непопулярен. Он был счастлив услышать свои песни вот так, в клубе.

Билл:

Люди часто обращались к нему за разрешением использовать какую-нибудь мелодию из его песен. Такими запросами обычно занимался Питер Лопез. Он звонил мне и говорил:

– Билл, передай Майклу, что Канье Уэст хочет взять сэмпл из такой-то песни. Сколько это будет стоить?

Я передавал его сообщение мистеру Джексону, а тот отмахивался:

– Нисколько. Скажи ему, пусть берет. Пока они используют мою музыку, она живет.

Он мог бы содрать с них кучу денег, но не делал этого. Он просто хотел, чтобы его музыка звучала по всему миру. Для него было очень важно сохранить титул Короля поп-музыки. Чтобы его помнили.

Как-то я вез его по городу, радио было включено, шло какое-то утреннее ток-шоу со звонками от слушателей. В этот день они спрашивали слушателей: «Как вы думаете, кто был круче – Майкл Джексон или Элвис Пресли? Позвоните нам и скажите свое мнение».

Я сделал погромче. Мне было интересно послушать его реакцию на такое. Люди звонили, рассказывали, почему им нравится тот или другой артист. Какое-то время мистер Джексон молчал, но я видел, что он внимательно слушает. А затем он взорвался:

– Да куда Элвису до меня! Я продал больше альбомов, чем он и «Битлз» вместе взятые! Они никогда не смогут превзойти меня!

Он до сих пор сохранил свое артистическое эго. Время от времени оно прорывалось наружу.

Джавон:

Он был подобен доктору Джекиллу и мистеру Хайду. Он не хотел справляться с негативной стороной славы, требовал, чтобы его оставили в покое, когда дело казалось негатива, но жаждал сохранить позитивную часть. Когда он говорил о возвращении на сцену, то добавлял, что хочет сделать это для своих поклонников, поскольку был в большом долгу перед ними. Какой же ты артист, если не учишь желания своих поклонников? Если он не ездил с концертами, не выпускал альбомы, значит, он повернулся к своим фанатам спиной. А он обожал их. Они всегда поддерживали его. И поэтому это был мощный фактор воздействия. Он говорил:

– Я должен сделать это для них.

Билл:

А еще он говорил, что должен сделать это для своих детей. Мол, они уже достаточно взрослые, чтобы оценить, кем является их отец. Он хотел, чтобы они увидели все сами,

хотел показать им, как он выступает с братьями, чтобы они увидели, с чего все началось. Но дальше разговоров дело не шло. Когда подворачивалась какая-либо возможность выйти на сцену, он отступал и придумывал различные отговорки.

Какая-то его часть хотела снова быть на сцене, но, как нам казалось, он не так уж стремился к этому. Он вернулся к работе не потому, что хотел этого. Эти концерты были организованы из-за его финансовых обязательств. Не «мы *могли бы* устроить концерт», а «мы *должны* устроить концерт, надо организовать что-нибудь, чтобы выбраться из этой ямы». Да кто бы захотел? Он был перфекционистом. Он хотел делать все тогда, когда почувствовал бы, что пришло время. И тогда он вложился бы по полной. А кто бы смог работать под таким давлением?

У меня были свои сомнения по поводу того, почему все вокруг так подталкивали его именно к такому решению. У него были и другие варианты. Он все еще владел половиной каталога Sony. Почему бы не продать его, не расплатиться с долгами, уехать и начать все сначала? Если он действительно хотел, чтобы его оставили в покое, почему бы не поступить именно так? Отчасти он не хотел продавать, потому что ненавидел Sony. Если позволить им завладеть каталогом, это будет означать, что они победили его. Однако судя по тому, что я слышал, у меня было ощущение, что люди как раз и не хотели, чтобы он продавал каталог. Если Майкл Джексон продаст каталог, то никто, кроме него, не получит денег. Если Майкл Джексон вложит деньги в какой-то проект, никто не получит прибыли, кроме него. Но если Майкл Джексон устроит концерт – тогда деньги получают *все*.

Вот откуда давление. Они швыряли огромные цифры ему в лицо и говорили: «Это полностью покроет твои долги. Это полностью покроет все судебные разбирательства». И именно так он хотел разобраться с проблемами. «Разберись с этим». «Избавься от этого». «Пусть оно уйдет». Он свято верил, что может справиться со всем этим, если у него будет достаточно денег, чтобы всем заплатить – и тогда они уберутся прочь. Но это не работает. Если ты на вершине, люди все равно тебя преследуют. Чем больше денег, тем больше проблем. Такова игра. Ты это знаешь, и я это знаю, но не думаю, что он понимал это. Он ведь все еще жил как в аквариуме, вспоминая старые добрые деньки.

Когда вышел альбом Thriller, он был хозяином положения в глазах людей. Да какие у него могут быть проблемы? Чем еще он мог быть озабочен, кроме создания крутецкой музыки? Никакого негатива тогда не было. У него было достаточно денег, чтобы выбраться из любой передраги. Он мог купить «Неверленд» и сбежать от всех. И именно поэтому он так хотел купить тот дом в Вегасе. Это поместье напоминало «Неверленд» – такое огромное, что вы не увидите его там, а он не увидит вас. Он хотел вернуться обратно в те времена и думал, что при помощи денег сумеет это сделать. Его опыт подсказывал, что именно деньги являются решением. Если у тебя их будет достаточно, ты сможешь сбежать.

Думаю, именно поэтому он согласился на эти концерты. Но зная его и то, как разлетаются его деньги... И все эти чемоданчики с наличкой. Поэтому и он согласился на концерты за границей. Если он даст концерт в Вегасе, все, кто судится с ним, могут потребовать залоговое право на такое шоу. А если сделать это в Лондоне, то будет гораздо сложнее наложить лапу на эти деньги. Мне кажется, что большая часть денег осталась бы за границей. На различных счетах. В виде налички в банковских сейфах. Можно спрятать эти деньги от всех, включая его адвокатов и менеджеров. Он верил в это. И вот почему он решился на эти концерты. Он думал, что если заработает достаточно денег там, то сможет сбежать вместе с детьми, и весь этот кошмар со стервятниками, исками и трагедиями

наконец-то закончится. Но на самом деле такие вещи так просто не заканчиваются. Пока он – Майкл Джексон, это не закончится никогда.

-17-

К концу сентября 2008 года все предварительные переговоры Томе Томе и Тома Баррака с компанией АЕГ наконец-то увенчались успехом. Они заключили договор на проведение серии концертов в Лондоне, на Арене O2, в следующем году. Вскоре после этого Джексон уехал из Вегаса и надолго поселился в Hotel Bel-Air в Лос Анджелесе, где и проходили все его встречи с различными хореографами и музыкантами, которых он планировал нанять для новой постановки.

Помимо сделки с АЕГ, Томе Томе продолжал творить и другие чудеса для своего клиента. Он сумел выбить из Sony 12 млн. долларов роялти, которые компания удерживала от продажи Thriller-25. Поскольку Sony Music и Sony/ATV Music Publishing – разные компании, соответственно, Sony не имела права удерживать прибыль одной компании, дабы покрыть административные расходы другой. Джексон распорядился направить всю прибыль от альбома исключительно на первый взнос за этот огромный дом на Дуранго Хиллс, который он так давно намеревался купить. Этот дом, будущая «Страна чудес», был наградой, которую Джексон пообещал себе за проведение лондонских концертов.

Музыкальная индустрия гудела: Майкл Джексон возвращался к работе, и люди толпились вокруг него, расталкивая друг друга локтями, чтобы получить место в этом проекте. В спину АЕГ дышала семья Джексонов. В октябре Джермейн Джексон во время своей поездки в Австралию сделал заявление местным журналистам, что Джексоны, включая «Майкла, Рэнди и всю семью», «работают в студии вместе и планируют отправиться в тур в следующем году». Для Майкла это определенно было новостью, поскольку он уж точно не работал в студии с братьями, не разговаривал с Джермейном, Рэнди и всеми остальными, да и тем более не собирался присоединиться к ним на гастролях. Сразу же после заявления Джермейна Майкл выпустил свой собственный пресс-релиз, заявляя, что обожает свою семью, но «не планирует записывать с ними альбомы или ездить с ними в туры».

С этого момента все занялись сплошным надувательством. Джо Джексон раз за разом ходил на встречи с концертным промоутером, Патриком Алокко из фирмы AllGood Entertainment, обещая тому воссоединение Джексонов на сцене, включая Майкла. Невзирая на все заявления Майкла, Патрик Алокко решил поверить обещаниям Джо, ведь бизнес с Майклом Джексонном – заманчивая перспектива. Джо Джексон велел Алокко связаться с Фрэнком Дилео, которого Джо представил как «менеджера Майкла». Однако Фрэнк Дилео не вел никаких дел с Майклом Джексонном с 1989 года. Тем не менее, Дилео встретился с Алокко и заявил, что может договориться с Майклом о концертах семьи Джексонов. 26 ноября Дилео подписал контракт с AllGood Entertainment.

Даже если бы Майклу Джексону импонировала идея такого семейного воссоединения, сомнительно, что какой-либо промоутер сумел бы перебить предложение АЕГ. Томе Томе уже вел переговоры о лондонских концертах и выдвинул серьезные требования – внушительный аванс, дом в Лос Анджелесе для Джексона и его детей, в котором они будут жить до концертов. АЕГ согласилась на все.

17 ноября в лондонском суде началось рассмотрение иска шейха Абдуллы против Джексона. Грейс Руарамбу вызвали в качестве свидетеля, равно как и самого певца. Дабы избежать его публичного появления в суде (а заодно и потому, что сделку о концертах на Арене О2 невозможно было заключить, пока не будет урегулирован иск Абдуллы), АЕГ вмешалась и выплатила шейху 5 млн. долларов, освобождая Джексона от контракта, заключенного им три года назад. Однако, как Sony рефинансировала долги Джексона вовсе не по доброте душевной, так и АЕГ не собиралась помогать певцу просто так, из благотворительности. Обязательства Джексона никуда не делись. Они просто перешли от азиата к американцу. АЕГ ожидала, что все ее инвестиции окупятся с лихвой.

Филип Аншутц, Томе Томе, Том Баррак, Рэнди Филипс, Джо Джексон, Джермейн Джексон, Патрик Алокко, Фрэнк Дилео, Лонделл Макмиллан, Питер Лопез, Майкл Амир Уильямс – список игроков, изо всех сил стремившихся влезть в многомиллиардный проект по возвращению Майкла Джексона в шоу-бизнес, увеличивался с каждым днем. К ним вскоре присоединился и Джон Бранка, бывший консультант и юрист Джексона. У некоторых из этих людей действительно были самые лучшие намерения, они хотели помочь певцу освободиться от долгов и вернуться на вершину. Другие же руководствовались противоположными мотивами. Однако у всех была общая черта: они все вложились в возвращение Майкла Джексона летом 2009 года, и им было все равно, готов ли он к этому или нет.

Билл:

Едва начали формироваться планы этих концертов, они затмили все остальное. Теперь режим Короля поп-музыки был включен круглосуточно. Поначалу мы возили его на встречи раз в неделю, но теперь он переехал в Лос Анджелес и ходил на эти встречи постоянно.

Мне все еще часто звонили, поскольку у меня хранилось множество информации. Если кому-нибудь требовались какие-то данные с прошлого года (номер телефона, какой-то документ), звонили именно мне. И мы все еще отвечали за все вещи, которые сдали в хранилище в Вегасе и Вирджинии. Едва мистер Джексон вернулся в отель Palms, он сразу начал спрашивать, где его кинооборудование, которое мы оставили в Вирджинии, поэтому нам теперь приходилось организовывать отправку всего этого добра в Вегас.

Он словно пытался создать два параллельных мира. В одном у него была личная жизнь, в другом – гигантская машина шоу-бизнеса, набиравшая обороты, и он изо всех сил старался не дать этим мирам пересечься. У него было множество личных моментов, в которые он не хотел впускать всех этих концертных промоутеров и организаторов. У учительницы закончилась рабочая виза, и ей нужно было возвращаться в Бахрейн. Мистер Джексон пытался добиться для нее гражданства, поэтому я по его просьбе возил ее в миграционную службу и к юристу, занимавшемуся ее документами. На мои плечи было возложено решение множества подобных вопросов из «личного» мира.

Мы старались сохранить нашу связь с ним, занимаясь всеми этими делами. Однако эту «личную» жизнь все больше оттесняли в сторону, а вместе с ней и нас. Мы чувствовали, что это исходило не от него; другие люди пытались отрезать нас от него. У меня сложилось впечатление, что мистер Джексон на самом деле даже не знал, насколько нас выпихнули из его круга. И хотя я не находился рядом с ним постоянно, он вел себя так, словно я все еще занимался абсолютно всеми его делами, за несколькими незначительными исключениями. Он все еще говорил людям: «Перезвоните Биллу». Мне все еще звонили адвокаты, бизнесмены, продюсеры, и о многих из них я вообще никогда не слышал. А они звонили и говорили: «Билл, я только что говорил с Майклом, он просил

отправить тебе эти документы ему на подпись». Но я этим уже не занимался. Теперь это были обязанности Майкла Амира.

Я и не ожидал, что мы с Джавоном будем хоть как-то занимать мысли мистера Джексона, раз вокруг столько всего происходит. Но, как мне казалось, все это сигнализировало о том, что он понятия не имел, что происходит с его же людьми. Когда он говорил со мной о Майкле Амуре, это выглядело так, будто бы мы с Амиром дружили. Ну, или были партнерами. «Ой, да позвони Майклу Амиру». Он вообще не понимал, что делается.

Джавон:

Майкл Джексон оказывал грандиозное влияние на людей. Это трудно описать. Едва он впускал их в свой круг, они начинали думать, что владеют им. Типа, он *мой!* Это происходило не специально, он просто вызывал у них это желание, поскольку сам был больше чем жизнь. Он лично звонит им, дает им инструкции, свободу принятия каких-то решений, и они начинают думать: ага, он мне доверяет. Они видят, насколько он уязвим. Они видят, как вокруг все пытаются им воспользоваться, и поэтому думают: если я буду главным, я смогу его защитить.

Поэтому, едва мистер Джексон подпускает кого-нибудь поближе, этот человек начинает говорить от его имени, не позволяет ему принимать решения самостоятельно. Он знает, что все это сойдет ему с рук, поскольку мистер Джексон никогда не задает вопросов. Он начинает ощущать себя хозяином положения, но для сохранения контроля ему надо манипулировать всеми остальными, кто пытается подобраться к мистеру Джексону. Он распространяет ложь об этих людях или шепчет мистеру Джексону, чтобы он не доверял им.

А затем он начинает врать и самому боссу. Он говорит: «Да, сэр, нет проблем, сэр» и в то же время за его спиной делает что-то совершенно иное, поскольку считает, что лучше владеет ситуацией. Он убеждает себя, что врет ему ради его же блага. Именно этим занимались те, кто окружал мистера Джексона. Я видел все это. Фельдман делал это. Раймона. Грег Кросс. Майкл Амир. Все. Если Майкл Джексон впускает тебя в свой внутренний круг, ты тоже будешь поступать так же.

Билл:

Он заставлял людей поверить в то, что они особенные, и мы тоже это ощущали. Мы чувствовали, что защищать его – не просто обычная работа. Мы тоже опекали его, но не опускались до этих мелких склок, как все остальные. Мы с Джавоном видели, как все это происходит, и сознательно решили держаться от всего этого как можно дальше.

Это вовсе не означало, что вокруг него все были плохими. Это безумие было продиктовано особой силой. Плохая энергия, окружавшая мистера Джексона. Я хорошо относился к Раймоне и Майклу Амиру, когда мы только познакомились. При других обстоятельствах у меня, вероятно, вообще бы не было с ними никаких проблем. Но в обстановке, окружавшей мистера Джексона, когда никто никому не верил, да при наличии такого количества денег и власти, все это засасывало людей намертво. Люди видят, что происходит с мистером Джексонем, и хотят обвинить в этом кого-нибудь. *Это все доктор Мюррей. Томе Томе. Его семья.* Да ерунда. Не в них дело. Не в ком-то одном. Проблема была *во всем*.

То, что на месте личного ассистента оказался некто вроде меня, было волей случая. Я попал туда, потому что вокруг больше никого не было. Большинство людей, оказавшихся рядом с ним, попали туда, потому что пытались извлечь какую-то выгоду из своих

отношений с ним. Мне ничего этого не было нужно. Я не пытался влезть в музыкальную индустрию. Я не пытался воспользоваться известностью мистера Джексона, чтобы стать кинопродюсером. Я просто хотел делать то, что делал. Мне нравится быть телохранителем, я хорош в этом и хочу оставаться в этой профессии. Поэтому я и хотел заботиться об этом человеке и его благополучии. Когда речь заходила о бизнесе, кредитах, играх и всех этих шепотках ему на ухо, мол, не доверяй тому, не доверяй этому – я не хотел в этом участвовать. А когда люди поняли, что меня невозможно в это втянуть, вот тогда я и стал «плохим парнем». Ты злодей, потому что не хочешь быть злодеем. Мистер Джексон доверяет тебе, поэтому мы тебе не доверяем. Вот насколько был извращен его мир.

Джавон:

Мы вовсе не считаем себя лучшими, чем те, кто пришел после нас. Мы не лучшие. Это больше касалось времени, проведенного с ним. У нас были определенные личные отношения. Когда мы пришли, не было никаких концертов. Только маленький закрытый круг людей. И именно это я пытаюсь объяснить людям. В доме на Монте-Кристо и в Вирджинии *были только мы*. Больше никого. Грейс надолго уезжала, иногда приходили и тут же уходили какие-то люди, но целыми неделями вокруг больше никого не было. Мы запускали фейерверки в каком-то поле под Миддлбургом. Только мы, Майкл Джексон и его дети. Сюр. Бывало, мы едва верили в то, что все это происходит именно с нами.

Рядом с ним были только я и Билл, и мы не собирались конкурировать друг с другом. Но давайте называть вещи своими именами. Что было бы, если бы вокруг было еще десять, пятнадцать, двадцать людей? Билла бы возненавидели все. Кто-нибудь попытался бы убрать его сразу же, едва мистер Джексон сделал его своим секретарем. Биллу бы пришлось играть в эти игры, а иначе он не продержался бы и трех недель.

Билл:

В конце октября мистер Джексон снова поехал в Лос Анджелес. Он остановился в отеле Hotel Bel-Air, где и проходило большинство его деловых встреч. В этот раз он уже не вернулся в Вегас. Никто не сказал: «Ну все, мы сюда не вернемся». Это просто случилось.

Мы с Джавоном все еще были в Вегасе. Мы не могли понять, каковы теперь наши обязанности. Меня только один раз попросили приехать в Калифорнию. Он снова хотел, чтобы я привез ему его Оскары за «Унесенных ветром», и я поехал в Лос Анджелес машиной, передал чемоданчик Майклу Амиру в вестибюле отеля, после чего мне было сказано, что больше им от меня ничего не нужно. Я сел в машину и вернулся домой. Через пару недель я узнал, что он выезжает из отеля и арендует дом в Холмби Хиллс. Мне позвонили и сказали, что он хочет получить все свои вещи, которые мы сдали на хранение в Вегасе. Пять здоровенных боксов. Мы договорились об отправке всего этого в Лос Анджелес.

Я беспокоился. Переезд в Калифорнию определенно был связан с подготовкой к концертам. Не думаю, что он переехал бы туда, будь это его личный выбор. За последние несколько месяцев я увидел его с совершенно иной стороны. Это был уже не тот парень, на которого мы работали в Вирджинии. Он делал то, что ему приказывали другие. Когда говоришь с теми, кто работал с ним, они рассказывают, как он везде все контролировал, как на сцене, так и в студии. А теперь, когда он ходил на все эти деловые встречи – это был уже не он.

Он был таким же, как тогда, после той телефонной конференции с Раймоной и Греггом – когда он швырнул телефон в стеклянную дверь и кричал: «Моему отцу следовало бы

надрать им задницы!» Твоему отцу? Что, правда? Тебе же уже пятьдесят лет. Но всю его жизнь рядом были Джо Джексон, Берри Горди, Куинси Джонс, все эти сильные властные люди, говорившие ему, в какую сторону двигаться. Он привык к этому.

Никогда не забуду, как ехали однажды в машине... Обычно мы слушали классическую музыку, но в этот раз я включил радио, и там крутили песню Бобби Брауна, *My Prerogative*. Когда песня закончилась, мистер Джексон спросил:

– Билл, а можно прокрутить ее еще раз?

– Простите, сэр, но это был не диск, это радио.

Он попросил меня зайти в музыкальный магазин и купить ему этот диск. Я купил, и следующие несколько дней он заставлял меня крутить эту песню снова и снова, весь день. *My Prerogative*, песня Бобби Брауна, была единственным, что Майкл Джексон хотел слушать в машине помимо классики. Он сказал, что хочет записать кавер и исполнить ее на своих концертах. Он слушал ее снова, и снова, и снова, и подпевал, пока не выучил наизусть.

I don't need permission
Make my own decision
That's my prerogative

(Мне не нужно разрешение
Я сам принимаю решения
Это моя прерогатива)

Он сидел на заднем сиденье и пел эти строчки. Он пел это дерьмо с таким видом и отношением, словно верил в каждое слово. *Моя прерогатива*. Я буду делать все, что считаю нужным, черт вас всех поberi.

Я до сих пор держу эту песню в своем айфоне. И время от времени переслушиваю. Но я слышу не голос Бобби Брауна, а голос Майкла Джексона. Я слышу, как он поет ее. *Просто оставьте меня в покое. Это я заработал эти деньги, а не вы*. Но он не знал тогда, как достичь такого состояния.

К январю, едва мы отправили почти все его вещи в Лос Анджелес, в Вегасе все погрузилось в спячку. Иногда нам звонили Питер Лопез или Майкл Амир с каким-нибудь поручением от мистера Джексона, но на этом все. Мы с Джавоном начали принимать другие краткосрочные заказы, чтобы не сидеть без дела. Я оказался в затруднительном положении. С одной стороны, я чувствовал, что должен быть в Лос Анджелесе и прикрывать его тылы. Я прошел весь этот путь от обычных поручений и слежки за воротами до работы с его документами и конфиденциальной информацией, и он знал, верил, что я не продам его таблоидам. Я чувствовал, что он доверял мне, а это приятное чувство – когда тебе доверяют. Он так мало верил другим людям, и мне нравилось то, что я мог дать ему это ощущение – когда он может положиться на кого-нибудь. Мне этого не хватало. Я знал некоторых ребят в его охране в Лос Анджелесе. Возможно, я мог бы с ними связаться, поговорил бы с Питером Лопезом и спросил, как бы мне перебраться туда. Но я не сделал этого.

Я решил отстраниться. Я гордился тем, что работал на Майкла Джексона. На *мистера* Джексона. Но это было в Вирджинии. То были другие времена. Он уже не был мистером Джексоном. Теперь он был Королем поп-музыки. Я не знал этого парня. Я не знал эту эпоху. Это был совершенно иной мир, в котором я не хотел находиться. Ты видишь, что

происходит. Ты видишь, как со всех сторон на него набрасываются люди – и все с протянутой рукой. Ты видишь, как он становится другим, как он надевает маску, чтобы как-то справиться с ними. Мне не нравились эти люди, я не доверял им и не хотел с ними работать.

Нам все говорили, что это временная пауза, что мы вскоре вернемся к работе, что в Лондоне сейчас будет нечто грандиозное, и мы поедем за океан. Я не верил во все это. В мире мистера Джексона ты быстро привыкаешь к подобному. Ты ничему не веришь, пока это не начинает происходить у тебя на глазах. Я не покупался на все то, что говорили люди из его команды, и уж тем более не верил в то, что слышал в новостях. Когда дело касалось Майкла Джексона, пресса почти никогда не знала, что происходит на самом деле. Они сплетничали, только и всего. Поэтому, даже когда появились сообщения о концертах, я не обратил на них внимания. Мой опыт подсказывал, что все сообщения о нем в прессе практически всегда оказывались враньем.

Я был с ним в тот день, когда объявили, что он умер. Мы были в Вирджинии, заехали в супермаркет за покупками, а потом отправились в Chuck E.Cheese за детьми. Мистер Джексон сидел на заднем сиденье, когда диктор объявил по радио:

– Погодите-ка, у нас есть важное объявление... Погодите, ребята.... Да, мы только что получили сенсационное известие. Король поп-музыки Майкл Джексон скончался.

Я повернулся и сказал:

– Мистер Джексон, вы это слышали?

– Нет, а что там?

– Да по радио сказали, что вы умерли.

Он рассмеялся:

– Да, это уже не в первый раз.

5 марта 2009 года Майкл Джексон вышел на сцену на Арене О2 в Лондоне. Одетый в черное, он стоял на фоне ослепительно красного занавеса, приветствуя журналистов и семь тысяч вопивших поклонников, собравшихся послушать объявление о мультимедийной постановке, которую он назвал This Is It.

– This Is It означает, что это финал. Это последний выход на бис. Я люблю вас. Я люблю вас всех.

Для обычного человека это выглядело так, будто Джексон вот-вот устроит самое грандиозное возвращение на сцену за всю историю шоу-бизнеса. Три месяца назад, в начале декабря, компания AEG согласилась оплатить ему новый дом на Кэрлвуд-драйв в эксклюзивном районе Холмби Хиллс. Аренда роскошного особняка площадью 1500 кв. м. обходилась в 100 000 долларов в месяц, и промоутер намеревался вычесть эту сумму из будущих гонораров Джексона за концерты на Арене О2. В начале 2009 года Том Баррак и Colony Capital наняли целую армию подрядчиков для восстановления «Неверленда». Работы по ландшафтному дизайну и ремонту, необходимому для возвращения поместью былого шикарного вида, были оценены в миллионы долларов.

К концу января Джексон и AEG согласовали все условия для This Is It. Джексон получил авансом 6,2 млн. долларов в обмен на гарантию проведения десяти шоу в Лондоне. Но в то время певец еще не знал, что AEG уже спрогнозировала бешеный ажиотаж вокруг этих концертов и то, что спрос намного превзойдет вместимость зала даже на десять шоу. Томе Томе, познакомившись с финансовым состоянием Джексона поближе, знал, что десяти концертов недостаточно для покрытия всех долгов певца. Томе и AEG уже рассмотрели варианты увеличения количества концертов, если будет спрос.

Сразу же после объявления Джексона 5 марта поклонники начали регистрироваться на интернет-сайте для розыгрыша права предварительной покупки билетов. За первые сутки зарегистрировалось более миллиона человек. Томе и AEG моментально принялись обсуждать вероятность увеличения количества выступлений – сначала до 20, потом до 31 и, наконец, до 50. Джексон неохотно согласился, но на определенных условиях. Он потребовал от AEG арендовать ему поместье неподалеку от Лондона на длительный период. Дабы убедиться, что певец пребывает в добром здравии, AEG наняла для него тренера, повара и доктора. Джексон настоял, чтобы компания приняла на работу Конрада Мюррея, его личного врача из Лас Вегаса. Билеты на все 50 концертов были раскуплены за несколько часов, после чего не раз всплывали на eBay по 15 тысяч долларов за билет.

В Лос Анджелесе уже шли приготовления к открытию шоу 8 июля. Кенни Ортега, работавший с Джексонем в турах Dangerous и HIStory, занимался постановкой. В Лос Анджелес на пробы прилетели сотни танцовщиков со всего мира. На концерте предполагалось более двадцати номеров, каждый со своими декорациями, и все это по стоимости приближалось к 30 миллионам долларов.

Пока раскручивалась постановка, активизировались и закулисные интриги, порой доходя до абсурда. Когда Фрэнк Дилео не сумел заключить сделку с Allgood Entertainment о проведении семейных концертов вместе с Майклом Джексонем, Джо Джексон сговорился со своим давним приятелем Леонардом Роу. Роу, концертный промоутер, отсидел срок за мошенничество с банковскими переводами в девяностых годах.

По просьбе Джо Роу отправился к Патрику Алокко и заявил, что именно он является менеджером Майкла Джексона, а не Фрэнк Дилео и не Томе Томе. Алокко заплатил Роу

15 тысяч долларов в обмен на обещание, что тот поможет ему встретиться с Кэтрин Джексон – единственным членом семьи, с которым пока еще общался Майкл. Они надеялись, что она сможет убедить своего сына присоединиться к семье. Леонард Роу уговорил Кэтрин вмешаться. Та, испугавшись, что пятьдесят концертов в Лондоне могут нанести ущерб его здоровью, согласилась, что семейный концерт – гораздо лучшая перспектива, и стала насаждать на сына. Тем временем, Фрэнк Дилео пытался втянуть в партнерство личного ассистента Джексона, Майкла Амира Уильямса, который к тому времени полностью контролировал все доступы к певцу. Уильямс никогда особенно не доверял Томе Томе, поэтому рассматривал Дилео как более надежного союзника. Таким образом, личный ассистент впустил бывшего менеджера в закрытый круг, чтобы тот снова мог нашептывать Майклу Джексону указания.

К концу марта Томе Томе, Фрэнк Дилео и Леонард Роу носились по Лос Анджелесу отдельно друг от друга, и каждый заявлял, что именно он является менеджером Майкла Джексона. Конфуз усугубился, когда 2 апреля один из новостных сайтов опубликовал статью: «Настоящий менеджер Майкла Джексона – шаг вперед!» К этому моменту многие в команде Джексона активно работали против Томе Томе, убеждая Майкла, что Томе Томе плохо служит ему, раз втянул его в 50 убийственных концертов в Лондоне.

14 апреля Джексон согласился встретиться со своим отцом и Леонардом Роу, чтобы послушать их предложения о семейном шоу. К концу этой встречи Джексон подписал два письма, одним назначая Леонарда Роу своим менеджером, а другим лишая полномочий Томе Томе. В то же время Фрэнк Дилео начал и сам ходить на деловые встречи, размахивая письмом, якобы написанным и подписанным Майклом Джексонном, согласно которому именно Дилео был менеджером и официальным представителем певца. Поскольку Томе Томе уже исчез со сцены, и мир Майкла снова погрузился в хаос, Дилео удалось убедить АЕГ, что он может управлять всей семьей и их доступом к Майклу и сумеет удержать все под контролем до отъезда в Лондон. К середине мая Дилео уже работал в офисе АЕГ. Промоутер также сохранил близкие отношения с Томе Томе, который все равно был слишком плотно замешан в лондонской сделке, нравилось это Джексону или нет. АЕГ прикрывала свои позиции по всем фронтам.

25 мая Джексон послал письмо Леонарду Роу, отказываясь от каких-либо деловых отношений с ним и полностью отвергая все идеи о семейном концерте Джексонсов. Фактически, этой сделки в реальности не существовало, однако целых полгода она почему-то оттягивала на себя слишком много внимания. Через две недели Allgood Entertainment подала на Джексона в суд на 40 млн. долларов, утверждая, что певец и его менеджер Фрэнк Дилео (который действительно им стал после того, как АЕГ наняла его официально) согласились выступить на семейном шоу. Таким образом, договор о лондонских концертах на Арене О2 являлся нарушением «контракта» с Allgood. В качестве компромисса Allgood потребовала процент от прибылей, полученных от лондонских шоу.

«Стервятники», о которых так беспокоился Майкл Джексон, слетались к нему целыми стаями, и стресс уже давал о себе знать. Джексон стал регулярно пропускать репетиции или же приходил с опозданием, вдобавок, вел себя нестабильно. Он стремительно терял вес, достигнув катастрофических 48 кг, а его бессонница все больше усугублялась. 19 июня, по словам Кенни Ортеги, Джексон явился на репетицию в ужасном состоянии и был слишком слаб, чтобы участвовать в прогоне номеров. Режиссер отправил Джексона домой, а потом написал электронное письмо Рэнди Филипсу. «Он был слаб и утомлен этим вечером, – писал Ортега о своем звездном подопечном. – Его трясло с головы до ног, речь несвязная, у него навязчивые идеи. Я считаю, что его психологическое состояние

требует вмешательства специалиста. Если мы еще хотим вернуть его на сцену, нам потребуется опытный врач и хорошее питание».

«Думаю, он действительно хочет этого, – заключал Ортега. – Если мы сейчас все отменим, это убьет его и разобьет ему сердце. Он в ужасе от того, что все это может исчезнуть. Он весь вечер спрашивал меня, не собираюсь ли я бросить его. Он буквально умолял меня остаться. Это убило меня. Он словно маленький потерявшийся ребенок. Возможно, у него еще есть шанс вернуться на вершину, если мы окажем ему требуемую помощь».

Билл:

Я смотрел лондонскую конференцию по телевизору. Когда я увидел, как он вышел к той трибуне и объявил о концертах, я впервые подумал: «Ух ты, это и в самом деле происходит». До этого я не обращал внимания на всю эту шумиху.

Больше всего меня зацепили его слова: «Это последний выход на бис». Думаю, люди не понимали, что он имел в виду. Он говорил: *это конец*. Все. Прощайте. Я не буду больше этим заниматься. Это не Eagles и не Фрэнк Синатра, эти люди уходят на пенсию, затем возвращаются, снова на пенсию и снова едут в тур. Это не тот случай. Майкл Джексон покончил с шоу-бизнесом.

Как бы он ни упирался, думаю, он действительно был рад возможности сделать эти десять концертов. Король поп-музыки снова был у руля. Он был взволнован и радовался, потому что это было ему по силам. Но когда они подняли количество шоу до 50, он взбесился. Помню, когда мы еще жили в отеле Palms, разговоры о 50-ти концертах шли уже тогда. Их изначально было 50. Именно столько концертов он должен был дать, чтобы получить ту сумму, которой они размахивали у него перед носом.

Когда еще шли переговоры об этих концертах, он говорил о них в машине. «Они хотят, чтобы я дал 50 концертов. Я *не в состоянии* дать 50 концертов». Он не говорил, что отказывается. Он хотел сказать, что их предложение было глупым, все равно что просить его спрыгнуть с крыши 15-этажного здания и выжить при этом. Типа, вы можете себе представить, что они реально ждут от меня этого? Он говорил о своем возрасте, обо всех своих травмах, полученных на предыдущих мировых гастролях, о том, как сильно он повредил спину и колени. То же самое он говорил, когда ему предлагали давать по пять концертов в неделю в Вегасе. «Я не могу давать столько концертов. Просто не могу».

Кнут и пряник. Изначально они придумали 50 шоу, потом снизили количество до 10, чтобы соблазнить его, а затем снова подняли до 50. Я слышал, что они уломали его тем, будто бы это поможет ему побить рекорд Принца, ведь мистер Джексон всегда соревновался с Принцем. Но это лишь один из слухов. Дело в том, что мистер Джексон уже задолжал АЕГ огромные деньги. Он взял у них аванс, вдобавок, АЕГ заплатила за его дом в Лос Анджелесе. Поэтому, когда они заявили ему, что концертов будет пятьдесят, он уже не мог вернуть им то, что взял. Его заманили в ловушку, и выхода из нее особо не было.

Джавон:

Я никогда не верил, что он сумеет дать 50 концертов. После всего проведенного с ним времени? Да ни в жисть. Никогда. Он всегда был таким хрупким, таким худым. Даже если он наберет с пяток кило, все равно будет слишком тощим.

Но дело было не только в физике. Нас беспокоило его настроение. Бывали дни, когда из него энергия хлестала потоком, а затем он сдувался. Как с празднованием дня рождения

Элизабет Тейлор. Он был в хорошем настроении, готов ко всему, но если возникала какая-нибудь неприятная мелочь – все. Он выключался. Он не протянет все эти месяцы с таким графиком выступлений, да чтобы при этом никакие личные драмы не портили ему настроение.

Я хотел верить, что он сможет это сделать. Я очень хотел поверить в это грандиозное возвращение. Но он был таким непредсказуемым. Даже после пресс-конференции я все еще не верил, что эти концерты состоятся. Я не смогу поверить в это до тех пор, пока не увижу его на сцене с микрофоном в руке.

Билл:

Сразу после пресс-конференции вокруг все опять закрутилось. Мне звонил Питер Лопез. Мистер Джексон собирался арендовать дом в окрестностях Лондона и хотел, чтобы мы занялись охраной. Мы с Джавоном уже связались с местной компанией и дали им список требуемого оборудования. Мы получили фотографии дома, схемы комнат и тому подобное. Едва начнутся концерты, мы будем охранять его дома, провожать мистера Джексона до концертного зала, а там уже охраной будет заниматься АЕГ. Опять-таки, у меня было ощущение, что мистер Джексон пытался разграничить свою личную и профессиональную жизнь. Так что мы поедem в Лондон. Решено.

Все, что касалось дома, было организовано через Питера Лопеза. Я надеялся восстановить личные связи с мистером Джексонem, которые мы, как нам казалось, потеряли, и Питер Лопез выступал для нас якорем. Он помог нам снова ощутить себя частью команды. Он говорил: «Слушайте, парни, Майкл доверяет вам. Тут столько всего происходит, но не беспокойтесь об этом. Я говорил с Майклом, он хочет, чтобы вы поехали с ним в Лондон». Мне это понравилось. Я также несколько раз побеседовал с Брэдом Баксером, музыкантом и другом мистера Джексона, который часто бывал в доме на Монте-Кристо. Брэд говорил: «Билл, ты *обязан* поехать. Ты должен быть частью этого. Просто потерпи еще немного, все будет круто, когда мы приедem в Лондон».

После разговоров с Питером и Брэдом я заразился их энтузиазмом и почувствовал себя куда увереннее. Они были рядом с мистером Джексонem даже тогда, когда на нем нельзя было заработать, поэтому они казались мне единственными людьми, которым я мог доверять. Едва подтвердилось, что мы едем в Лондон, я составил новый контракт на предоставление наших услуг за границей и отправил его Питеру Лопезу. Контракт передали новым менеджерам, но они мне так и не ответили.

В управлении по-прежнему творился беспредел. Едва объявили о лондонских концертах, и билеты на все 50 концертов были проданы, люди уподобились акулам, привлеченным запахом крови. И это нам раньше казалось, что все было плохо? Теперь все старались урвать себе хоть что-нибудь, присосаться покрепче. Сначала, с момента переезда в Паломино, делами заправлял Томе Томе. В апреле его внезапно вышвырнули вон. Мистер Джексон уволил его. Кто бы ни хотел убрать Томе Томе, определенно добился своего, нашептал мистеру Джексону и убедил его, что этому человеку нельзя верить.

Джо Джексон пытался устроить семейное шоу в Superdome. Он давно лелеял надежду снова объединить братьев Джексон на сцене. Мы знали, что мистер Джексон не хочет этого. Едва эта тема всплывала в разговоре, босс лишь пожимал плечами и закатывал глаза: «Ага, в этом весь Джозеф». Мистер Джексон как-то сказал, что хотел бы показать своим детям, как он выступает с братьями. Но он не хотел иметь ничего общего с бизнес-планами отца, а любое выступление с братьями определенно означало участие Джозефа.

Однако Джо надеялся, что Кэтрин уговорит мистера Джексона. Семья не верила Томе Томе, поэтому они приняли сторону того, кто пытался выпихнуть Томе Томе из команды.

Даже после увольнения Томе Томе все равно крутился вокруг и утверждал, что он менеджер Майкла Джексона. Затем каким-то образом в команду пролез Фрэнк Дилео и добился официального трудоустройства в AEG, и теперь уже он заявлял, что представляет Майкла Джексона. Полная неразбериха. Определенности ноль. Эти люди заключали сделки, заявляя, что они менеджеры Майкла Джексона. А поскольку мистер Джексон подписывал все, что совали ему под нос, возникло слишком много противоречивых контрактов и писем, и теперь люди угрожали друг другу судами за нарушение той или иной сделки.

Я не вмешивался во все это, наблюдал со стороны. Вокруг было не так много людей, у кого был прямой телефонный номер Майкла Амира, и далеко не все знали, что именно он является новым секретарем. Мой телефон был последним способом связи с мистером Джексонном для очень многих людей в бизнесе, и мне постоянно кто-то звонил. Полное безумие. Все эти продюсеры и прочие типы, работавшие над его старыми альбомами, звонили мне: «Если Майкл будет петь такую-то песню на концерте, то должен выплатить роялти такому-то продюсеру, пусть позвонит моему адвокату». И мне такие звонки шли каждый день. Да хоть бы кто-нибудь позвонил и сказал: «Эй, чувак, передай Майку, что мы желаем ему удачи!» Нет. Ничего подобного. Все звонили только для того, чтобы предложить свое участие в шоу и обсудить свои предполагаемые гонорары. Я передавал все сообщения Майклу Амиру, не вникая в суть.

Джавон:

Всплыла даже мисс Раймона. Когда мы еще жили в доме на Монте-Кристо, она устраивала мистеру Джексону ужин с кем-то из AEG, но в то время у них ничего не выгорело. Она не смогла заключить эту сделку, но теперь AEG вернулись к этому, и она заявляла, что ей кое-что за это причитается. И хотя мистер Джексон заплатил ей сотни тысяч долларов, чтобы она убралась, она вернулась после объявления о лондонских концертах и подала на него в суд на 44 млн. долларов. Мы просто обалдели, когда впервые услышали об этом. После всего того, что ты получила? Ах, ты, клоунша. Змея. Ты выпила у этого парня столько крови, а теперь еще хочешь 44 млн. за сделку, которую ты не смогла заключить? Ну и шуточки у вас, ребята.

Мы видели, что за ним совершенно никто не следит. Внезапно его фотографии были во всех новостях. Папарацци ловили его везде, где хотели. Кажется, его фотографии появлялись на TMZ.com практически каждый день. Когда я увидел эти фотки со всего Лос Анджелеса, в голове у меня была только одна мысль: «Какого черта там творится?» Папарацци преследовали его повсюду, а его охрана выводит его через парадные двери посреди бела дня. Мы просто поверить не могли, что он вот так ходит по улицам. Мы никогда не выводили Майкла Джексона через парадные двери, если был выбор. А тут его безостановочно выгуливают перед камерами.

Отчасти это было из-за его переезда в Лос Анджелес и всех этих волнений вокруг предстоящих шоу, однако даже в Лос Анджелесе вполне возможно избежать папарацци, если захотеть. Да, это сложнее. Требуется более тщательного планирования и больше усилий, но звезды ведь постоянно это делают. Известные люди, которые не хотят, чтоб их видели, остаются невидимыми. Однако те, кто занимался мистером Джексонном, похоже, вообще наплевали на его частную жизнь. Им гораздо больше нравилось выставлять его напоказ, чтобы поднять ажиотаж. Стыд и позор тем, кто позволял ему вот так открыто ездить по городу.

Билл:

Тем временем, массивная постановка набирала обороты, как гигантский самолет, вот-вот готовый взлететь. И все, что я слышал о мистере Джексоне в те дни, подтверждало мои опасения. Я знал некоторых людей, работавших в шоу, и также был знаком с несколькими ребятами из его охраны. Они много чего рассказывали. Бывало, звонили и говорили: «Он сегодня сам не свой». Для нас это было не в диковинку. Я слышал, что он пропустил несколько репетиций, поскольку был очень утомлен. Грейс тоже иногда звонила и говорила: «Босс очень устал, поскольку работает над концертами».

Репетиции – это 7-8 часов интенсивной физической работы. Если ты занимаешься этим каждый день несколько недель подряд, тебе потребуется отдых. Я знал, что он мало спит. Но во время нашего дежурства, когда не было концертов, даже если он не мог заснуть, то у него был следующий день, чтобы отдохнуть или отоспаться. Отправить детей с нами на игровую площадку, а самому вздремнуть пару часов. Но если ему нужно каждый день быть на репетиции, то ему потребуется хороший здоровый сон.

Этот фильм, который сделали на основе материалов с репетиций, Michael Jackson's This Is It... Я не смотрел его. Я не могу его смотреть, потому что знаю, что творилось за кулисами. Я знаю, что там происходило. Все равно что смотреть выступление иллюзиониста после того, как узнал, как делаются эти трюки. Ты уже знаешь, что это фальшивка. И все эти люди, говорившие о том, каким великолепным было бы это шоу и как радовался мистер Джексон. Все это было для меня фальшивкой.

Майкл Джексон был перфекционистом, поэтому, если он собрался давать концерт, он будет из кожи вон лезть, чтобы выступить на все сто процентов для своих поклонников. Вот до какой степени он был предан своему делу. Но хотел ли он там быть? Не думаю. Мне кажется, он хотел вернуться в Вирджинию, пойти в поле и запустить еще пару фейерверков с детьми. Думаю, он хотел зайти в тот бар в Джорджтауне и выпить пива с друзьями. Думаю, он хотел освободиться.

В конце мая, после грандиозного нагнетания атмосферы было объявлено, что первые концерты переносятся на неделю. Примерно в то же время Питер Лопез начал спрашивать, не хотим ли мы с Джавоном поехать в Лос Анджелес. Что, может быть, нам бы стоило поработать там, прежде чем мы поедем в Лондон. Мы с Питером обсуждали по телефону этот лондонский дом, и потом он спрашивал: «Парни, а когда вы приедете в Лос Анджелес?»

Это повторялось уже не раз, но я... Не могу сказать, что не был взволнован этим предложением, но некоторые вопросы так до сих пор и не решились. Тот контракт, который я отправил менеджерам, завис на три месяца, мне так и не ответили. Я доверял Питеру и верил его словам, но он не мог руководить всем этим, он не мог решить эти вопросы. Это решали менеджеры. Однако Майкл Амир никогда не перезванивал, а при постоянной смене менеджеров я вообще был без понятия, кто чем заправляет. Было гораздо хуже, чем при Раймоне. С ней я хотя бы знал, кому звонить для решения каких-то ежедневных вопросов. АЕГ руководила подготовкой и проведением концертов, но со стороны мистера Джексона в организации царил бардак. На мне все еще висел неоплаченный счет за айфоны мистера Джексона и его матери – на 2 тысячи долларов. А я не мог понять, кому передать этот счет, чтобы его оплатили.

Я чувствовал себя неуютно, работая с этими людьми. И я ко всему относился с недоверием. Я не мог снова бросить свою дочь и знал, что Джавон тоже не оставит семью,

не получив какие-то железные гарантии. График поездок. График оплаты. Проживание. Все это до сих пор никто не организовал. Поэтому, когда Питер Лопез в очередной раз намекал мне на переезд в Лос Анджелес, я прикидывался шлангом и ждал, что мне скажут по поводу всех этих организационных моментов.

Наконец, в середине июня, Питер позвонил мне: «Майкл хочет, чтобы вы приехали в Лос Анджелес». Он велел мне связаться с Майклом Амиром и договориться о перелете. Я знал, что звонить Амиру бесполезно. Но я попытался. Безрезультатно. Он и Питеру Лопезу тоже не перезванивал. Я не стал настаивать. Уж не знаю, для чего мы понадобились мистеру Джексону, но это явно не было срочно. В тот момент до отъезда в Лондон оставалась буквально пара недель. Какой смысл ехать в Лос Анджелес? Я предположил, что ничего особенного случиться не может, пока мы не полетим за океан.

Через неделю мне снова позвонили. Звонок был в восемь тридцать вечера, это я хорошо запомнил. Звонил мистер Джексон. Я давно не слышал его.

– Что с вами случилось, парни? Где вы? Почему вы не в Лос Анджелесе?

Я сказал ему, что пытался организовать наш переезд туда, но у меня ничего не получилось. Он велел мне позвонить Майклу Амиру. Я ответил, что попробую, и на этом закончилось. Он не сказал мне, для чего мы нужны ему.

Черт возьми, да что происходит? Его со всех сторон окружали люди. Мы-то ему там зачем? Или просто потому, что ему так захотелось? Возможно, ему не нравилось, что его детей окружают незнакомцы. Грейс уже была в Лондоне. Может, он хотел, чтобы в доме было знакомое лицо. Вдобавок, он часто прибегал к моей помощи, когда нужно было кому-то ответить отказом, вытащить его с нежелательных встреч. Чтобы кто-нибудь встрял и сказал: «Мистер Джексон сейчас должен уходить». Возможно, люди слишком лезли к нему, и ему требовалась этакая буферная зона. Честно, я не знаю. В последний раз, когда он отправил меня в Лос Анджелес, я проехал более 500 км только для того, чтобы передать ему чемоданчик с Оскарами, а затем вернуться домой. Неужели эта история снова повторится?

Мы уже были в похожей ситуации два года назад. Я был в Вегасе, он был в Вирджинии и точно так же спрашивал: «Ребята, ну где же вы? Когда вы приедете?». Я никак не мог договориться с Раймоной, чтобы приехать туда, но это не имело значения. Мы были нужны ему. И мы поехали. А теперь мы сомневались. Вот что изменилось. Ради мистера Джексона мы ринулись бы через всю страну, не раздумывая. И если бы мистер Джексон позвонил и сказал, что мы нужны ему, что мы нужны его детям, думаю, мы сели бы в машину в тот же день и поехали, без вопросов. Но хотели ли мы сделать то же самое и при этом бросить своих собственных детей? Хотели ли мы оказаться посреди всей этой кутерьмы вокруг Короля поп-музыки? Ощущения уже не те. Слишком многое изменилось.

Я поступил так же, как обычно поступал, когда мистер Джексон приходил ко мне с какими-то странными или необычными просьбами. К примеру, когда он просил привезти ему вертолет-симулятор или колесо обозрения. Я несколько дней выжидал, чтобы проверить, вспомнит ли он об этом или забудет. Таким образом, я знал наверняка, говорит ли он всерьез или это просто минутная прихоть. Именно с таким ощущением я говорил с ним, когда он попросил меня приехать в Лос Анджелес. Это не казалось мне срочным. И поэтому я сказал себе: если это важно, он перезвонит.

Он не перезвонил.

25 июня 2009 года в 12:26 парамедики ворвались в спальню Майкла Джексона в доме на Кэрлвуд-драйв после звонка по 911. Джексон был без сознания и не дышал. После многочисленных попыток реанимации в 13:07 его погрузили в машину скорой помощи и доставили в медицинский центр UCLA в шести километрах от места происшествия. Еще через час, в 14:26, Майкл Джозеф Джексон был объявлен мертвым. У него остановилось сердце. Сразу же было выписано распоряжение о вскрытии, дабы установить точную причину смерти.

Через три часа брат Майкла, Джермейн, вышел из больницы и сделал заявление, подтвердив то, что весь мир и так уже знал. Таблоидный вебсайт TMZ.com объявил о смерти Джексона буквально через несколько минут после заключения коронеров, спровоцировав беспрецедентный взрыв всех медиа-ресурсов. В течение нескольких часов интернет-трафик возрос на 15% по всему миру. Википедия, твиттер и вебсайт Los Angeles Times обрушились под лавиной запросов. Скорость обновления страниц на фейсбуке выросла в три раза.

Пока весь мир атаковал Google, писал в твиттере и распространял новости о смерти Джексона, поклонники певца и зеваки собрались под больницей UCLA. Такие же толпы образовались у ворот дома на Кэрлвуд-драйв и ранчо «Неверленд». К вечеру люди заполнили улицы у входа в главный офис Motown в Детройте и возле театра «Аполло» в Гарлеме. К утру такие спонтанные собрания уже были на улицах Лондона, Парижа, Мехико, Найроби и Москвы.

7 июля было проведено публичное прощание с Джексоном в Степлс-центре в Лос Анджелесе. Братья Джексон, каждый в белой перчатке на одной руке, вынесли гроб с телом певца на сцену. Целый ряд известных личностей, начиная с Брук Шилдс и преподобного Эла Шарптона и заканчивая Берри Горди, произнесли надгробные речи, перемежавшиеся лучшими хитами Джексона в исполнении Мэрайи Кэри, Стиви Уандера и Дженнифер Хадсон. Более 31 миллиона человек смотрели трансляцию только на территории США, более 6,5 млн. зрителей – в Англии, 18 млн. – в Бразилии и многие миллионы в других странах. Помимо телевизионной аудитории, 33 млн. смотрели трансляцию в интернете. Прощание с Майклом Джексоном получило наибольшее количество просмотров за всю историю подобных прощаний с известными личностями.

В последующие дни стало очевидно, насколько популярным оставался певец. За неделю после смерти он продал 2,6 млн. цифровых загрузок и более 800 000 дисков. За последние 6 месяцев 2009 года проданы 9 млн. дисков в США и 35 млн. по всему миру. Документальный фильм Michael Jackson's This Is It, состоящий из кадров, снятых во время репетиций, вышел в прокат на большие экраны и транслировался в кинотеатрах в течение двух недель. Кассовые сборы составили более 261 млн. долларов, что сделало его самым прибыльным музыкальным фильмом всех времен. Журнал Billboard подсчитал, что за год после смерти поклонники Джексона принесли наследникам его состояния более 1 миллиарда долларов прибыли.

3 сентября 2009 года состоялась закрытая церемония похорон Майкла Джексона на кладбище Forest Lawn Memorial Park в Лос Анджелесе. Обстоятельства его смерти стали проясняться. 27 августа прогремели ужасные новости: коронеры Лос Анджелеса постановили, что смерть Джексона наступила в результате убийства в форме «обширной интоксикации пропофолом с бензодиазепиновым эффектом».

Пропофол, мощный анестетик, незнаком большинству людей, поскольку его используют только в больницах для наркоза при операциях. Без надлежащего оборудования для измерения содержания кислорода в крови, пульса и давления его применение чрезвычайно опасно. Из-за интенсивной физической и эмоциональной нагрузки при подготовке к лондонским концертам бессонница Джексона достигла катастрофических масштабов. Отчаявшись заснуть самостоятельно, он постоянно обращался к своему личному врачу, Конраду Мюррею, чтобы тот ставил ему еженощные капельницы с этим препаратом.

Вечером 24 июня Джексон прибыл в Степлс-центр на костюмированную репетицию. Ранее выглядевший уставшим, певец в этот вечер был полон сил и энергии и провел полноценную репетицию всего шоу, да так, что, по словам Кенни Ортеги, буквально «светился изнутри». В половине первого ночи Джексон уехал домой, где так и не сумел заснуть. В попытке снизить адреналин после выступления доктор Мюррей сначала применил большие дозы успокоительных – лоразепама и мидазолама. Однако к восходу солнца Джексон все еще не мог заснуть, поэтому в 10:40 утра Мюррей дал ему 25 мг пропофола.

По словам доктора, через час он обнаружил, что Джексон не дышит. После нескольких панических попыток самостоятельно применить сердечно-легочную реанимацию Мюррей бросился на первый этаж с криками о помощи. Охрана Джексона, Принс и Пэрис кинулись вслед за доктором в спальню певца и увидели, как тот отчаянно пытается вернуть Джексона к жизни. С момента обнаружения бездыханного певца и до момента вызова парамедиков по 911 прошло почти полчаса.

Через 8 месяцев после смерти Джексона, в феврале 2010 года доктору Конраду Мюррею было предъявлено обвинение в непреднамеренном убийстве за применение смертельной дозы пропофола. Дело пошло в суд осенью 2011 года, и доктор Кристофер Роджерс, начальник отдела судебной медицины в офисе коронеров округа Лос Анджелес, показал, что, невзирая на чрезмерную худобу и усталость Майкла Джексона после репетиций, состояние его здоровья было удовлетворительным для пятидесятилетнего мужчины. Если бы не серия случайных событий 25 июня 2009 года, певец вполне мог бы дожить до старости. 7 ноября 2011 года Мюррей был признан виновным в непреднамеренном убийстве и приговорен к четырем годам тюремного заключения.

Во время суда Билл Витфилд, начальник охраны Майкла Джексона в Лас Вегасе, также получил повестку в суд. Все надеялись, что он и его команда могли обладать какой-то информацией, которая могла бы объяснить то, что произошло в день смерти Джексона.

Билл:

В то утро я ездил по делам, все еще размышляя, стоит ли мне ехать в Лос Анджелес. Приехав домой, я решил, что все-таки поеду. Нужно просто сесть в машину и поехать. Узнать, что происходит. Но едва я вошел в дом, мой телефон принялся трезвонить без остановки. Он просто взрывался. Электронные письма. Текстовые сообщения. Сообщения на автоответчике. Я ответил на один из звонков. Звонил мой приятель:

- Эй, чувак, что там с твоим парнем стряслось?
- О чем это ты?
- Да твой парень мертв, чувак!
- Кто?!
- Майкл Джексон!
- Да ну тебя!

Я ему не поверил. Мне уже доводилось сталкиваться с подобным. Видимо, опять какие-то сплетни. Но мой телефон продолжал звонить. Я видел на экране телефона имена моих знакомых из Нью-Йорка, людей, с которыми давно не общался. И мне стало страшно. Я встал, включил телевизор. Новость уже передавали по всем каналам.

Джавон:

Я делал кое-какие покупки в городе, и внезапно мой телефон стал разрываться. Едва это началось, одна из девочек-продащиц в музыкальном отделе вскрикнула:

– О, нет! Майкл Джексон умер!

Я схватил свой телефон. Звонил мой двоюродный брат Джефф:

– Мистера Джексона больше нет.

– Ты чо, серьезно?!

– Ну, так говорят. Я сейчас попытаюсь выяснить и перезвоню.

Я застыл. В моей голове крутилась только одна мысль: а где же дети? Видели ли они своего отца, когда он умер? С кем они сейчас? Я ринулся домой, чтобы самому послушать новости.

Билл:

По телевизору я видел, что репортеры уже собрались у больницы. Все происходило на самом деле. Диктор говорил: «Мы ждем подтверждения от кого-нибудь из членов семьи». И тут я увидел, как на трибуну поднимается Джермейн. И подумал: неужели он сейчас скажет то, о чем я думаю? Джермейн говорил прерывисто, тяжело вздыхая.

– Мой брат, легендарный Король поп-музыки, Майкл Джексон, ушел от нас...

Я рухнул на диван, шокированный.

Джавон:

Едва я услышал подтверждение из офиса коронеров, я пошел в ванную и разрыдался. Я смотрел в зеркало, и у меня страшно болело сердце. Я все думал о детях. Где они? Как они? Они ведь почти не были знакомы с другими членами семьи. Он держал их вдали от всех. Единственный человек, которого они хорошо знали – это мисс Грейс. Теперь, когда их папочки не стало, куда они пойдут? Кто будет заботиться о них?

Билл:

Когда по телевизору показали, как со двора дома выезжает машина скорой помощи, я обалдел. Они что, ждали скорую помощь? Почему они не отвезли его в больницу сами? Почему они не схватили его и не ринулись с ним в больницу сразу же, едва заметили, что что-то не так?

В последующие дни я мог думать только об одном: что было бы, если бы я был там? Мог бы я что-то изменить? Изменилось бы что-нибудь, если бы я поехал в Лос Анджелес по первому его звонку? Позднее я услышал запись звонка по 911, услышал, как они говорили оператору все это – «у нас тут джентльмен, он не дышит». Какого хрена?! Я бы просто затащил его в машину и рванул в больницу. Она ведь была совсем недалеко. Я бы моментально доставил его туда. Он не дышит? Так поехали! Быстро! Может, все было бы иначе, если бы я был там. Может, я просто фантазирую, но я не думаю, что просто сидел бы сложа руки и ждал парамедиков.

Этот сценарий все крутился и крутился в моей голове. А что если?.. Я никак не мог перестать думать об этом. Но могу сказать вам, о чем я точно *не* думал, когда услышал о его смерти. Я вообще не подумал о Конраде Мюррее. Я даже на секунду не мог представить, что он замешан в этом. Пропофол? Впервые слышу. Он никогда ничем подобным не пользовался, когда мы были с ним, мы знали это, потому что он практически никогда не спал.

Об отношении Майкла Джексона к лекарствам по рецепту я знал не больше, чем другие люди. То, что говорили в новостях. Я слышал буквально все гадости, которые пресса писала о Майкле Джексоне, и все они оказывались просто сплетнями, поэтому я старался опираться лишь на то, что видел своими глазами. А видел я не так много. Был один раз в Вирджинии, когда он потребовал отвезти его в больницу посреди ночи. Это было необычно. И та камера, которую он вырвал голыми руками в отеле Four Seasons. Там что-то произошло. Но на этом все. За все то время, что мы провели рядом с ним, в личном контакте, я никогда больше не видел чего-то похожего. Майкл Джексон, которого я знал, чаще всего проводил время за книгой или помогал детям с уроками. Вот на этого парня я и работал.

Доктор Мюррей посещал мистера Джексона 3-4 раза за все те месяцы, когда я был рядом. И приезжал он только потому, что болели дети. У Пэрис был грипп, у Бланкета – расстройство желудка, что-то в этом роде. Разумеется, я не мог знать, не дает ли доктор Мюррей мистеру Джексону какие-то лекарства на стороне. Но он никогда не оставался в доме больше часа, максимум полтора часа. Никогда не оставался на ночь. Если доктор Мюррей и помогал ему заснуть, это было явно не во время моего дежурства. А почему? Почему его не было в Вирджинии? В Нью-Джерси? Я вам отвечу: потому что Майклу Джексону это не требовалось. Все это было вызвано Королем поп-музыки, потому что над ним вились стервятники, он был вынужден пахать на репетициях и как-то справляться с давлением. Всю драму спровоцировал только Король поп-музыки.

Джавон:

Следующие недели я не находил себе места, ругая себя. Я все думал: а если бы я был там? Не могу сказать наверняка, как бы я себя повел, но если бы я был там, когда его объявили мертвым, я бы точно обвинил во всем себя. Я бы говорил себе: что я сделал не так? Неужели я ждал слишком долго, прежде чем вызвать скорую? Что-то в этом духе. Это уничтожило бы меня. Если бы он умер во время моего дежурства, и его дети считали бы, что мы не сделали все возможное, чтобы сохранить жизнь их отцу. Но поскольку меня там не было, я мог хоть как-то утешиться.

Билл:

Я начал ощущать, что нам и не было предназначено быть там. Нас не должно было быть на месте его смерти. Те, кто участвовал в этом, будут носить это в себе до конца своих дней. Кто-то из его поклонников, какая-то девушка, говорила мне об этом. Она сказала: «Он должен был умереть в Лос Анджелесе. Эти концерты, давление... Это неминуемо должно было случиться. Возможно, ваши с ним отношения сложились именно так потому, что он не должен был умереть во время вашего дежурства. Вы не должны были нести эту тяжкую ношу». Я все думаю над этими словами. «Я и не должен был там быть». Правда? Может, я сошел с ума, но я все равно думаю об этом. Я цепляюсь за это.

Когда я вспоминаю о тех событиях, то, наверное, ощущаю скорей облегчение, чем печаль. Я принял это. Часть меня действительно верит в то, что он не умер. Он просто ушел. «Я ухожу отсюда. Я оставляю все это дерьмо и эту жизнь. Я ухожу». У него бы уже не получилось так жить. Никогда. Только не в этом мире. У него никогда не было бы

обычной жизни, как у меня или у вас. Он не мог освободиться. Майкл Джексон всегда был бы окружен стервятниками. За ним бы везде ходила охрана, следившая за каждым его шагом, до конца его дней. Да кто захочет так жить? Здесь для него не было ни покоя, ни утешения. Я постоянно повторяю себе эти. Теперь он наконец-то отдохнет.

Я пришел к этому состоянию через несколько месяцев после того, как все это случилось. Мне потребовалось много времени. Сразу после его смерти, за неделю до церемонии прощания в Степлс-центре, я связался с сотрудницей AEG (именно они занимались организацией церемонии). Я сказал ей, что мне нужны билеты для нас с Джавоном. За два дня до церемонии, когда мы уже готовились выехать в Лос Анджелес, мне позвонили. Я поднял трубку. В трубке плакала какая-то женщина:

– Билл, это Джоанна.

Джоанна? Не знаю никакой Джоанны.

– Кто?! – переспросил я.

– Билл, это я. Джоанна. «Подружка».

О... «Подружка». Из Вирджинии.

– Эй, как ты? – спросил я.

Она рыдала.

– Билл, пожалуйста, я должна увидеть Майкла. Я должна попрощаться. Пожалуйста, помоги мне, Билл!

Она умоляла меня помочь ей попасть на церемонию прощания. Однако она называла это иначе. У нее был такой жуткий восточноевропейский акцент, и по-английски она говорила довольно посредственно. Она не знала, как это называется по-английски, поэтому называла это «шоу». Она повторяла: «Билл, я должна пойти на шоу». Но я не знал, как протащить ее туда. Мистер Джексон никому о ней не говорил. Она больше ни с кем не могла связаться. Никто не знал, кто она такая. А она все повторяла: «Билл, *пожалуйста!* Ты должен помочь мне попасть туда!» Я не знал, что делать. Сказал ей, что перезвоню. А потом позвонил Джавону.

Джавон:

Я не хотел туда идти. Я был в жутком состоянии. Я видел все эти статьи в газетах, видел эти программы по телевизору. Майкл Джексон, Майкл Джексон, Майкл Джексон везде и повсюду. Дошло до того, что даже на шоу «Танцы со звездами» участников спрашивали: «Что вы чувствуете в связи со смертью Майкла Джексона?»

Я спокойно относился к тем, кто говорил: «Ну, он прекрасный артист, и мы никогда не забудем его музыку». Меня это не трогало. Но я просто ненавидел всех этих знаменитостей, вылезавших непойми откуда и делавших вид, что они были его лучшими друзьями и общались с ним каждый день. Люди говорили: «Да-а, вот мы с Майклом тусовались год назад...» Я смотрел на экран и думал: черта с два. Я же был с ним все время, а вот тебя там не было.

Я знал, что эти похороны будут напрочь фальшивыми. Я не хотел в этом участвовать. Я знал, что не смогу оставаться спокойным, поэтому сказал Биллу:

– Если я пойду туда, то покалечу кого-нибудь. Реально.

Я очень хотел оказать ему последние почести, дань уважения, остаться с ним один на один, но я знал, что там этого не будет. Я уже принял решение, когда Билл позвонил и рассказал о Подружке. Поэтому я ответил:

– Билл, иди лучше ты, будешь представлять нас обоих. А мой билет отдай ей. Она должна быть там.

– Ты уверен?

– Абсолютно уверен.

Билл:

Какая-то часть меня тоже не хотела идти, по тем же причинам, но у меня было больше сомнений, чем у Джавона. Я чувствовал, что это очень важно – быть там. Я перезвонил Подружке и договорился встретить ее в Лос Анджелесе. Она звонила мне не из Штатов, а затем, меньше чем за сутки, она каким-то образом добралась сюда из Европы.

В день церемонии я отправился в отель SLS в Беверли-Хиллс, где выдавали билеты. Я отстоял очередь, взял билеты и вышел наружу, подождать Подружку. Я видел группу людей, выигравших билеты на радио. Они разыгрывали билеты на радио. Выиграйте себе местечко на похоронах Майкла Джексона. Меня это взбесило. Тут я услышал, как кто-то кричит у меня за спиной: «Билл!», повернулся и увидел Подружку. Она плакала. Кажется, она не переставала плакать все эти десять дней. Она подбежала ко мне, я обнял ее и отдал ей билет. В следующий раз мы увиделись уже внутри.

У входа в Степлс-центр творилось форменное безумие. Везде полиция. Они перекрыли целые кварталы. Я припарковался в гараже в десяти кварталах от зала и шел пешком. Его поклонники выстроились вдоль улиц за рядами полицейских, в руках у них были плакаты и цветы. Многие были одеты как он, в этих зеркальных очках и шляпах. Тысячи людей.

Едва я вошел и сел на свое место, то сразу понял, что здесь все будет так, как мы и думали. Это не настоящая церемония прощания. Это Голливуд. Собрались все сливки общества. Я огляделся и увидел всех этих знаменитостей. Люди общались, смеялись. Вся семья Кардашьян была здесь. Джавон бы сошел с ума, если бы увидел это.

В секторе, где я сидел, было порядка полутора тысяч людей, и среди них я видел буквально 40-50 человек, которые действительно были в трауре. Я увидел ту самую девушку с красной машиной, которая парковалась напротив дома на Монте-Кристо. Когда я увидел ее, то сказал себе: да, она действительно должна быть здесь. Им следовало выгнать отсюда всех этих жалких притворщиков на улицу, открыть двери и впустить сюда его поклонников. Они заслужили быть здесь. Его поклонники были единственными, кто никогда не бросал его. Когда они говорили «Майкл, мы любим тебя», он всегда отвечал – «я люблю вас больше». И он говорил искренне. Они многое значили для него. Они были настолько небезразличны ему, что порой с ними у него были единственные стабильные и реальные отношения за всю его жизнь. Его единственная любовь, его единственный роман.

Как только началась программа, я перестал обращать внимание на то, что творилось на сцене. Я был погружен в свои мысли. Мне казалось, что люди, выходявшие на сцену, прощались с кем-то другим. Не с тем человеком, которого я знал. Я не обращал внимания на всех, кто выступал – Ашера, Мэрайю Кэри, Джона Майера. Я не видел их. Подружка была права. Это не было церемонией прощания. Это было шоу. Всего лишь шоу.

В конце на сцену вышла вся семья Джексонов. Кто-то из братьев произнес несколько слов, а затем послышалось: «Пэрис хочет сказать кое-что». Когда я услышал это, то сразу

же вытащил и надел темные очки. Я знал, что разрыдаюсь, едва она заговорит. Она вышла вперед, ей отрегулировали микрофон. Она заговорила, и когда она сказала: «Папочка был лучшим отцом, которого только можно себе представить», меня сорвало. Я был в истерике. Я уже не слышал ее слов. Это было слишком больно. Это были слова, которые я не хотел слышать.

Она заплакала, и тут я понял, что раньше никогда не видел ее плачущей. Она всегда была веселой, улыбающейся, смеющейся. Принс и Бланкет тоже. Принс плакал, когда ему пришлось оставить собаку в Нью-Джерси, но это был единственный раз. Я ни разу не видел, чтобы эти дети плакали или были расстроены. Они были самыми счастливыми детьми в мире. Они обожали своего папочку, они любили друг друга. Вместе они были очень счастливой семьей.

После речи Пэрис выступил Марлон Джексон и поблагодарил всех присутствующих. Братья подошли к гробу, чтобы унести его со сцены. Заиграла Man in the Mirror, и люди начали кричать: «Майкл, мы любим тебя!» Я смотрел на все это и вспоминал разговор с Грейс в доме на Монте-Кристо, когда я только начал работать там. Мы с ней были в гараже, я устанавливал оборудование для охраны, а Грейс сидела за компьютером. Мистер Джексон велел ей связаться с кем-то, и она была расстроена:

– Босс хочет, чтобы я связалась с этим человеком, я оставила уже сотню сообщений, но мне так и не перезвонили. Порой он забывает, что некоторые люди не хотят иметь с ним ничего общего после всего этого кошмара.

– Какого кошмара? – спросил я. – О чем это вы?

– Суд, – ответила она. – После суда многие перестали ему звонить.

Она стала рассказывать мне, как все это работает. Говорила о днях сразу после суда.

– Когда его оправдали, мы устроили в «Неверленде» вечеринку, чтобы он мог отпраздновать вердикт, но никто не пришел.

– Вообще никто?!

– Ну, буквально пара человек.

Она сказала, что они составили список гостей – друзей и людей, с которыми мистер Джексон работал многие годы. В списке было порядка 300 человек. Пришли от силы 50. Большинство пришедших – те, кто работал на него. Обслуживающий персонал «Неверленда». Сотрудники его адвоката. Люди, которым заплатили, чтобы они туда пришли. Все остальные звонили и говорили, что не могут прийти, что у них были другие планы.

– Он понял, – сказала Грейс. – Он знал, почему они не пришли. Люди звонили и говорили ему, что любят его и молятся за него, но мало кто выступил в его защиту публично. Мало кто сказал публично, что верит ему. Многие притворяются его друзьями, но они ему не друзья. Если он не делает им деньги, их рядом не будет.

Когда закончился суд, мистер Джексон хотел верить, что его жизнь будет такой же, как раньше. Он считал, что мир увидит его невиновность, увидит, что его обвинили несправедливо, все вернутся к нему и будут любить его. Но этого не случилось. Это разбило ему сердце. Сейчас мы видим все эти суды, показания, люди обвиняют друг друга, задают вопросы, все подают на всех в суд, все ругаются и спорят, кто или что убило Майкла Джексона. А для меня все ясно. Я знаю, что убило его.

Пока я сидел в зале и смотрел на всех этих людей, я не мог забыть тот разговор с Грейс. Я хотел побыть наедине со своими мыслями, хотел оплакать его. Но я не мог. Я ощущал лишь гнев. Гнев застилал все остальное. Люди выходили на сцену, говорили о том, каким

чудесным другом был Майкл и как много он для них значил, а я думал: где же вы были? Где вы были, когда телефон молчал целыми днями? Когда он не мог спать по ночам, и у него не было никого, с кем он мог бы поговорить? Когда у Пэрис был день рождения, и никто не пришел, чтобы посмотреть, как она открывает подарки? Лишь няня и парочка телохранителей. Где же вы все были, когда его выбрасывали из отелей, когда его дети жили на чемоданах, а у нас не было денег, чтобы заправить машину? Где были все эти люди?

Где были все эти люди, когда он так нуждался в них?..

(с) Перевод: Юлия Сирош (justice_rainger)